

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2016 Том 16

ISSN 1814-733X
ISSN 1818-9601

Издается с 2001 года

Серия Социология. Политология, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Кравченко Н. Ю.** Гражданская идентичность современной России 5
- Малый В. И., Гусев В. В.** Советский и современный российский инновационные проекты: сходство и различия 8
- Забнева Э. И.** Особенности профессионализации муниципальных служащих в социально-историческом контексте (по материалам сравнительного социологического исследования) 12
- Бабаян И. В., Пашинина Е. И.** Социальное благополучие молодежи в социально-экономических условиях модернизации 15
- Перминова М. С.** Специфика формирования социальной активности молодежи в условиях волонтерской деятельности 22
- Сабанов З. М.** Социальная поддержка инвалидов в РСО–Алания 26
- Нечаева И. В.** Условия и факторы формирования предпринимательского потенциала сельского социума 28
- Жемчураева С. Ш., Ибрагимова Э. М.** Некоторые Аспекты толерантного сознания студенческой молодежи Чеченской Республики 33

Слово молодым социологам

- Карелин М. А.** Теоретико-методологические Основания гибридации поколенческого пространства 36
- Андропова Ю. Э.** Структурно-содержательный Анализ понятия «социальное предпринимательство» 39
- Павлова С. М.** К вопросу о сущности и социальных функциях института студенческого самоуправления 42
- Поплавский М. А.** Коррупция как социальное явление 45
- Краснов М. М.** Динамика хозяйственных укладов в российском селе 47
- Трофимова О. А.** Новые тенденции в образе жизни пожилых женщин, проживающих соло 52

Политология

- Вилков А. А.** Политические аспекты гармонизации этноконфессиональных отношений на региональном уровне 55
- Шестов Н. И.** «Облачные свойства» методологии современного политического исследования 62
- Кузьмин П. В.** Профессионализм политика: теоретические аспекты и практика политической деятельности в современном Крыму 71
- Мирзаханов Д. Г.** Понятия «глобализация» и «исламский ренессанс» в научном дискурсе: соотношение смыслов и причинно-следственных связей 77
- Стукалова А. В.** Политика государственной поддержки социального сиротства и развития системы семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (опыт Москвы) 84
- Дубровская С. В.** Проблема «электронной совести» в современном политическом пространстве 88

Слово молодым политологам

- Калинин В. А.** Особенности национального дискурса в деятельности политической партии «Единая Россия» 92
- Шарапов Р. И.** Особенности виртуальных форм современного политического протеста 97
- Шестакова А. Г.** Религиозный фактор в мировой политике 101

Приложение

- Хроника** 106

- Сведения об авторах** 122

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36016, раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Ковалева Наталия Владимировна

Корректор

Гаврина Марина Владимировна

Адрес учредителя и редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 20.03.16.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,60 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 34-Т.

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2016

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков с пробелами).

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozipolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты;
- «внешнюю» рецензию, заверенную в установленном порядке.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал рецензии и договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozipolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS**Scientific Part****Sociology**

Kravchenko N. Yu. Civil Identity of Modern Russia	5
Maliy V. I., Gusev V. V. Soviet and Modern Russian Innovative Projects: Similarities and Differences	8
Zabneva E. I. Professionalization Features of Municipal Employees in the Social and Historical Context (Based on a Comparative Sociological Research)	12
Babayan I. V., Pashinina E. I. Youth Social Well-being in Socio-economic Conditions of Modernization	15
Perminova M. S. Specificity of Formation of Social Activity of Young People in Volunteer Activities	22
Sabanov Z. M. Social Support for Persons with Disabilities in the RNO–Alania	26
Nechaeva I. V. Conditions and Factors of Forming the Entrepreneurial Potential of Rural Society	28
Zhemchuraeva S. Sh., Ibragimova E. M. Some Aspects of Tolerant Consciousness of Student's Youth of the Chechen Republic	33

A Word to Young Sociological Scientists

Karelin M. A. Theoretical and Methodological Foundations of Hybridization Space Generation	36
Andronova Yu. E. Structural and Substantive Analysis of the Concept of «Social Entrepreneurship»	39
Pavlova S. M. The Substance and Social Functions of the Student Self-governance Institution	42
Poplavskiy M. A. Corruption as a Social Phenomenon	45
Krasnov M. M. Dynamics of Economic Formats in the Russian Countryside	47
Trofimova O. A. New Trends of Lifestyle of an Elderly Woman Living Solo	52

Politology

Vilkov A. A. Political Aspects of the Regional Level Ethnic and Confessional Relations' Harmonization	55
Shestov N. I. «Cloud Features» of Methodology of Modern Political Studies	62
Kuzmin P. V. Professionalism of a Politician: Theoretical Aspects and Practice of Political Activity in Contemporary Crimea	71
Mirzakhonov D. G. The Concepts of «Globalization» and «Islamic Renaissance» in Academic Discourse: Correlation of the Meanings and Cause-consequence Interdependence	77
Stukalova A. V. The Policy of State Support of Social Orphanhood and System Development of Family Placement of Orphans and Children Left Without Parental Care (the Experience of Moscow)	84
Dubrovskaya S. V. A Problem of «Electronic Conscience» is in Modern Political Space	88

A Word to Young Political Scientists

Kalinin V. A. Features of National Discourse in the Activity of the Political Party «United Russia»	92
Sharapov R. I. Distinctive Features of Virtual Forms of the Modern Political Protest	97
Shestakova A. G. Religious Factor in World Politics	101

Appendices

Chronicle	106
------------------	-----

Information about the Authors	122
--------------------------------------	-----

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

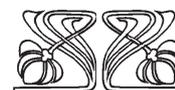
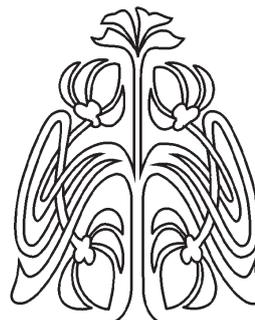
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

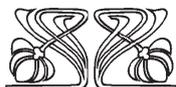
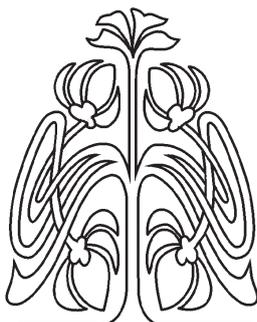
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

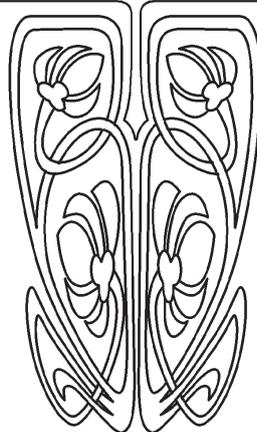

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аникин Леонид Сергеевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Айтчисон Брайан, докторант политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Vilkov A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Beginina I. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anikin L. S. (Saratov, Russia)
Itchison B. (London, Great Britain)
Butterfield G. (Kalamazoo, USA)
Golenkova Z. T. (Moscow, Russia)
Kalinnikova M. V. (Saratov, Russia)

Komkova G. N. (Saratov, Russia)
Kuznetsov I. I. (Moscow, Russia)
Osadchaya G. I. (Moscow, Russia)
Shhmatova N. V. (Saratov, Russia)
Shestov N. I. (Saratov, Russia)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н. Ю. Кравченко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: kravchenko.n@gmail.com

В статье автор анализирует теоретические и методологические проблемы конструирования гражданского общества и гражданской идентичности в России. Классическое гражданское общество эпохи Модерн предполагает наличие таких составляющих, как среда – национальное и правовое государство, гражданин – носитель гражданской идентичности, проявляющий свою гражданскую позицию в публичном пространстве и актуализующий ее в соответствующих гражданских практиках. В эпоху постмодерна национальные общества сменяются массовыми обществами и обществами потребления. Массовое общество и гражданское общество не могут существовать одновременно. Автор приходит к выводу, что если поставить целью блокировать объективное развитие массового общества, необходимо противопоставить ему гражданское общество.

Ключевые слова: гражданская идентичность, гражданское общество, массовое общество, общество потребления.

Civil Identity of Modern Russia

N. Yu. Kravchenko

In the article the author analyzes theoretical and methodological problems of civil society constructing of identity in Russia. Classical civil society of the modern period assumes existence of such components as surroundings (environment – the national and constitutional state, the citizen – the carrier of civil identity showing the civic stand in public space and its actualizing it in the corresponding civil practices. During a postmodern period national societies are changed into mass and consumer societies. Mass society and civil society can't exist at the same time. The author comes to conclusions that if to set as the purpose to block objective development of mass society, it is necessary to oppose it civil society.

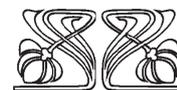
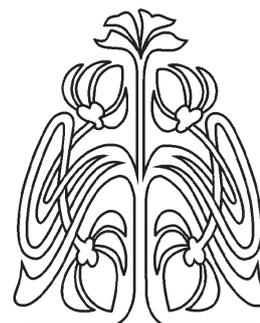
Key words: civil identity, civil society, mass society, consumer society.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-5-8

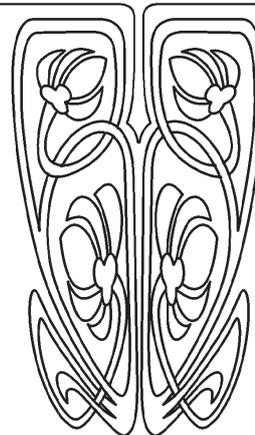
В начале 90-х гг. прошлого века наша страна в качестве ориентира дальнейшего развития выбрала концепцию правового государства и гражданского общества. С этого момента бывшие граждане СССР были вынуждены искать новые основания для идентификаций, для замещения конструкта «советский человек». Одновременно с этим начался процесс конструирования гражданского общества и гражданской идентичности «сверху». В настоящее время этот процесс продолжается, руководство страны выделяет ресурсы на построение гражданского общества. Научный дискурс гражданской идентичности становится все более популярен, растет количество публикаций, посвященных проблемам формирования и конструирования гражданской идентичности.

Как российские ученые определяют гражданскую идентичность?

А. Г. Асмолов определяет гражданскую идентичность как осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе. В этом определении выдвигаются на первый план сообщество граждан и культурологические основания для интеграции¹.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Т. В. Водолажская предлагает два определения гражданской идентичности: 1) осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющую для индивида значимый смысл; 2) феномен надындивидуального сознания, признак (качество) гражданской общности, характеризующий ее как коллективного субъекта. Первое определение созвучно с приведенным выше, но акцент делается на рациональном выборе, а не на общекультурной основе. Второе определение указывает на двойственную природу гражданской идентичности – это и субъективное самоопределение, и характеристика общности².

Трактовка понятия, предложенная Е. А. Гришиной, учитывает культурологическую и аксиологическую природу феномена. Она говорит о гражданской идентичности с позиции тождественности индивида обществу, в основу которой положены «типические социокультурные измерения» (язык, ментальность, картина мира, социокультурные ценности, норма-типическое поведение), и указывает на то, что гражданская идентичность основана на потребности общества в интеграции через приобщение к общим для данного социума социальным ценностям и целям, выражаемым через такие ценностные символы и атрибуты, как Родина, страна, государство, и которые наполняются конкретным содержанием через социокультурный контекст³.

А. Б. Гофман обращает внимание на то, что в современных российских дискурсивных практиках гражданская идентичность подменена подданнической. Слово «гражданин» понимается как «подданный государства», а слова «гражданский», «гражданство» и «гражданственность» – как близкие по значению словам «государственный» и «государственность». Значения слова «гражданин» и его однокоренные производные используются значительно реже для обозначения прав индивида, его ответственности, достоинства, благородства⁴.

Итак, можно сделать вывод, что у приведенных выше определений различные основания: аксиологические, институциональные, структурные и культурологические, дискурсивные. Исходя из этих определений, трудно сформулировать для себя ответ на вопрос: что есть гражданская идентичность по своей сути? Это и осознание принадлежности, и тождественность, и процесс, и феномен надындивидуального сознания.

С чем может быть связано такое расхождение мнений? В первую очередь, хотелось бы обратить внимание на то, что, осмысливая феномен гражданской идентичности, российские ученые принимают за идеал гражданское общество и гражданскую идентичность классического европейского образца эпохи Модерна. Реальная гражданская идентичность всегда аутентична культурологической и социально-политической матрице эпохи. Гражданское общество актуаль-

но для эпохи классического Модерна, носителем гражданской идентичности предстает гражданин-созидатель. Общество эпохи Модерна претерпело существенные изменения, современное общество потребления вызвало к жизни иного субъекта – это уже не созидатель, а гражданин-потребитель. В сложившейся ситуации типические социокультурные измерения могут не служить основанием для прочувствования индивидом тождественности с другими гражданами.

Также проблема множественности определений может быть связана не только с изменениями глобального характера, но и с российской спецификой проблемного поля гражданской идентичности.

Наши исследователи обеспокоены судьбой формирования гражданской идентичности в условиях отсутствия гражданского общества. С. В. Рыжова справедливо отмечает, что гражданская идентичность как вид социальной идентичности возникает только в гражданском обществе⁵. Гражданское общество европейского типа – часть национального государства. По мнению Ю. М. Резника, в России есть национальная культура, но нет нации – общности людей, объединенных не только общими идеями и культурными узами, но выступающей как один-единственный субъект общества-страны⁶. Данная позиция разделяется К. Касьяновой: «...мы большой народ и ярко выраженный этнос с древней и оригинальной культурой, но мы пока что не нация»⁷.

Исследователи четко осознают, что носителем гражданской идентичности должен быть полноправный гражданин, как это и было в эпоху Модерна в европейском обществе. Философ Ю. А. Семенова отмечает специфику гражданского общества в России – оно инициируется государством сверху, при этом «гражданин *de jure* так и не превращается в гражданина *de facto*»⁸.

И. Е. Кознова полагает, что подобное превращение дело времени: «Цивилизационное развитие России напрямую связано с формированием нации в качестве гражданского сообщества, и процесс становления россиян как граждан в прошлом и настоящем является предметом пристального исследования»⁹.

Для того чтобы процесс становления гражданина прошел успешно, необходим ряд предпосылок: сформированная общегражданская нация и устойчивые мировоззренческие стереотипы (в плане оценки исторического пути нации, ее места в мире). Также необходимы индивиды, идентифицирующие себя как граждане, обладающие развитым самосознанием. Скажем, людей, обладающих достаточным для гражданской (творческой) самореализации интеллектуальным потенциалом и критическим (освобожденным от догм) мышлением, в любом обществе не много. Проблема обостряется тем, что у современных людей нет

потребности в рефлексии. Общество потребления диктует ему как жить, что носить, уводя из сферы общественной в сферу потребления.

Согласно образцу гражданского общества эпохи Модерна, гражданин – носитель положительной гражданской идентичности, должен актуализовать идентичность, принимая участие в работе разных партий и гражданских организаций. В современной России массовые партии и некоммерческие организации существуют только потому, что поддерживаются дотациями из бюджета, грантами, получаемыми на конкурсной основе от государственных и частных фондов, пожертвованиями от крупного бизнеса¹⁰. Иными словами, если оставить за скобками желание граждан реализовывать свою гражданственность, возможности такой реализации сильно ограничены.

Итак, по мнению ученых, в настоящее время в российских условиях нет оснований для формирования гражданской идентичности. В отличие от гражданского общества эпохи Модерна, в нашей стране нет сформированной нации, нет граждан – носителей активной гражданской позиции, практикующих гражданское поведение. Отметим слабый уровень доверия к политическим институтам (это, безусловно, тема других исследований, но сложившиеся представления об ангажированности политических сил влияют на общественное сознание и модели поведения населения).

Несмотря на это, исследователи говорят и о гражданском обществе в нашей стране, и о гражданской идентичности, но определяют эти явления как специфические или парадоксальные. Ю. М. Резник выделяет парадоксы гражданского общества в России:

– «в России нет коллективных субъектов гражданской активности». Мы наблюдаем лишь формальное присутствие большинства общественных и некоммерческих организаций (субъектов гражданского общества);

– правящие круги России пытаются искусственно построить гражданское общество, «словно речь идет о покупке и установке новой мебели»;

– «У нас нет гражданского общества, но есть гражданственность и гражданская мораль»¹¹;

– в России есть национальная культура, но нет нации¹².

Некоторые ученые видят точки роста гражданского общества и гражданской идентичности. Е. В. Лесниковская полагает, что таким основанием могут быть социальные интегративные практики, которые должны оформиться и развиваться, а затем выстроить гражданское общество. Исследователь рассматривает модели гражданского общества с позиции интегративности; субъектом интегративного взаимодействия в гражданском обществе, по ее мнению, является гражданин¹³.

Любопытна работа И. Фархи «Как возродить Россию и продлевать жизнь человечества».

Автор убежден, что власть обязана дать народу новую общенациональную идею. Это должна быть «осознаваемая созидательная идея, всеобщая цель-мечта – построение нового общественного строя, который добьется справедливого распределения материальных ресурсов между всеми участниками созидания в обществе»¹⁴. Это должен быть демократический социализм, занимающийся построением истинной демократии (народовластия).

На наш взгляд, прежде чем разрабатывать и применять методики конструирования гражданской идентичности, необходимо ответить на основной вопрос: существует ли необходимость в формировании гражданской идентичности западного европейского образца в России?

Актуальность формирования гражданской идентичности объясняется желательным выполнением функций:

– сплачивать граждан нашей страны, быть «цементирующей основой социальной интерграции»¹⁵;

– гарантировать лояльность граждан по отношению к государству;

– выступать гарантом стабильности в обществе;

– гражданская идентичность необходима для «борьбы с проявлениями терроризма, с ростом ксенофобий и экстремизма»¹⁶.

Как показали последние события, население нашей страны, не обладающее сформированной гражданской идентичностью, способно интегрироваться, сплачиваться, поддерживать политику правительства¹⁷. Иными словами, в российском обществе функции гражданской идентичности замещены другими механизмами. Объединению против «внешнего врага» может способствовать манихейское сознание, остатки имперской идентичности, ощущение собственной личности.

Российская нация, по мнению ученых, находится на стадии формирования, вместе с тем российское общество – это массовое общество. Сумеет ли сформироваться нация в рамках массового общества?

В России гражданское общество и гражданская идентичность специфичны и парадоксальны. Это может привести к симулякральной демократии и гражданской идентичности, а массовое общество без демократии и прав человека – тоталитарное общество.

Если мы зададимся целью освобождения от манихейского сознания, научиться сплачиваться для созидания без помощи «внешнего врага», сдерживать негативные моменты массового общества, то гражданская идентичность и гражданское общество необходимы. Для этого нужны экономические, политические, социокультурные преобразования по укреплению движущих сил гражданского общества. Такой силой могут стать представители малого и среднего бизнеса, заинтересованные в отстаивании своих прав и свобод.

Примечания

- 1 См.: Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе. От действия к мысли : пособие для учителя / под ред. А. Г. Асмолова. М. : Просвещение, 2011.
- 2 См.: *Водолажская Т. В.* Идентичность гражданская // Социология : энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. А. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск : Книжный Дом, 2003.
- 3 См.: *Гришина Е. А.* Гражданская идентичность российской молодежи : опыт мониторинговых исследований 90-х гг. : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2000.
- 4 См.: *Гофман А. Б.* В поисках утраченной идентичности : традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории : науч. альманах. 2010. Т. IV. С. 253–254.
- 5 См.: *Рыжова С. В.* Этническая и гражданская идентичность в контексте межэтнической толерантности : дис. ... канд. социол. наук. М., 2008.
- 6 См.: *Резник Ю. М.* Человек в российском обществе : проблема гражданственности и гражданской идентичности // Философская и правовая мысль : альманах. Вып. 5. СПб. ; Саратов : Научная книга, 2003.
- 7 *Касьянова К.* О русском национальном характере. М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. С. 560.
- 8 *Семенова Ю. А.* Философское исследование проблемы гражданской идентичности личности как направление современной гуманитаристики // Философия/2. Социальная философия. URL: http://www.rusnauka.com/4_SND_2013/Philosophia/2_126893.doc.htm (дата обращения: 22.12.2013).
- 9 *Кознова И. Е.* К вопросу о гражданственности в истории России // Проблемы российского самосознания : патриотизм, гражданственность и отечественная культура (к 200-летию со дня рождения Н. В. Станкевича) : материалы 10-й Междунар. науч. конф. (Москва, 3 октября 2013 г.) / под общ. ред. С. А. Никольского. М. ; Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. С. 72.
- 10 См.: *Иванов Д. В.* Актуальная социология и глэм-наука // Социология науки и технологий. 2014. № 2. С. 137.
- 11 *Резник Ю. М.* Указ. соч. С. 49.
- 12 См.: *Касьянова К.* Указ. соч.
- 13 См.: *Лесниковская Е. В., Грабельных Т. И.* Интегративные взаимодействия в формировании гражданского общества в России. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014.
- 14 *Фахри И.* Как возрождать Россию и продлевать жизнь человечества. М. : ОСГО, 2014. С. 429.
- 15 *Шикова Р. Ю.* Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. Вып. 1. С. 112.
- 16 *Дробищева Л. М.* Российская идентичность в массовом сознании. URL: www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1223.doc (дата обращения: 12.07.2015).
- 17 См.: Одобрение деятельности государственных институтов. URL: http://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov/ (дата обращения: 02.08.2015).

УДК 330

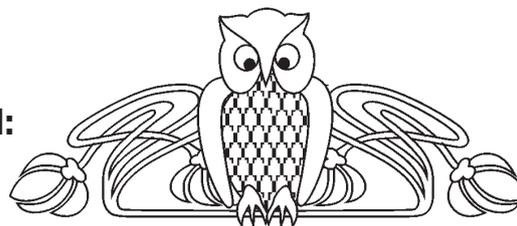
СОВЕТСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ

В. И. Малый, В. В. Гусев

Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов
E-mail: sreda@email.ru, vladgus2006@yandex.ru

В статье проводится сравнительный анализ советского и современного российского инновационных проектов по различным признакам, говорится о причинах успеха стратегических, оборонных инноваций периода СССР и о скромных достижениях современных инновационных институтов РФ и разработок в них. Также затрагивается проблема утраты в последние десятилетия инновационных разработок советского периода и говорится о необходимости возрождения опыта СССР в данной области

Ключевые слова: инновационный проект, законодательство, изобретение, оборудование, коррупция, теория «тройной спирали».

Soviet and Modern Russian Innovative Projects: Similarities and Differences

V. I. Maliy, V. V. Gusev

The article presents a comparative analysis of Soviet and modern Russian innovative projects on various grounds, said the reasons for the success of the strategic defense of innovations during the Soviet period and the modest achievements of modern innovative institutions of the Russian Federation and development in them. Also it addresses the issue of the loss in recent decades innovations of the Soviet period and referred to the need to revive the Soviet experience in this area
Key words: innovative project, legislation, invention, equipment, corruption, theory of «Triple Helix».

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-8-12

Говоря о реализации современного инновационного проекта в Российской Федерации, необходимо отметить сложность и неоднозначность данной проблемы. С одной стороны, успехи современной России в глобальном инновационном проекте, безусловно, имеются, это и космическая отрасль, авиастроение и судостроение, оборонно-промышленный комплекс, машиностроение, новые подходы к добыче нефти и газа, развитие транспортной инфраструктуры и т. д. С другой стороны, все эти направления мощно развивались еще в советский период, имеют 40–50-летнюю историю, многие технологии оказались почти утрачены в 1990-е гг. и сейчас медленно возрождаются, и по сравнению с инновационными процессами в развитых странах Запада, наблюдается эффект так называемой «догоняющей» модернизации, что для такой великой страны, как Россия, является не совсем подходящей моделью. В то же время, сравнивая советский и современный инновационный проекты, многие исследователи отдают предпочтение первой модели как более фундаментальной, позволяющей государству выжить в недружелюбном внешнем окружении.

Безусловно, Советский Союз за сравнительно короткий промежуток, 25–30 лет, превратился из отсталой в технологическом отношении царской России в мощную мировую сверхдержаву с ядерным и ракетным оружием, в страну, которая смогла переломить сопротивление нацистской Германии, а по сути, всей высокотехнологичной Европы в ходе Второй мировой войны. Общеизвестно высказывание на данную тему по поводу инновационных качеств советского руководства, приписываемое Уинстону Черчиллю, человеку, не питавшему симпатий к СССР и поэтому претендующему на объективность. Однако более подробные исследования показывают, что данная фраза, несколько в ином формате, принадлежит известному британскому историку еврейского происхождения Исааку Дойчеру (уроженцу Кракова, бежавшему в Лондон от немецкой оккупации), специалисту по СССР: «Суть исторических достижений Сталина состоит в том, что он получил Россию, пахущую деревянными плугами, и оставляет ее оснащенной атомными реакторами». Это высказывание вошло в книгу И. Дойчера «Россия после Сталина» (1953) и, что особенно примечательно, в фундаментальную «Британскую энциклопедию» (т. 21, 1964)¹. Иное дело, что цена, которую СССР заплатил за инновационный рывок 1930-х гг., была слишком высока, колоссальные жертвы индустриализации и коллективизации являются предметом критики советского периода со стороны ученых и политических деятелей, преимущественно либерального толка, до сих пор.

В то же время их оппоненты, видя, как буксуют современные российские инновационные проекты, например «Сколково», про-

екты Роснано или строительство космодрома «Восточный», говорят о необходимости ужесточения административного начала в экономике, о коллегиальной и, что самое главное, персональной ответственности за хищения государственных средств, выделяемых на инновации. Целью данной статьи является сравнение советского и современного российского инновационных проектов, объяснение преимуществ и недостатков двух этих моделей инновационного развития.

Изначально отметим то обстоятельство, что в России отсутствует современное законодательство об инновациях. Имеется не один десяток документов по инновациям, например Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года «Инновационная Россия–2020». Есть Модельный закон об инновациях стран СНГ (принят Межпарламентской ассамблеей государств-участников СНГ в 1997 г., носит рекомендательный характер), Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (в ред. от 13.07.2015 г.); на уровне отдельных регионов, например, в Саратовской области есть Закон от 28 июля 1997 г. № 50-ЗСО «Об инновациях и инновационной деятельности», который во многом дополнялся в 2003 и 2004 гг., но все же устарел, а федерального закона и соответствующих инновационных механизмов, эффективной системы трансфера инноваций, коммерциализации нововведений до сих пор нет². В результате современные российские изобретения, берущие свое начало еще в СССР, часто просто вывозятся за рубеж как невостребованные в своей стране, за промышленными секретами на территории РФ ведется настоящая охота со стороны стран ближнего и дальнего зарубежья. Безусловно, ФСБ России и другие специальные службы и ведомства препятствуют вывозу промышленных изобретений за границу, например, широкую известность получила попытка вывоза технологий двойного назначения из Новосибирской области в 2013 г. в одну из азиатских стран³, но при этом они мало могут повлиять на ситуацию инновационного развития собственной страны, на создание благоприятного инновационного климата, так как это не входит в их компетенцию. Более того, в «лихие» 1990-е гг. ситуация с вывозом промышленных секретов из РФ вообще была катастрофической. Россия представляла собой некий «проходной двор», где за сравнительно небольшую сумму денежных средств в долларовом эквиваленте можно было купить любую инновационную разработку. Как показывает практика, в тот период из России, например из Саратова (разработки велись в НИИ «Волга») и Рязани (НПО «Волна»), был похищен ряд промышленных изобретений известными фирмами Юго-Восточной Азии, в частности, технология производства плазмен-

ных мониторов и телевизоров, и за это никто не понес никакой ответственности⁴. В плановый период развития нашего государства такие явления были бы просто невозможны.

Итак, в Советском Союзе и в настоящее

время действуют две принципиально различающиеся между собой модели инновационного развития, каждая из которых имеет свои преимущества и недостатки. Проанализируем сходство и различие данных моделей (таблица).

Советский и современный российские инновационные проекты: основные признаки

Признаки	Советский инновационный проект	Современный российский инновационный проект
Цель	Выживание государства в долгосрочной перспективе	Повышение конкурентоспособности экономики в отношении развитых стран
Задачи	– Обеспечение территориальной целостности и государственной безопасности – Приоритет инновациям в стратегических сферах (ОПК, АПК, космос, авиа- и судостроение) – Приоритет производства средств производства (товары группы «А»)	– Попытка догнать развитые страны в высокотехнологичных секторах экономики – Замена отсутствующих инновационных продуктов импортными аналогами – Отказ (во многом) от производства товаров группы «А», обеспечение насыщения рынка товарами народного потребления (потребительский бум)
Ресурсно-технологическая база	Автономная база, активное заимствование технологий	Интегрированная в мировое сообщество база на фоне утраты автономных технологий
Возможности коммерциализации	Высокие	Низкие
Административные барьеры	Низкие	Высокие
Экономические барьеры	Низкие	Высокие
Поддержка со стороны государства	Полная	Частичная (госзаказ, софинансирование, иные формы поддержки)
Характер труда	Частично принудительный	Свободный
Коррупция	Низкая	Высокая
Конкуренция	Внутренняя	Внешняя
Возможности экспорта	Сравнительно высокие	Низкие
Контроль	Высокий	Низкий

Проанализируем данные признаки подробнее. Действительно, поскольку Советский Союз изначально находился в неблагоприятном внешнем окружении, предпринимавшем неоднократные попытки военной агрессии, что потом и вылилось в Великую Отечественную войну, цель инновационного развития СССР была иная, чем в современной России. Современное российское государство, которое на долгое время забыло о военной риторике, имеет целью инновационного развития хотя бы частично догнать уровень промышленно развитых государств в тех секторах, где России это под силу, не случайно сейчас ударными темпами возрождаются российское авиа- и судостроение, производство продукции для армии и космоса. Успеху СССР в инновационной сфере частично способствовала автономная инновационная база, возникшая в нашей стране в годы экономической блокады и развивавшаяся вплоть до конца 1980-х гг. Приоритет отдавался продукции машиностроения (товары группы «А»), что позволило создать собственную материально-техническую базу (производство станков, машин, оборудования для многих отраслей народного хозяйства). Однако в настоящее время автономные технологии во многом утрачены, а на смену им

ничего не пришло. При этом машинно-тракторный парк и парк оборудования России наводнен импортными изделиями, что ставит вопрос о зависимости страны от производства зарубежной техники и может негативно сказаться в любой момент, например, во время действия экономических санкций против России, когда действует запрет на ввоз многих видов техники и оборудования. Например, экономические санкции привели к тому, что в настоящее время ОАО «Газпром» практически свернуты работы по добыче газа на Северном шельфе (здесь добавляется важнейшая проблема – сейчас невозможно заменить оборудование, поставленное развитыми странами для работы в условиях северных широт, так как Китай и иные не зависимые от стран Запада производители оборудования предложить аналогичные изделия пока не могут). Европейские страны также несут убытки, по мнению заместителя генерального секретаря Еврокомиссии Хенрика Хололея, «из-за санкций остаются непроданными машины и оборудование на сумму в несколько миллиардов евро. Оставшийся недополученный доход особенно ощущается в таких областях, где интенсивный экспорт. Прежде всего, это касается технологий»⁵. Тем не менее, выхода из данной ситуации пока нет.

Возможности коммерциализации изобретений в СССР были, на наш взгляд, на порядок выше, чем в России; за счет планового ведения экономики инновационные разработки сразу же попадали в народное хозяйство. Административные барьеры в СССР были на порядок ниже, чем в современной России, советский бюрократ был не настолько хищным, как российский чиновник. Инновационные разработки щедро финансировались, если они шли в фарватере государственной политики. Не случайно такие ученые, как А. Ф. Иоффе, С. П. Королев, И. В. Курчатов, Л. Д. Ландау, А. Д. Сахаров, не испытывали проблем с финансированием и внедрением собственных разработок. Однако инновационный труд изобретателя в СССР часто носил принудительный характер, многие инноваторы прошли через ГУЛАГ и так называемые «шарашки» (закрытые НИИ, в которых люди трудились на положении поселенцев), в то время как труд современного российского изобретателя, безусловно, свободен. Уровень коррупции в сфере инновационных разработок был на несколько порядков ниже, чем сейчас, не случайно в настоящее время силовым блоком возбуждены многие уголовные дела, связанные с хищением государственных средств в Роснано, при строительстве космодрома «Восточный», в Фонде «Сколково», с расхищением средств стартапов в Новосибирской области⁶ и т. д.

В связи с тем, что Советский Союз во многом развивался на автономной основе, конкуренция между производителями была скорее внутренней, чем внешней, по крайней мере, максимум конкурентной борьбы (которая негласно присутствовала, например конкуренция за снижение издержек или качество, но была ограничена плановым ведением хозяйства) можно было наблюдать в рамках единого народного хозяйства Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Возможности экспорта на мировой рынок (в страны третьего мира, например в Африку и Латинскую Америку) и контроля за прохождением инновационных процессов тогда также были намного выше, чем в настоящее время.

Остается задать себе важнейший вопрос – почему инновационные процессы в России не идут или идут не так интенсивно, как хотелось бы? Какие факторы мешают коммерциализации российских нововведений? Как сделать так, чтобы правовые документы на российские изобретения не пылились в Роспатенте, а были востребованы на отечественном и мировом рынке? Все эти вопросы достаточно сложны и объемны, поэтому ограничимся наиболее важными тезисами.

Прежде всего, следует обуздать коррупцию в инновационной сфере. В 2014 г. полностью реформировать деятельность наиболее инновационного российского ОАО «Роснано» и снизить коррупционные риски в сфере новых разработок призвало НИИ проблем коррупции

(г. Москва). По словам директора данного учреждения Сергея Сапронова, «зарубежные компании редко решаются на вложения долгосрочных инвестиций в российскую экономику. Высокий уровень риска, боязнь потерять весь свой бизнес вкупе с перспективой постоянных незаконных отчислений в пользу чиновников для решения буквально каждого вопроса зачастую превышают желание получить дополнительную прибыль от нового проекта в России. С учетом дефицита квалифицированной рабочей силы, недостатка инфраструктурных инвестиций, низкого уровня инновационной культуры, расширяющихся санкций высокий уровень коррупции существенно тормозит развитие национального делового климата и препятствует ускорению темпов экономического роста»⁷. Так как коррупция давно стала своеобразным бичом российской экономики, бороться с ней надо жестко и беспощадно, например, по опыту КНР или Сингапура.

Во-вторых, не секрет, что многие российские предприятия, флагманы инновационной деятельности в советское время, в настоящий момент впадают в жалкое существование и во многом функционируют как девелоперские проекты. Такие предприятия необходимо возвращать в собственность государства, изымая пакеты акций или доли в уставном капитале через имеющиеся задолженности в федеральный и региональные бюджеты. К подобной практике государству, часто играющему роль «ночного сторожа» (в соответствии с концепцией либерального рынка), на наш взгляд, придется прибегнуть, если оно хочет хоть какой-то инновационной деятельности. Государственным чиновникам, руководящим промышленной отраслью, обороной, транспортом, коммуникациями, придется брать на себя ответственность за будущую инновационную деятельность, чего в настоящее время российский руководящий состав (на федеральном уровне, но особенно в регионах) всячески избегает.

Большую роль, на наш взгляд, может сыграть развитие теории «тройной спирали» – единого взаимодействия вузовской науки, органов государственной власти и промышленных предприятий в инновационной сфере⁸. Однако на практике возникает противоречие между органами власти, государственными вузами и частными предприятиями, так как в случае удачных стартапов частные предприятия в РФ предпочитают получать прибыль концентрировать на зарубежных счетах в офшорных зонах, не случайно Президент России В. В. Путин большое внимание уделяет деофшоризации российского бизнеса⁹.

Подводя итог, отметим, что инновационная деятельность в Российской Федерации, вопреки всем негативным факторам, развивается, успех этой деятельности во многом зависит от того, вернется ли современная Россия к инновационным практикам СССР, когда новые изобретения и технические решения будут работать на отечествен-

ную экономику, или же наша страна по-прежнему будет оставаться сырьевым придатком мировой экономики, «периферийной империей», по выражению известного социолога Б. Ю. Кагарлицкого¹⁰, и отечественные инновационные разработки и финансовые средства, выделяемые на них, будут разворовываться, уходить в более развитые страны, приносить прибыль более предприимчивым хозяйственникам и возвращаться к нам в виде готовых изделий под известными мировыми брендами.

Примечания

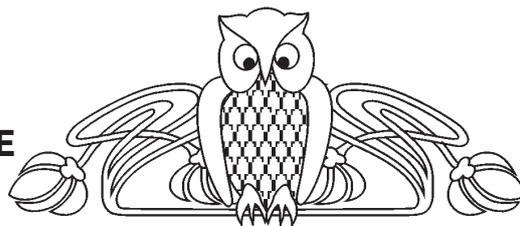
- ¹ История знаменитых цитат. URL: http://ltl.poetree.ru/news/prinjal_rossiju_s_sokhoj_a_ostavil_osnashhennoj_atomnym_oruzhiem/2011-06-28-982 (дата обращения: 15.08.2015).
- ² См.: Малый В. И., Гусев В. В., Гусева А. В. Университет и местное сообщество : инновационное развитие региона. Саратов : ИЦ «Наука», 2014.
- ³ См.: В Новосибирске поймали двух шпионов, сливавших информацию о приборах двойного назначения.

URL: <http://www.newsru.com/russia/12dec2013/novosib.html> (дата обращения: 15.08.2015).

- ⁴ См.: Патент на сообразительность. URL: http://www.sarvzglyad.ru/?news_id=328 (дата обращения: 16.08.2015).
- ⁵ Санкции в связи с украинскими событиями 2014 года // Википедия – свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Санкции_в_связи_с_украинскими_событиями_2014_года# (дата обращения: 27.08.2015).
- ⁶ См.: Хищения инновационного характера. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2691815> (дата обращения: 27.08.2015).
- ⁷ Отмыть инновации! НИИ проблем коррупции призвало «РОСНАНО» к большей прозрачности. URL: <http://korrossia.ru/institut/10786-otmyt-innovacii.html> (дата обращения: 29.08.2015).
- ⁸ См.: Малый В. И., Гусев В. В., Гусева А. В. Указ. соч.
- ⁹ См.: Путин подписал закон, направленный на деофшоризацию экономики. URL: <http://www.putin-today.ru/archives/7109> (дата обращения: 01.09.2015).
- ¹⁰ См.: Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя : Россия и миросистема. 3-е изд, испр. и доп. М. : Либроком, 2012.

УДК 35.088:35.082:316.4

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ (по материалам сравнительного социологического исследования)

Э. И. Забнева

Филиал Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева в г. Новокузнецке
E-mail: zabnevavira@mail.ru

В статье рассматривается профессионализация муниципальных служащих как непрерывный процесс идентификации, происходящий в определенном социально-историческом контексте. На основе ранее не опубликованных данных сравнительного социологического исследования, проведенного в период с февраля по март 2015 г. во Франции и в России, делается вывод о влиянии социально-экономических трансформаций, происходящих в обществе, на процесс профессионализации определенной профессиональной группы.

Ключевые слова: муниципальные служащие, профессия, профессионализация.

Professionalization Features of Municipal Employees in the Social and Historical Context (Based on a Comparative Sociological Research)

E. I. Zabneva

The professionalization of municipal employees as a continuous process of identification, originating in a specific socio-historical context is discussed in the article. Based on previously published

data of the comparative sociological research conducted between February–March 2015 in France and in Russia, the conclusion about the impact of social and economic transformations taking place in a particular society, the process of professionalization of certain professional groups is made.

Key words: municipal employees, profession, professionalization.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-12-15

Возникновение профессионализации обусловлено качественным изменением структуры труда, процессом перехода от неквалифицированного труда к профессиональному. Первое значение слова «профессия» отсылает нас к идее публичного объявления своих верований и убеждений, а уже в XV в. оно смещается в сторону регулярной деятельности, позволяющей зарабатывать на жизнь.

Профессиональные группы играют важную роль в социальной структуре современных обществ. Еще Э. Дюргеймом в его работе «О разделении общественного труда» профессиональные группы выделены в качестве важнейших институтов, обеспечивающих органическую солидарность в обществе, создающих и поддерживающих положительные социальные образцы поведения¹. Единственным значимым компонен-

том в структуре современных обществ называет профессиональную группу Т. Парсонс. В своей статье для «Энциклопедии социальных наук» он делает вывод о том, что именно повсеместное появление профессиональных групп, а не особого статуса капиталистического или социалистического способа организации труда, является значимым структурным развитием общества XX в.²

Действительно, сегодня принадлежность к профессии является важной составляющей идентичности человека, и именно профессии способствуют структурной интеграции современного общества. Любое изменение общества есть изменение среды деятельности человека, что всегда ставит проблему социального выживания, а индивид выживает, прежде всего, благодаря профессиональной принадлежности.

Современная наука рассматривает профессионализацию в нескольких аспектах, от самого широкого смыслового содержания до более узкого. Во-первых, профессионализация рассматривается как социальное явление, характеризующееся качественными и количественными изменениями в профессиональной жизни общества, рождением новых профессиональных видов труда, появлением меняющегося мира профессий и специальностей³; во-вторых, как система общественных институтов, регулирующих процесс освоения человеком профессиональной роли, а также правил и норм, связанных с формированием профессиональной структуры общества⁴; в-третьих, как целостный непрерывный процесс профессионального становления личности, основанный на усвоении индивидом на протяжении его жизненного пути социальных норм и культурных ценностей определенной профессиональной группы⁵.

Таким образом, можно говорить как о социальном, так и о личностном уровнях профессионализации, тесно взаимосвязанных между собой. Изменения, которые происходят в обществе в результате развития профессионального труда, зарождения новых профессий, трансформации механизмов включения человека в мир профессии, оказывают существенное влияние на содержание профессиональных интересов и ценностей, элементов профессиональной культуры и профессиональных отношений.

В социологии сегодня складывается понимание того, что понятия «профессия» и «профессионализация» тесно связаны с типом общественно-экономической системы и историческими особенностями ее развития⁶. Социально-исторический контекст, динамика социально-экономических трансформаций, происходящих в определенном обществе, накладывают отпечаток на формирование личности специалиста, они делают человека отличным от представителей данной профессии в других обществах и, несмотря на некую схожесть образа жизни и ценностных ориентаций, порождают специфич-

ческие особенности. Данный вывод послужил гипотезой к сравнительному социологическому исследованию, проведенному автором в период февраля–марта 2015 г. во Франции и в России. Объектом исследования выступили муниципальные служащие как профессиональная группа.

В состав группы в Париже входили слушатели Школы национальной администрации Франции (Ecole nationale d'administration – ENA), курса «Территориальное управление и местное развитие» («Gouvernance territoriale et developpement local»), проходившего в рамках цикла подготовки зарубежных специалистов государственного и муниципального управления. Группа состояла из 27 человек из Конго, Нигерии, Египта, Туниса, Марокко, Мексики, Польши, Румынии и других стран, занимающихся в своей профессиональной деятельности вопросами местного самоуправления.

В состав российской группы входили муниципальные служащие одного из самых больших районов юга Кузбасса, проходившие курсы повышения квалификации, их численность составила 21 человек.

В парижской группе 78% опрошенных составили мужчины, средний стаж профессиональной деятельности в области местного самоуправления – 8,5 лет, в российской группе 81% опрошенных составили женщины, средний стаж – 7 лет. В обеих группах возрастные границы опрошенных – от 25 до 45 лет, наиболее частотное карьерное продвижение – от одного года до трех лет.

Приступая к данному исследованию, мы рассматривали профессионализацию муниципальных служащих как непрерывный процесс идентификации, происходящий в определенном социально-историческом контексте, основанный на систематизированном профессиональном обучении, развитии и поддержке профессиональной компетенции человека, направленный на социализацию в обществе с целью реализации деятельности, представляющей интерес для потребителя.

Предлагалась единая анкета на французском и русском языках соответственно, определяющая приоритетные для муниципальных служащих социальные ценности как один из содержательных элементов профессиональной идентификации.

Анализ анкетирования позволил соотнести ряд моментов профессионализации муниципальных служащих зарубежных стран и России.

Во-первых, он показал, насколько острее кузбасские муниципальные служащие воспринимают настоящую действительность с точки зрения социальной незащищенности. Им очень важно обеспечить будущее своих детей (95%), ощущать уверенность в будущем (76%), чувствовать собственную защищенность (62%). Ни один из данных ответов не вызвал большого интереса у

слушателей курса в Париже (26, 26 и 22% соответственно), так же как и отношение к наличию благоустроенного жилья (57% в Кузбассе и 26% в Париже). Гораздо важнее для анкетируемых в Париже является возможность заниматься любимым делом (89%) и реализовать свои возможности (78%). У нас данные ценности составили 48 и 43% соответственно. При этом важным и для одних, и для других является наличие семьи (89 и 86%), образования (78 и 71%) и хорошей работы (70 и 71%). Объяснить полученные результаты возможно, вероятно, отголосками масштабной российской трансформации 1990-х гг., страхом оказаться без работы и средств к существованию, неуверенностью в завтрашнем дне.

Во-вторых, анализ анкетирования позволил увидеть абсолютное расхождение в выборе приоритетных ценностей корпоративной этики, которым должен следовать муниципальный служащий. На взгляд слушателей курса в Париже, это инициативность (74%), а по мнению муниципальных служащих Кузбасса – исполнительность (81%). На второе место иностранцы ставят помощь и поддержку коллег по работе (63%), а в России – самоотдачу (57%). Из чего можно сделать вывод о том, что наши муниципальные служащие наименее склонны проявлять инициативу и работать в команде. На наш взгляд, причина этого кроется в самой системе муниципального управления России, ее консерватизме и жесткой соподчиненности.

Об индивидуальной направленности профессиональной деятельности свидетельствуют и результаты отношения к ценностям общественного признания. В отличие от слушателей курса в Париже (22%), личный успех важен для 71% муниципальных служащих Кузбасса. Там на первое место ставят профессионализм (74%), у нас – социальное положение (71%). Причины данных расхождений, возможно, заложены в отличиях в системе подготовки муниципальных служащих за рубежом и в России. У нас еще не сложилось той системы обучения, которая была бы направлена, прежде всего, на формирование корпоративной этики, чувства ответственности за происходящее в обществе, повышенной требовательности к своему профессионализму, прагматизма и трудолюбия, на умение работать в команде и ценить общий результат.

В-третьих, результаты исследования дали возможность сопоставить набор личностных ка-

честв, которыми должны обладать, по мнению респондентов, муниципальные служащие и которыми они сами обладают. Из 34 заявленных качеств предложено было выбрать не более пяти. Обращает на себя внимание тот факт, что разбег в выбранных качествах у слушателей курса в Париже значительно меньше, нежели у муниципальных служащих Кузбасса, 4 к 8 соответственно. Если в парижской группе качества, необходимые муниципальным служащим, и их личные качества практически совпадают, то в российской они не совпадают совсем. Странным кажется тот факт, что такие качества, как профессионализм и компетентность, необходимые и желаемые, не являются теми качествами, которыми, на взгляд муниципальных служащих Кузбасса, они сами обладают (таблица). Объяснением этому может служить значительно небольшой срок существования данной профессиональной группы в нашей стране. Создаваемые в 1990-е гг. прошлого века органы муниципальной власти не имели той профессиональной базы, которая способствовала бы их эффективной деятельности, знания, навыки, профессиональные нормы и ценности только развиваются, отсюда неясность профессиональной самоидентификации муниципальных служащих.

Стоит также обратить внимание на разбег в выборе предложенных качеств. Несмотря на то что в Париже были опрошены представители территориального управления разных стран, они более единодушны в выборе. Взгляды муниципальных служащих одной территории (Кузбасса) оказались гораздо разрозненнее, о чем свидетельствует процентная оценка выбора. Вероятно, причиной этого может считаться отсутствие в среде российских профессионалов общих принципов и содержательной основы профессии муниципального служащего, а также механизмов их обеспечения, т. е. в широком смысле – профессиональных стандартов.

Полученные выводы подтверждают гипотезу о том, что понятие «профессионализация» тесно связано с доминирующими в обществе социально-экономическими отношениями, особенностями культуры и институциональной среды. Таким образом, ее рассмотрение возможно лишь в контексте с сопутствующими факторами исторического, социального и экономического свойства.

Анализ личностных качеств муниципальных служащих (в % от числа опрошенных)

Группа	Личностные качества			
	Необходимые государственному/ муниципальному служащему	Обладаете лично Вы	Ваше начальство желало бы видеть в Вас	Вы цените в Ваших подчиненных
Парижская	Компетентность (78) Профессионализм (74) Общительность (63)	Честность (85) Профессионализм (70) Общительность (63)	Профессионализм (74) Компетентность (63) Общительность (59)	Честность (59) Компетентность (52) Профессионализм (52)
Российская	Профессионализм (57) Компетентность (52) Дальновидность (52)	Добросовестность (76) Честность (52) Отзывчивость (52)	Профессионализм (57) Компетентность (48) Образованность (48)	Добросовестность (67) Профессионализм (52) Порядочность (52)

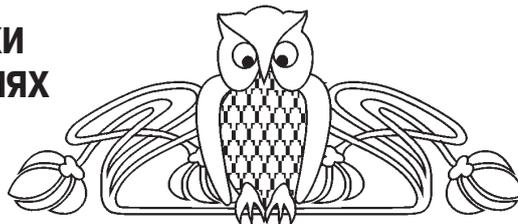
Примечания

- 1 См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
- 2 См.: Parsons T. Profession // Skills D. (ed.) International Encyclopedia of the Social Science. Vol. 12. L.: Macmillan and Free Press, 1968. P. 536–547.
- 3 См.: Турчинов А. И. Профессионализация и кадровая политика: проблемы развития теории и практики. М.: Флинта, 1998.
- 4 См.: Подмарков В. Г. Человек в мире профессий // Вопр. философии. 1972. № 8. С. 53–62.
- 5 См.: Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Междунар. гум. фонд «Знание», 1996.
- 6 См.: Шабанова М. А. Новое поколение российского бизнес-сообщества: особенности профессионализации и адаптации // Социс. 2006. № 12. С. 28–40; Abbot A. The Sociology of Work and Occupation // Annual Review of Sociology. 1993. Vol. 19. P. 187–209.

УДК 316.422

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

И. В. Бабаян, Е. И. Пашинина

Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.
E-mail: innabv@list.ru, pashininaei@mail.ru

В статье представлена концептуализация ключевых понятий социального благополучия молодежи в условиях модернизации с привлечением данных эмпирического исследования, выполненного в русле качественной методологии методом экспертного интервью с чиновниками, представителями академической среды, общественных организаций.

Ключевые слова: социальное благополучие, молодежь, модернизация, благосостояние, социальная сплоченность, социальная защищенность.

Youth Social Well-being in Socio-economic Conditions of Modernization

I. V. Babayan, E. I. Pashinina

The article presents exploring of the key concepts of youth's social well-being of youth in the circumstance of modernization applying of the empirical data carried out with the help of the qualitative methodology by the expert interviews with officials and representatives of the academic institutions and public organizations.

Key words: social well-being, youth, modernization, prosperity, social cohesion, social protection.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-15-22

Условием роста социального благополучия молодежи является следование курсу на модернизацию социальной и экономической сфер современного российского общества. Молодежь как возрастная группа от 18 до 30 лет во многом может стать основой и проводником модернизационных изменений, рассчитанных, прежде всего, на так называемый креативный класс, в который входят средние слои городских жителей и молодежь. Социальное благополучие, как и модернизация, включает в себя две базовые характеристики – социокультурное и экономическое благосостояние, достижимые в результате активной трудовой деятельности в условиях внедрения

инновационных технологий производства, (пере)распределения товаров и услуг и последующего потребления благ только при условии изменения социальных отношений в результате ценностных трансформаций. В данной работе нами поставлена задача исследования роли молодежи в перспективах модернизационных процессов, влияния модернизации на состояние социального благополучия молодежи.

Установка Президента Российской Федерации на модернизацию российского общества и экономики находит отражение не только в производственной сфере, но и в преобразованиях системы социальной защиты, здравоохранения и образования. Дело не только в техническом обеспечении, но и в повышении уровня и качества жизни, профессиональных стандартов, оптимизации методов и форм социальной защиты и благосостояния. Модернизация как стратегия развития и преобразования экономики и общества предусматривает наращивание наукоемких технологий, активность институтов гражданского общества в целях повышения социального благополучия населения. Данная стратегия станет эффективной, если будет стимулировать качественно новый уровень развития как производств, так и гражданского социального контроля, сферы социальной защиты, влияющих на социальное благополучие населения в целом и молодежи в частности. Обратимся к современным исследованиям социального благополучия молодежи и процессов модернизации.

Модернизация как категория анализа и вектор инновационного развития может быть представлена с различных точек зрения: учитывать макро-, мезо- и микроуровни социально-экономических отношений, делать акцент на социокультурной и экономической интерпретациях,

а также на исторических периодах технических прорывов, выводящих страну в лидеры мирового производства. Так, А. А. Галкин отмечает суженную и расширенную трактовки модернизации. В узком смысле она представляет собой продолжение введения инноваций в организацию и реализацию производственных процессов, в широком – построение «высокотехнологичного этажа инновационного производства»¹ и соответствующих ему новых социальных отношений. В связи с распространенностью узкой трактовки модернизации поднимается проблема подмены естественных задач обновления материальной составляющей производств, внедрения новых технологий установкой на модернизацию, которая должна пониматься более широко и системно. Модернизация, согласно А. А. Галкину, сопутствует инновационному развитию, предъявляя особые требования к профессиональному образованию, стимулированию инновационного потенциала, научных исследований, соответствующей мотивации молодого образованного поколения. В качестве препятствия инновационному развитию автор видит неготовность бизнеса делать вложения в новые длительные и масштабные проекты, сдерживание инвестиционной активности в силу рискогенности социально-экономических условий. Модернизация же социальных отношений должна идти в сторону институционализации форм общественного контроля за управленческим сектором, «вертикаль власти должна быть дополнена ее горизонталью»².

Внимание к процессам модернизации может быть представлено на разных уровнях социологического анализа, обращаясь к модернизационным процессам, начиная с личностного уровня подготовки профессионалов, научных исследований, переводя внимание на конкретные сферы производства, обслуживания и их отдельные организации в системе сопровождающих социокультурных отношений, затем на уровень страны или ее регионов и в итоге на мировое пространство внешней экономической политики, принципы мирового разделения труда. Процессы модернизации можно представить также и в исторической ретроспективе, например в период индустриализации первой половины XX в., заложивший рынок развития советской промышленности через масштабные технологические проекты, недостаток которых отмечается в современной России³. В этих условиях при планировании реализации поставленного курса на модернизацию нужно провести «инвентаризацию» успешных инновационных наукоемких производств, делая на них ставку для выхода на рынок конкурентоспособных мировых производителей.

Модернизацию промышленных организаций Л. В. Корель и В. Ю. Комбаров определяют как «мобилизационный процесс, направленный на преодоление их глубокого отставания по ши-

рокому комплексу характеристик – технологических, экономических, производственных, управленческих, информационных, социокультурных, когнитивных, ментальных и других – от передовых держав мира ..., движение предприятий к зрелой версии постиндустриальной модели развития»⁴. В качестве затруднений, препятствующих развитию новых технологий, исследователями отмечаются отсутствие государственной поддержки инновационного развития предприятий, в том числе нерациональное использование трудовых ресурсов; дефицит инновационных ресурсов для инноваций; слабую мотивацию работников и собственников к инновациям, отсутствие готовности «идти на риск в условиях высокой нестабильности и непредсказуемости экономического развития»⁵, а также размытость перспектив развития предприятий.

Не стоит забывать и о задачах модернизации социальной, медицинской, жилищной, образовательной сфер, агропромышленного комплекса. Значительные изменения в этих сферах произошли при реализации четырех приоритетных национальных проектов, направленных на снижение уровня социальной напряженности посредством улучшения технической оснащенности учреждений медицинского обслуживания, образования, выравнивания уровня жизни медиков и учителей, повышения доступности получения качественного медицинского обслуживания, жилья, образовательных услуг, поддержки специалистов на селе. Тем не менее, модернизация не может считаться осуществившейся без социокультурных изменений. К примеру, модернизация российского здравоохранения во многом сдерживается ввиду откладывания «социокультурной модернизации, которая потребует большего времени и средств, может обернуться новыми рисками для общественного здоровья: а именно распространенностью стратегий отказа населения от услуг официальной медицины вследствие неустрашимости проблем их доступности и низкой культуры самосохранения населения»⁶.

Модернизация на уровне отдельных регионов имеет центральное значение, поскольку на этом уровне сводятся общегосударственные задачи и непосредственные практические ресурсы, хозяйственная база объектов социальной и технической инновации. Согласно В. Г. Немировскому⁷, стратегия модернизации в регионах России должна базироваться на мониторинге социокультурных процессов, позволяя сопоставлять данные по стране в целом и по ее регионам в частности и учитывая не только технические характеристики, но и оценку удовлетворенности населения условиями жизни.

С позиции глобализации, представленной Н. С. Мاستиковой⁸, модернизация как «стратегия саморазвития России» представляет собой рост потенциала к социальным изменениям с точки зрения повышения конкурентоспособности страны

на мировой арене, а также при взаимодействии разных культур. Социокультурная модернизация предполагает изменение социального капитала и его ключевых ценностей, которые ориентируются на прогресс, массово воспроизводясь в ответ на реформы как инновационные практики. В этом смысле функции модернизации состоят в достижении государственной и социальной безопасности, стабильном развитии и функционировании социальных институтов, повышении качества жизни всего населения.

В неомодернизационной трактовке модернизация, согласно Н. Е. Тихоновой, представляющей общероссийское исследование Института социологии РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010 г.), это «протекающий в разнообразных формах с учетом особенностей национальных культур и исторического опыта народов процесс, благодаря которому традиционные (доиндустриальные) общества достигают состояния модерна»⁹; подчеркивается значение социокультурной модернизации, дополняющей изменения в экономических, политических, социальных и культурных процессах. Социокультурная модернизация является основой для эффективной деятельности новых социальных институтов и рассматривается как «формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов, систем санкций и т. д., а также рационального типа мышления и внутреннего locus-контроля»¹⁰, тем самым подчеркивается значение социализации молодого поколения в соответствии с изменяющейся ценностной структурой. Социальная модернизация опирается, прежде всего, на равенство всех перед законом как основополагающий этап реализации задачи модернизации страны, что в сознании россиян приоритетнее «технологической перестройки экономики, и даже реализации принципа социальной справедливости»¹¹.

Примечателен подход Ю. А. Красина к исследованию модернизационных процессов в стране, основанный на противопоставлении тенденций модернизации и деградации, в котором инновационная модернизация представляется как инструмент преодоления деградации России в современных динамичных процессах. Переход к инновационному развитию и модернизации определяется как нелинейный процесс, сопровождающийся коренной перестройкой социальных отношений, ее политической и духовной составляющих. Роль государства в поддержке молодежи в продвижении модернизации не сводится только к «эпизодической раздаче молодым ученым стипендий и грантов», а должна выражаться в «цельной, продуманной, скоординированной государственной научно-технической политике»¹².

В качестве одного из факторов, сдерживающих модернизацию на системном уровне, А. Б. Вебером, А. А. Галкиным отмечается настороженное отношение к этой стратегии вла-

дельцев крупного капитала, видящих в этом возможное «дестабилизирующее воздействие на ситуацию»¹³, вызванное изменением социальных отношений, отношений к собственности и, как следствие, перераспределением средств у власти имущих и вероятностью смены экономической элиты. Другим значимым фактором, препятствующим инновационному развитию, может стать инертность мышления, сопротивление изменениям значительной части населения.

Влияние установки на модернизацию социальной и экономической сфер жизни закладывает новые критерии социального благополучия, такие как наращивание социального капитала, профессиональная самореализация в приоритетных секторах социальной и экономической сфер, ориентация на разработку и освоение наукоемких технологий и др. Пониманию социального благополучия молодежи может помочь учет параметров экономического и социально-психологического комфорта и, как следствие, возможностей удовлетворения расширенного спектра потребностей, способствующих занятию более высокого социального статуса.

Социальное благополучие тесно связывается М. К. Горшковым и Н. Е. Тихоновой с категориями уровня и качества жизни, удовлетворенности своей жизнью и уверенности в завтрашнем дне. Так, благополучный человек характеризуется такими чертами, как образование, хорошая работа, а также содержит «штрихи образа жизни этой благополучной группы»¹⁴ – доступ к современным информационным технологиям, возможность путешествовать по миру, покупать качественные продукты и одежду, рост доходов. При этом значительное внимание уделяется такому фактору, как «уверенность в возможности реализовать свои мечты», который выступает значимым элементом «высокого качества жизни и предпосылкой благоприятного психологического состояния, характеризует даже не столько младшие возрастные когорты, сколько наиболее высокоресурсные»¹⁵. Примером мечты, *консолидирующей идеи*, объединяющей и сплачивающей россиян, отмечена «мечта о справедливом обществе».

Исследование молодежи, проведенное коллективом под руководством М. К. Горшкова в 2007 г., показало связь понимания категории «благополучие» с материальным достатком, хотя и не исчерпывается им, включая семью, образование, интересную работу. В исследовании представлена интересная ситуация более высокой оценки уровня своего материального благосостояния молодежью в сравнении со старшим поколением (20% против 15%), когда «многие молодые россияне, находясь еще “на старте” своей профессиональной карьеры»¹⁶, оценивают его как благополучное. Удовлетворенность материальной составляющей при этом коррелирует с толерантностью к системе социально-экономических и властно-статусных отношений в российском обществе: «87%

россиян в возрасте 17–26 лет, которые оценивают свое материальное положение как благополучное, жизнь в России в целом нравится и только 13% не нравится»¹⁷. Таким образом, в современных исследованиях подчеркивается роль молодежи в продвижении задач инновационного развития, модернизации, разработке высокотехнологичных проектов, профессиональном самосовершенствовании, готовности спланировать ради достижения общезначимой цели.

Обратимся к результатам экспертных интервью (N = 15), проведенных с чиновниками, представителями академической среды, общественных организаций по вопросам выявления характеристик и показателей социального благополучия молодежи, влияния процессов модернизации на социальное благополучие молодежи, роли молодежи в модернизационном развитии региона.

Категория «социальное благополучие молодежи», согласно мнению эксперта, неразрывно связано с понятием «качество жизни», «которое включает очень многие параметры: демографические, семейного благополучия, экономического благополучия, доступности всей социальной сферы, вопросы экологии и даже вопрос развития гражданского общества. Это очень широкий спектр, который в конечном итоге дает удовлетворение определенное. Социальное благополучие это, когда все, что человеку нужно, он имеет в шаговой доступности» (Инф. 1).

Однако говорить о социальном благополучии молодежи Саратовского региона пока рано, «потому что здесь речь как раз о самореализации и личностном росте. Если молодежь уезжает из нашего региона, то мы не можем сказать, что она добилась какого-то благополучия». Эмиграционные молодежные потоки как значимая социальная проблема обусловлены непривлекательностью региональных перспектив: «... депрессивная экономика, депрессивное состояние души. Здесь никто не хочет оставаться. Даже те, кто хотел бы остаться. Мотивация, конечно, заработать деньги и реализовать себя, поэтому люди уезжают». Данная тенденция усугубляется дефицитом «врачей по области, учителей. Никто не хочет возвращаться в села после окончания вузов» (Инф. 1), что связано со слабо развитой инфраструктурой, ограниченными каналами восходящей социальной мобильности.

Сопоставление понятий успешности и благополучия подчеркивает стратегии ориентации на индивидуальные субъективные или социальные обусловленные объективные трактовки социальных благ и успеха. С этой позиции «успешность – это как раз критерий планки амбиций. В селе успешность достигается легче при низком уровне благополучия. Успешность как самооценка и социальная оценка окружения. Успешность скорее субъективное понятие, а благополучие – объективное. Здесь критерий один – занижен-

ная планка амбиций, целей, ожиданий и социальных требований вокруг» (Инф. 7).

Представление экспертов в сфере региональной молодежной политики о модернизации включает суждение о развитии технологий и инфраструктурных изменениях «в рамках отрасли, в рамках концепции, политики», «подразумевает смену какого-то уклада». Идея модернизации оценивается позитивно как «введение всего нового, хорошего, но нельзя же модернизировать с нуля. У нас модернизация в России понимается – что все хорошее уничтожить, что было, и начать модернизировать неизвестно что» (Инф. 6). Извечные проблемы соотношения цели и средств ее достижения, наличия необходимых ресурсов для ее выполнения в региональном масштабе наполняются значениями, связанными со стартовыми условиями для модернизации, наличием и развитостью объектов модернизации. Оценка возможностей региона в осуществлении модернизационного развития довольно сдержанна: «Что касается модернизации в Саратовском регионе, то ... прежде всего, нужно говорить и о технологической модернизации, потому что во многом, инфраструктура сохранилась ещё с советских времён, начиная от дорог, заканчивая коммуникациями, заканчивая оборудованием, которое стоит в различных учреждениях» (Инф. 8). Таким образом, высокая изношенность инфраструктуры позволяет видеть в модернизации плановое обновление основных коммуникаций, оборудования, а не выход на новый уровень использования наукоемких технологий.

Социальная защищенность как результат реализации мер социальной политики оценивается положительно, отмечая, что «социальная защищенность растет с каждым годом, это надо отдать должное. Социальная политика у нас – то, что мы по законам и по всему перегнали весь мир» (Инф. 4). Результат этого процесса отражается и на молодежи («для молодежи стало являться больше внимания в социальном плане»), в частности, в сфере поддержки демографии, материнства и детства, развития трудового законодательства, расширения возможностей переподготовки и повышения квалификации молодых специалистов.

Мнения экспертов об уязвимости положения молодежной группы разделились. С одной точки зрения, утверждается, что молодежная группа – «одна из самых уязвимых» и говорить о сложившемся социальном благополучии молодежи не приходится (Инф. 4). С другой – не стоит абсолютизировать точку зрения о том, что молодежь является наименее защищенной социальной группой, поэтому приоритеты государственной социальной политики обращены на людей, находящихся в более социально уязвимом положении, не забывая о необходимости создания условий для ее самореализации: «... молодёжь – это 20-летний здоровый дядя, который должен

устраиваться сам по жизни» (Инф. 6). Поэтому довольно оправданной может предстать сложившаяся минимальная система социальной защиты молодежи, при которой *«особо широкого подхода, чтобы защищенность была, мне кажется, такого нет»*. Отмечая некоторый рост уровня жизни молодежи, можно предположить его влияние на активность молодежи, хотя *«этот рост позволяет удовлетворять самый низший слой пирамиды потребностей»* (Инф. 7).

Поддерживая мнение о молодежи как об активной и сильной группе, роль молодежи в модернизации оценивается высоко, поскольку *«молодёжь – самое креативное звено»*, наиболее мобильная социальная группа людей, *«которым нечего терять»*, готовых выбирать и менять разные сферы деятельности, профессию, *«это, в принципе, двигатель»*. Отмечается, что если принятие решений и экономическая активность приходится на более поздний возраст – с 30 до 40 лет, то молодежь – *«это люди, у которых нет якорей, которые держат на одном месте, они могут перемещаться по стране, переезжать из одного региона в другой, они могут открывать свой бизнес, пробовать. За какие-то небольшие деньги»* (Инф. 6). Как результат, *«очень много бизнес-идей успешно реализованы молодыми людьми – вчерашними выпускниками университетов. Они становятся полноценными бизнесменами»* (Инф. 6).

Задача подготовки молодого поколения к серьезным для региона и страны делам, ответственности старшего поколения за этот результат прозвучала как установка к действию: *«...должны говорить о них, как об особой группе, которая играет максимально ключевую роль в развитии будущего государства»*. Вовлечение молодежи в политическую, трудовую и предпринимательскую активность, подготовка к передаче части полномочий молодому поколению демонстрирует то, что *«здесь речь идет уже и кадровом потенциале, кадровом резерве, и о стратегическом потенциале государства, в первую очередь, умственном стратегическом потенциале, который в дальнейшем у нас уже перейдет либо во властные, либо в бизнес-структуры, либо в любые другие сферы жизни, которыми они будут управлять»* (Инф. 3).

Социальное благополучие определяется экспертами преимущественно благоприятными экономическими условиями: *«...если будет работать экономика – то будет работать и социальная сфера, а значит и какое-то благополучие, благосостояние народу – то есть это спокойствие и уважение друг к другу»* (Инф. 4). В качестве показателей социального благополучия молодежи *«должен быть высокий уровень жизни, для этого должна быть возможность работать, зарабатывать деньги, для этого должен быть высокий уровень социального обслуживания, в частности, медицина. Должна быть уверенность в завтрашнем дне»* (Инф. 6). Для

упрочения социального благополучия молодежи в социально-экономических условиях модернизации важна возможность планировать жизненный путь, находить работу по полученной профессии – *«это основное понимание того, что ты можешь выбрать какой-то путь и по нему идти. И что через 2–3 года тебе не скажут, мол, извини – тут лавочка закрылась. <...> Нам дворников не хватает»* (Инф. 6). Тем не менее, несмотря на возможные сложные условия жизни, во многом благополучие человека связано с его личными качествами, целями, особенностями прохождения жизненного пути, *«потому что в любых социальных условиях добиться можно всего»* (Инф. 1).

Молодежная политика может повлиять на процессы модернизации региона при условии ее ориентации на возможность участия молодежи в экономическом развитии региона, через содействие предпринимательству, работе в команде: *«...вот нужно было садиться, обсуждать с промышленности, с молодежью, чтобы они могли развивать себя, подтягивать своих соратников и создавать новые какие-то структуры, компоненты, чтобы совершенствоваться»* (Инф. 4). Тем не менее, при оценке возможностей молодежи повлиять на процессы модернизации в регионе возникает понимание неоднозначности ситуации в условиях контроля и сдерживания спонтанных форм ее активности, в том числе ресурсами молодежной политики: *«...она-то влияет, но молодежи не дают влиять в том объеме, в каком она могла бы, принести ту пользу»* (Инф. 4).

Наличие мер молодежной политики оценивается экспертами скорее номинально: есть министерство молодежной политики, но оно обладает ограниченным объемом ресурсов – как человеческих, так и финансовых. От молодежной политики ждут координирующих действий в отношении разных форм молодежных организаций и объединений, а также единой концепции, понимания ими своей роли в едином процессе, но, поскольку этого не происходит, ряд экспертов отмечают либо слабость региональной молодежной политики, либо ее содержательное отсутствие. Эта специфика работы с молодежью отражается на возможностях реализации молодежной активности в отношении модернизации: *«...все, что касается модернизации – это затея молодых и это задача молодых. Если по отношению к молодежи не будет социальной политики, она не будет поддерживаться, то это будет барьером»* (Инф. 1).

Слабая молодежная политика, не способная привлечь молодежь к социально одобряемым видам деятельности, может стать барьером для модернизации. В условиях дефицита актуальных и интересных для современной молодежи предложений, авторитетных и привлекательных примеров успешной деятельности возникает проблема социальной апатии или протестных настроений, появления девиантных, делинквентных форм поведения. В этом случае молодежь *«уходит в*

какие-то деструктивные движения. Если её не подпитывать чем-то, ... не поддерживать в каких-то позитивных начинаниях, то рано или поздно всё это уйдёт в радикальные движения или в асоциальные движения, может, ... просто в деградацию личности и т. д. Конечно, без молодёжной политики есть огромный шанс потерять многих людей, которые могли бы стать двигателем экономики» (Инф. 6).

Социальная защищенность социальных групп молодежи еще не сложилась, предъявляя повышенные требования к системе неформальных контактов, родственных связей и знакомств, поскольку «молодой человек предоставлен сам себе и не дай Бог, если у него нет семьи. Государство дает квартиру, но нет уверенности, что ты ее получишь. ... То есть государство в начале пути, на мой взгляд, выстраивания системы этой поддержки. Пока молодому человеку достаточно сложно в этом мире, если у него нет тылов хороших» (Инф. 1).

Перспективы инновационного развития во многом связаны с созданием и функционированием технически передовых научных центров, способных стать основой технического прорыва и повлиять на модернизацию. Для сравнения ситуации с наукоемкими производственными центрами приводится пример опыта Сколково и американской Силиконовой долины: американский опыт начинался с подбора креативной группы, команды специалистов, а российский – с идеи, навязанной «сверху»: «...если Сколково – это креативная какая-то новая структура, почему ей должны заниматься олигархи? Для этого есть государство, есть, извините, деньги в нашем государстве» (Инф. 4).

Возможности влияния молодежи на модернизацию экономики усиливаются в условиях постоянного профессионального совершенствования, проектирования новых технологий, участия в конкурсах студенческих работ, где лучшие работы могут быть поддержаны и профинансированы: «...в нашем университете студенты постоянно занимают какие-то места по программированию, по IT-технологиям. Речь идет о внедрении того, что создают на уровне университетских технологий. Еще бы вкладывать в университетские кадры, чтобы молодежь готовить для творческого подхода, чтобы была лабораторная база, чтобы исследования проводить, чтобы наукой заниматься, открытия совершать. Мне кажется, у нас здесь тоже слабовато» (Инф. 1).

Как видно из экспертного мнения, поддержка творческой активности вузовской молодежи, улучшение научно-технической базы учебных заведений и сотрудничество с бизнесом, заинтересованным в инновационных технологиях, является основой вовлечения молодежи в активное модернизационное преобразование. Модернизация связывается экспертами во многом с возмож-

ностями использования современных технологий, в том числе информационных. Роль молодежи в этом процессе довольно определена по причине более легкого осваивания инновационных практик, технических новинок, компьютерных программ, что вызывает «определенный конфликт поколений». Так, молодежь «в состоянии быстро его освоить, быстро начать развивать. Потому что для них “а” – это интересно, “б” – это то, к чему они уже привыкли, “в” – то, в чем они мыслят, они рассуждают уже немножко по-другому, они рассуждают с точки зрения компьютерных систем и как их дальше развивать» (Инф. 3).

Специфика региона откладывает отпечаток на оценку возможностей молодежи карьерного роста, признания, самореализации, экономического благосостояния, планов по выбору места жительства. Существует точка зрения, что на уровне города присутствуют барьеры для самореализации и развития молодежи, вынуждающие ехать за реализацией мечты, планов в другие регионы и страны: «...нужно ехать за американской мечтой хоть и не в Америку, а в Москву (может быть и в Америку, может быть и в Европу), то есть там, где ты сможешь реализоваться». Эта стратегия молодежи основана на выводе о том, что «среди молодёжи есть уверенность, что Саратов – очень клановый город и здесь пробиться самому, своими талантами достаточно тяжело» (Инф. 6).

В качестве механизма достижения социального благополучия эксперт отмечает качество амбициозности, которое оценивается им не столько как личное качество, сколько как характеристика общества, его структурные возможности, в которых при условии получения достойной заработной платы за свой трудовой вклад молодой человек получает возможности развития и самосовершенствования. Мотивация на индивидуальные достижения как стратегия достижения социального благополучия не оправдывает себя, она может ориентировать молодого человека «более быть мобильным, передвижным, но это опять затрата в общем какая-то не такая». Отсутствие доступных механизмов повышения социального статуса, поддержка малообеспеченных, а не поощрение развития среднего класса позволяет сделать вывод, «что в нашем государстве, государству не очень выгодно иметь более ... страту амбициозную, не вот эти там 0,0001%, а процентов 10, у нас нет цели в обществе, чтобы основная страта общества была средний класс» (Инф. 4). Таким образом, качества амбициозности, активности, предприимчивости у молодежи во многом закладываются в процессе социализации, воспитания, профессиональной подготовки, т. е. могут социально конструироваться в ответ на запрос со стороны общества.

Рекомендацией по развитию и продвижению региона может стать установка на узнаваемость города, на его отличительные качества: «Нужно

идентичность свою найти. Чем Саратов может привлечь? Какой магнит будет? Допустим, изначально город с очень хорошей классической культурой. Если Пермь – это современное искусство, то Саратов изначально город, в котором консерватория, филармония, цирк, куча театров, фестивали те же самые проводятся. Давали много фестивалей, они помогают» (Инф. 15).

Таким образом, социальное благополучие складывается из таких компонентов, как ощущение стабильности и планируемости жизни, экономическое благосостояние, культурное развитие и развитая инфраструктура для самореализации, удовлетворения значимых потребностей: «Первое – это уверенность в завтрашнем дне. Второе – это экономическая составляющая, третье – культурная составляющая. Культурная составляющая у нас в регионе есть. <...> у нас нет того, что человек, зная, что он пришел работать, он может добиться чего-то, ... и антураж, в котором мы ставим, дизайн, в котором ты живешь» (Инф. 4).

Среди факторов, содействующих достижению социального благополучия, отмечено значение получения профессионального образования и трудоустройства: «...получить хорошее образование, не опускать руки, добиваться своего» (Инф. 1). Сохраняет свое влияние установка на желательность получения высшего образования в целях достижения более высокого социального и экономического благополучия, хотя наиболее востребованы рабочие специальности: «...очень желательно получить высшее образование. Хотя сейчас идет очень много разговоров о том, что стране необходимы люди рабочих профессий, что профессиональное образование нужно реабилитировать в правах, нужно перестать относиться к нему как к второсортному образованию. Но пока сохраняется уверенность, что высшее образование необходимо для получения определённого материального статуса. И она распространяется не только самими молодыми людьми, но и старшим поколением, работодателями теми же» (Инф. 6).

Значительное влияние на достижение высокого уровня социального благополучия в обществе оказывает система государственной социальной защиты, гарантий медицинского и социального обслуживания вкупе с активной жизненной позицией самого социального субъекта: «Социальное благополучие не во всём зависит от человека, то есть это симбиоз личных качеств человека – тех усилий, которые он готов приложить ради достижения своей цели и той среды, которую предоставляет ему государство. <...> А то, что может человек сделать сам – это получить образование, приложить усилия. Найти работу себе по душе, заниматься ею, ответственным быть» (Инф. 6).

Итак, социальное благополучие молодежи является комплексным понятием, включающим

ценностные установки, профессионально-личностные характеристики, условия среды по удовлетворению значимых потребностей, соответствие усилий и результатов труда при гарантированной системе государственной социальной защиты. Во многом данные характеристики связаны со сложившимися социальными отношениями, экономическими условиями, властными решениями, устанавливающими правила и нормы поведения человека в обществе, векторы социально одобряемого поведения. В современных условиях задача модернизации экономики и социальной сферы делает ставку на молодое поколение, владеющее современными информационными технологиями, осознанно конструирующими свой жизненный путь. Развитие качеств инициативности, ответственности за решения и действия, усиление контроля за социальными институтами складывающегося гражданского общества формируют новые требования к человеку, осуществляющему модернизационные изменения. Социальное благополучие молодежи напрямую зависит от эффективности модернизации экономики и социальной сферы: чем более перспективным, развивающимся является регион, тем более привлекательным он становится для молодежи, предоставляя возможности заработать, профессионально реализоваться, чувствовать удовлетворенность своим трудом и жизнью.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект № МК-753.2014.6).

Примечания

- 1 Галкин А. А. Власть и модернизация : возможности и пределы вертикального стимулирования // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 12. / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2013. С. 69–70.
- 2 Там же. С. 79.
- 3 См.: Медовников Д. С., Виньков А. В., Имамутдинов Э. М. [и др.]. Технологическая модернизация промышленности России : отраслевой анализ. URL: www.hse.ru/data/2012/06/20/1255161248/text.pdf (дата обращения: 25.09.2014).
- 4 Корель Л. В., Комбаров В. Ю. Директора предприятий о государственной промышленной политике // Социс. 2010. № 11. С. 30.
- 5 Там же. С. 31.
- 6 Шилова Л. С. Модернизация российского здравоохранения : ожидания и реальность // Социология и общество : глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV Очередного Всерос. социол. конгресса [Электронный ресурс] / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИС-ППИ. М. : РОС, 2012. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 4445–4453. URL: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part27.pdf> (дата обращения: 25.09.2014).
- 7 См.: Немировский В. Г. Регионы Восточной и Западной Сибири в контексте социокультурных трансформаций и

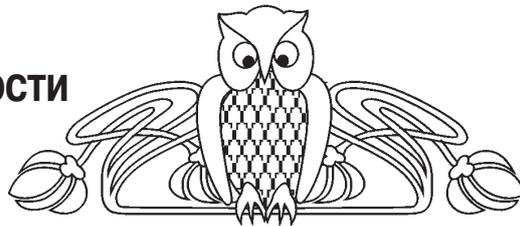
- модернизационных процессов в России (2010–2012 гг.). Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2012.
- ⁸ См.: *Мастикова Н. С.* К проблеме социокультурного сдвига в трансформирующейся России : сравнение ценностей россиян и европейцев по данным Европейского социального исследования // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 148–152.
- ⁹ *Тихонова Н. Е.* Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995–2010 годы) // Общественные науки и современность. 2011 № 4. С. 5.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 8.
- ¹² Альтернативы развития. Россия между модернизацией и деградацией. Политологические очерки / под ред. Ю. А. Красина. М. : Ин-т социологии РАН, 2013. С. 60.
- ¹³ Там же. С. 19.
- ¹⁴ *Горшков М. К., Тихонова Н. Е.* Мечты россиян и реальность демокопии // Полис. 2013. № 5. С. 10.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Молодежь новой России : образ жизни и ценностные приоритеты : аналит. докл. / под ред. М. К. Горшкова. М. : Ин-т социологии РАН, 2007. С. 7.
- ¹⁷ Там же.

УДК 316.35:364.465

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М. С. Перминова

Оренбургский государственный университет
E-mail: ms-perminova@rambler.ru

Статья посвящена изучению феномена волонтерской деятельности. Особое внимание уделено значимости для гражданского общества социальной позиции молодежи, которая проявляется через волонтерство. Рассмотрены подходы к анализу волонтерства, выделены различные формы, виды и мотивы волонтерской деятельности молодежи.

Ключевые слова: социальная активность, волонтерская деятельность, виды волонтерства, молодежь, мотивация деятельности.

Specificity of Formation of Social Activity of Young People in Volunteer Activities

M. S. Perminova

The article devoted to the study of the phenomenon of volunteer activities. particular attention is paid to the importance of civil society's social position of young people, which is manifested through volunteering. The approaches to the analysis of volunteerism highlighted various forms, types and motivations of young people volunteering.

Key words: social activities, volunteer activities, types of volunteering, young people, motivation activities.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-22-25

Идея формирования гражданского общества в России связана с осмыслением важной роли человека в современном общественном развитии. Данный тип общества ориентирован прежде всего на обеспечение благополучия граждан, на развитие духовного и физического здоровья населения, на повышение качества жизни отдельного индивида. Однако формирование гражданского общества является очень долгим процессом и весьма трудоемкой задачей, стоящей перед государством. Сложность заключается в том, чтобы найти ту

движущую силу, которая способствовала бы в более короткое время формированию гражданского общества. Существуют различные варианты решения этого вопроса. Одним из таких вариантов является подъем социальной активности граждан. Не только среда может влиять на индивидов, но и они в свою очередь могут воздействовать на нее, активно преобразуя ее в соответствии со своими потребностями. Важнейшим признаком социальной активности будет выступать устойчивое стремление влиять на социальные процессы и реальное участие в общественных делах, диктуемое стремлением изменить, преобразовать или, наоборот, сохранить существующий порядок вещей.

В качестве такой основы общества и движущей силы может стать молодежь, которая имеет все необходимые для этого личные качества. Однако существует главная проблема, которая встает перед многими социальными институтами – как правильно воспитать и обучить, как в дальнейшем вовлечь в общественно полезную деятельность государства молодое поколение. Наиболее подходящим способом создать такие условия – это привлечь молодых людей к волонтерской деятельности.

Видение роли волонтерства в разных странах детерминировано многими факторами и особенностями их политического и экономического развития. В России добровольческая активность молодых людей рассматривается как один из важнейших факторов социального развития общества в таких сферах, как социальное обеспечение, образование, культура, охрана окружающей среды, здравоохранение и т. д., поскольку именно в этих сферах просматриваются принципы гуманизма, ценности толерантности и нравственности.

В Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в РФ добровольчество рассматривается как сфера, дающая простор созидательной инициативе и социальному творчеству широких слоев населения, которое повышает качество жизни граждан¹. В научной литературе термин «добровольческая деятельность» заменяют на понятие «волонтерская деятельность». На этимологическом уровне значения понятий «волонтерство» и «добровольчество» синонимичны, и в содержательном смысле мы не будем делать различий между ними.

Анализируя понятие «волонтерство» в аксиологическом смысле, ученые в основу заложили такие ценности волонтера, которые соотносятся с убеждениями, потребностями и возможностями других людей. Так, К. Бидерман в своей работе отмечает, что в Великобритании в сфере волонтерства произошли изменения, и теперь бескорыстная помощь другим перешла в постоянную убежденную активность, где собственные интересы молодых людей совмещаются с оказанием помощи другим². Эта особенность подтверждается подходом, в основе которого лежит понятие «серьезный досуг». Р. Стеббинс понимает под ним ряд отличительных качеств: эпизодически встречающиеся потребности в продолжении волонтерского труда; возможность прилагать усилия, чтобы сделать карьеру, участвовать в общественной жизни, иметь множество преимуществ как материальных, так и культурных. В «серьезном досуге» центральным компонентом выступает групповой социальный мир, который постепенно начинает менять свою форму, когда любители, увлекаясь определенной областью, в течение многих лет совместно удовлетворяют общие интересы. В итоге автор акцентирует внимание на долговременном волонтерстве, но аксиологический смысл для субъекта труда остается все равно определяющим³.

Рассматривая феномен волонтерства, большинство ученых акцентируют внимание на его социальных и экономических особенностях. С одной стороны, волонтерская деятельность предполагает активизацию потенциала членов общества для улучшения качества их жизни, с другой стороны, данный вид деятельности выражается через труд, который добавляет ценность предлагаемых услуг, чем повышает свою рыночную стоимость.

Анализируя волонтерскую деятельность уже с позиции профессиональной или трудовой деятельности, в основе определения будет заложен такой ключевой компонент, как свобода. Так, Л. А. Кудринская объясняет, что молодой человек должен заниматься волонтерской деятельностью тогда, когда он самодостаточен в материальной и духовной сферах, т. е. он имеет все необходимое для хорошей жизни и выполняет работу без всех видов принуждений: социального, политического, экономического⁴. Если же молодежь не будет обладать неким достатком, волонтерство станет рассматриваться с позиции корыстной деятельности. Кудрин-

ская в своей статье также замечает, что если включить в такую деятельность разные поощрения, то молодежь может стать самодостаточной, и в итоге это приведет к свободе, которая для молодежной среды очень важна.

Таким образом, в основе волонтерской деятельности молодежи лежит ряд признаков. Во-первых, это отсутствие вознаграждения, поскольку волонтерская помощь не предусматривает какого-либо материального вознаграждения. Однако многие организации, приглашающие волонтеров для какой-либо работы, оплачивают им расходы на транспорт, на питание, предоставляют специальную рабочую одежду, которая чаще всего остается у волонтера в качестве сувенира.

Во-вторых, отсутствие принуждения. Как только появляется та или иная форма принуждения, суть и цель такой работы видоизменяется, так как изначально она основана на созидательной инициативе индивида. В-третьих, польза для общества, для отдельных социальных групп или конкретного получателя. Волонтерская деятельность должна учитывать особенности сообщества, его потребности и способствовать решению социально значимых проблем. Все эти признаки лежат в основе понимания волонтерства не только в России, но и в разных странах. В качестве субъекта волонтерской деятельности выступают мотивированные гуманистические ценности, объектом деятельности – социальные группы, которым требуется социальная помощь и поддержка.

Одним из отличительных признаков волонтерской деятельности в европейских странах является то, что она имеет повседневный характер. В России, к сожалению, волонтерская деятельность имеет периодический характер. Безусловно, это связано с историческим путем развития нашей страны. Однако в современных условиях в России все чаще стали звучать призывы к участию в волонтерской деятельности; открываются различные благотворительный фонды и организации; реализуются проекты, направленные на помощь отдельным индивидам; при вузах открываются волонтерские центры, способствующие проявлению социальной активности молодежи в различных направлениях и видах деятельности.

В связи со множеством видов волонтерской деятельности можно выделить ее различные формы. Разнообразие форм дает возможность предоставлять более гибкие возможности для реализации молодежью волонтерского потенциала в современном обществе. Наиболее распространенной формой волонтерства молодежи является помощь в решении социальных проблем на уровне местного сообщества, например, забота о социально незащищенных группах населения, помощь детям и ветеранам, благоустройство памятников архитектуры, посадка деревьев, помощь в поиске хозяев для бездомных животных и т. д.

Выделяется такая форма волонтерства, как работа молодежи по трудовому договору. Моло-

дые люди выполняют определенные обязанности, которые по своим функциям близки к профессиональной деятельности. В некоторых организациях такие волонтеры входят в штат сотрудников центров социального обслуживания населения и центров работы с детьми и молодежью. Очень часто волонтерской работой занимаются отдельные специалисты абсолютно безвозмездно для неимущих граждан. Такой вид добровольческой деятельности практикуют врачи, юристы, учителя, психологи. Многие волонтерские центры при вузах предоставляют возможность студентам-волонтерам на практике применить свои профессиональные знания и умения и тем самым оказать помощь нуждающимся гражданам.

Еще одной распространенной формой волонтерства в учебных заведениях является каникулярное и международное волонтерство. Каникулярное волонтерство – это деятельность молодежи, которая совмещается с учебными каникулами и направлена на оказание добровольных услуг в разных точках страны и мира. Международное волонтерство молодежи интересно в том плане, что, помимо оказания помощи нуждающимся категориям граждан, молодые люди имеют возможность практиковать и развивать свои языковые навыки, знакомиться с культурой и обычаями других стран, развивать в себе коммуникабельность и толерантность. Число добровольцев, принимающих участие в международной волонтерской деятельности, все время растет. Обычно волонтеры по международным программам работают в странах, где необходимо оказать помощь населению после различных бедствий и катастроф.

В России в последнее время стала набирать популярность еще одна форма волонтерской деятельности – это виртуальное волонтерство⁵. Он-лайн-волонтерство, или виртуальное волонтерство, молодежи подходит для тех, кто с силу обстоятельств не располагает свободным временем, но хотел бы помочь в решении социально значимых проблем, либо для людей, имеющих ограниченные физические возможности. Такая молодежь может проявить свою социальную активность с помощью сети Интернет. Они занимаются, например, сбором средств на лечение детей, на помощь пациентам, страдающих конкретным заболеванием.

Таким образом, многоаспектное понимание волонтерской деятельности молодежи позволяет найти ту направленность и ту форму, которая позволит молодежи самореализоваться, участвовать в процессе социального развития общества, в профилактике социальных болезней, в разработке социальных и экологических проектов. В результате волонтерство является одним из эффективных видов социальной активности, которое дает молодому поколению шанс самому участвовать в развитии своей страны.

Несмотря на положительный эффект волонтерской деятельности для общества и отдельного молодого человека, остается важным вопрос

– как можно мотивировать молодежь для участия в подобном виде деятельности? Так, например, С. В. Михайлова видит успешность формирования мотивации волонтеров в предоставлении уникальной возможности для человека совместить удовлетворение своих личных потребностей с потребностями общества⁶.

При рассмотрении мотивации волонтеров необходимо выделить два подхода – теоретический и практический. Первый подход основывается на теории потребностей А. Маслоу⁷. С точки зрения данной теории можно рассмотреть потребности волонтеров через призму пирамиды потребностей индивида. Маслоу выделял пять уровней потребностей личности, которые образуют иерархическую структуру. Первый уровень представлен физиологическими потребностями. Сюда можно отнести следующие потребности волонтера: комфортные условия для работы; элементарные бытовые мелочи (горячий чай во время еды, помещение, пригодное для работы волонтера, оплата за проезд).

Второй уровень теории А. Маслоу определяет потребность в безопасности. Работа волонтера не должна быть сопряжена с чувством страха за свою собственную жизнь или здоровье. К данному уровню можно отнести безопасные условия труда, например, при работе с ВИЧ-инфицированными индивидами или особо агрессивными целевыми группами; обучение волонтеров действиям в чрезвычайных ситуациях.

Третий, социальный уровень представлен потребностями в социальных связях, в общении и привязанности, в заботе о другом и внимании к себе, в совместной деятельности. Присутствие на различных мероприятиях и собраниях дает возможность для волонтера познакомиться с новыми людьми, реализовать потребность в общении и совместной деятельности.

Четвертый уровень – это престижные потребности: самоуважение, уважение со стороны других, признание, достижение успеха, служебный рост. Для волонтера потребности этого уровня реализуются в определении достижений в общественной и политической работе, в назначении такой работы, за которую волонтер будет нести ответственность. Это даст ощущение значимости в проекте, получение обратной связи от руководителя и коллег по проекту в виде благодарственных писем, грамот, похвалы от других волонтеров.

Пятый уровень представлен духовными потребностями в познании, самовыражении, самоидентификации. Для волонтеров самореализация и развитие подразумевают получение новых знаний, обучение новым навыкам и умениям, возможность достичь определенного статуса внутри общественной организации, например, попробовать себя в роли руководителя проекта или мероприятия.

По теории А. Маслоу, каждый индивид стремится удовлетворить сначала свои первичные потребности, а затем уже потребности более высокого уровня. Волонтерская деятельность может

быть реализована на любом уровне потребностей. Следуя логике данной теории, государственным и общественным структурам вначале необходимо определить основные, значимые потребности молодежи, чтобы создать условия для их удовлетворения через волонтерскую деятельность.

Можно рассмотреть и практическую сторону мотивации волонтеров, где учитываются уже просоциальные мотивы. Так, Б. П. Ильин отмечает, что просоциальное поведение молодежи связано с двумя мотивами: морального долга и морального сочувствия⁸. Т. Брессо выделяет эгоистические и альтруистические мотивы деятельности⁹. Альтруистическими мотивами руководствуются молодые люди, которые осуществляют поступки ради нравственного удовлетворения, самоуважения, гордости, повышения моральной самооценки. Для молодежи, которой присущ моральный долг, характерна высокая личностная ответственность. Такой мотив просматривается в сочувствии, в стремлении опекать, утешать, защищать, заботиться и исцелять тех, кто в этом нуждается.

Однако существует противоположный подход к мотивации молодежи, предполагающий наличие эгоистичных мотивов в волонтерской деятельности. Данный подход базируется на теории социального обмена. «Чистого» альтруизма, подразумевающего, что молодой человек сможет помогать другим, даже если ему самому это невыгодно, не существует. В качестве вознаграждения здесь могут выступать новые навыки и специфические умения для использования их в последующем карьерном росте, выгода в виде бесплатного обучения. Каждый человек, помогая ближнему, испытывает чувство власти, и на подсознательном уровне это чувство ему может нравиться и он будет стремиться ощутить это чувство еще раз. Обобщая данную классификацию, мы видим две основные причины работы волонтеров: удовлетворение своих личностных потребностей и удовлетворение потребностей общества.

Среди видов мотивации принято рассматривать еще внутреннюю и внешнюю. В первом случае речь идет о ценностно-мотивационной ориентации молодежи, во втором – о внешних стимулах. Внутренняя мотивация включает в себя такую работу, которая позволяет молодежи ощутить ее ценность¹⁰. С. В. Алещенок в качестве внутренних ведущих мотивов волонтерской деятельности называет солидарность, ответственность за проблемы в обществе¹¹.

Таким образом, рассматривая классификации потребностей, можно утверждать, что все они между собой тесно связаны и чаще всего включают в себя одинаковые основания. В таких основаниях просматриваются не только идеалистические мотивы волонтеров (помощь другим людям, чувство сопричастности к социально значимому делу), но и прагматичные мотивы (получение профессионального опыта в работе в определенной сфере, возможность бесплатного обучения на различных

курсах, семинарах, тренингах, проводимых для волонтеров специалистами самых разных направлений деятельности: психологами, юристами, бизнес-тренерами).

В современном российском обществе для молодежи в волонтерской деятельности на первый план выходят идеалистические мотивы. Это можно считать большим плюсом для нашего общества. Значит, волонтерская деятельность оправдывает свое предназначение для конкретного индивида и общества в целом. В совместной общественно значимой деятельности происходит становление социально ответственного поведения, развиваются самоконтроль в различных ситуациях и умение планировать свою деятельность, контролировать процесс ее реализации и анализировать ее результат. Для нашей страны волонтерская деятельность молодежи может стать той движущей силой, которая будет способствовать активному процессу формирования гражданского общества, сможет объединить усилия молодого поколения в поиске решений социально значимых проблем, поможет снизить социальную напряженность в обществе.

Примечания

- 1 См.: Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации (Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2009 г. № 1054-р). URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/admReform/publicsociety/doc091224_1949 (дата обращения: 25.02.2015).
- 2 См.: Бидерман К. Координация работы волонтерства и менеджмент волонтерских программ в Великобритании. М. : Центр «Академия», 2009.
- 3 См.: Стеббинс Р. А. Свободное время : К оптимальному стилю досуга // Социс. 2000. № 7. С. 64.
- 4 См.: Кудринская Л. А. Добровольческий труд : сущность, функции, специфика // Социс. 2006. № 5. С. 15.
- 5 См.: Моисейчева М. Виды волонтерства // Biz-bote. 2011. № 4. С. 5–8.
- 6 См.: Насиновская Е. Е. Вопросы мотивации личности с позиции деятельностного подхода // Психология в вузе. 2003. № 1–2. С. 216.
- 7 См.: Маслоу А. Мотивация и личность. URL: http://pedlib.ru/Books/1/0467/1_0467-72.shtml#book_page_top (дата обращения: 28.02.2015).
- 8 См.: Ильин Б. П. Мотивы и мотивации. СПб. : Питер, 2002. С. 218.
- 9 См.: Брессо Т. И. Социокультурные детерминанты просоциальной мотивации // Теория и практика общественного развития. 2013. № 2. С. 71.
- 10 См.: Вебер М. Основные аспекты вопроса мотивации волонтеров в социальных проектах // Biz-bote. 2011. № 4. С. 11. URL: <http://www.drh-moskau.ru/upload/BB/biz-bote-04-2011.pdf> (дата обращения: 28.02.2015).
- 11 Алещенок С. В. Социальное добровольчество в России : состояние и перспективы развития // Ценностный мир современной молодежи : на пути интеграции : сб. М. : Социум, 1994. С. 151–153.

УДК 316.3

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ИНВАЛИДОВ В РСО–АЛАНИЯ

З. М. Сабанов

Северо-Осетинский государственный университет
им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ
E-mail: mse@osetia.ru

В статье анализируются ряд проблем организационно-правового обеспечения социальной защиты в РСО–Алания. Вносятся предложения по совершенствованию законодательства, развитию института социальной защиты инвалидов и их семей. В статье обосновывается необходимость развития социального просвещения инвалидов как продолжение государственной социальной политики, направленной на их социальную поддержку. В структуру социального просвещения предлагается ввести в качестве основных направлений информирование инвалидов о деятельности социальных служб и о порядке взаимодействия между участниками социально-помогающей деятельности в пределах социальных служб при получении социальной поддержки.

Ключевые слова: социальная реабилитация, адаптационное обучение, социокультурная реабилитация, социально-средовая реабилитация, медико-социальная экспертиза.

Social Support for Persons with Disabilities in the RNO–Alania

Z. M. Sabanov

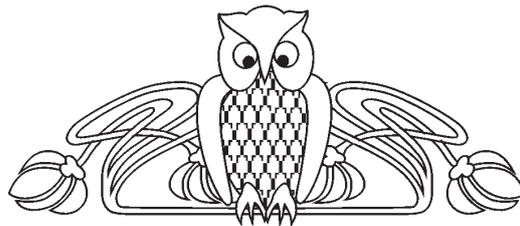
This article analyzes a number of organizational and legal issues of social protection in the RNO–Alania. Proposals to improve legislation, development of the social protection of persons with disabilities and their families. The article makes the case for the development of social education of persons with disabilities as a continuation of State social policy aimed at their social support. In the structure of social education are invited to enter in as the main areas of information of persons with disabilities on the activities of social services and on the interaction between the participants of socio-helping activities within the social services upon receipt of social support.

Key words: social rehabilitation, adaptive learning, socio-cultural rehabilitation, sredovaya social rehabilitation, medico-social assessment.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-26-28

Важность реабилитационной деятельности всех структур, задействованных в настоящее время в решении вопросов реабилитации и интеграции инвалидов в общество, предопределяется высокими показателями инвалидности в Республике Северная Осетия – Алания.

Координацию деятельности субъектов системы комплексной реабилитации инвалидов в Республике Северная Осетия – Алания осуществляет Совет по делам инвалидов, созданный в целях информирования Главы Республики Северная Осетия – Алания по вопросам, связанным с решением проблем инвалидности и инвалидов,

разработки предложений по формированию и проведению социальной политики в республике в области профилактики инвалидности, реабилитации инвалидов и содействия выполнению соответствующих программ, планов и мероприятий¹.

Создание равных возможностей для инвалидов и детей-инвалидов во всех сферах жизни общества путем обеспечения доступности физического, социального, экономического и культурного окружения, здравоохранения и образования, информации и связи, обозначенное в проекте Республиканской программы «Доступная среда в Республике Северная Осетия – Алания» на 2012–2014 гг. – одно из основных направлений социальной политики в республике.

В рамках Программы в республике осуществлены мероприятия по обеспечению доступа инвалидов наравне с другими гражданами к физическому окружению, транспорту, информации и связи, а также к объектам и услугам, открытым или предоставляемым для населения.

В ходе реализации Республиканской целевой программы «Социальная поддержка инвалидов в РСО–Алания» территориальные учреждения социального обслуживания населения и реабилитационные учреждения были финансово обеспечены, что способствовало совершенствованию работы по созданию единого республиканского регистра (базы данных) инвалидов и семей с детьми-инвалидами².

Значительно улучшить материально-техническую базу детских реабилитационных учреждений, расширить перечень и повысить качество оказываемых ими реабилитационных услуг позволила реализация в республике программы, поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, «Открытый мир»³.

В целях создания необходимых условий для работы с детьми-инвалидами в рамках реализации Программы «Открытый мир» осуществлено оснащение ГУ «Республиканский детский лечебно-реабилитационный центр “Тамиск”» диагностическим, медицинским, реабилитационным оборудованием, оргтехникой, транспортом с использованием средств республиканского бюджета.

Основной целью Программы является поддержка семей с детьми-инвалидами, социаль-

ная интеграция детей-инвалидов в среду здоровых сверстников, осуществление мероприятий социокультурной реабилитации детей-инвалидов, в том числе с участием семей со здоровыми детьми.

На базе Центра «Тамиск» в 2014 г. проведены реабилитационные и оздоровительные мероприятия для 1800 детей-инвалидов, детей с ослабленным здоровьем из семей, находящихся в трудной жизненной ситуации (в том числе с детьми-инвалидами, многодетных, неполных, малообеспеченных), за счет средств республиканского бюджета⁴.

В результате осуществленных учреждений мероприятий комплексной реабилитации наблюдается положительная динамика, выражающаяся в приобретении навыков самообслуживания, общения, улучшении когнитивных функций у основной массы детей с ограниченными возможностями здоровья (76%).

Кроме того, совместное пребывание в центрах, досуговые мероприятия, проводимые для детей-инвалидов и их здоровых сверстников, способствуют социальной интеграции детей-инвалидов в среду их здоровых сверстников, воспитанию толерантного отношения здоровых детей, общества к детям-инвалидам и инвалидности.

На базе ГУ «Республиканский центр реабилитации детей-инвалидов «Феникс»» и ГУ «Республиканский детский лечебно-реабилитационный центр «Тамиск»» в целях повышения квалификации, обмена опытом работы по различным направлениям комплексной реабилитации и оздоровления детей организованы и функционируют школы молодого реабилитолога для молодых специалистов, работающих с детьми-инвалидами.

В повышении эффективности реабилитационных мероприятий большую роль играет непрерывность реабилитационного процесса.

Для работы с детьми-инвалидами и их семьями при детских реабилитационных учреждениях созданы школы для родителей детей-инвалидов, клуб выходного дня, в которых проводятся теоретические и практические занятия психологами, реабилитологами, дефектологами, социальными педагогами, юристами по информированию и консультированию граждан по правам и льготам, предоставляемым государством семьям с детьми-инвалидами, по обучению родителей и лиц, осуществляющих уход за детьми-инвалидами, методам реабилитации в домашних условиях⁵.

Всего за 2014 г. проведено 19 занятий школ для 462 человек. В ходе работы дано более 1600 консультаций, подготовлены памятки и рекомендации для родителей по различным вопросам социальной поддержки семей с детьми-инвалидами.

Основопологающую работу по реализации индивидуальных программ реабилитации инва-

лидов и детей-инвалидов проводят территориальные учреждения социального обслуживания населения, на которые возложены полномочия по координации реализации индивидуальных программ реабилитации инвалидов⁶.

За 2014 г. специалистами учреждений социального обслуживания населения оказано 30 623 услуги по реализации рекомендаций, указанных в индивидуальных программах реабилитации инвалидов, в том числе: по информированию и консультированию по вопросам реабилитации – 7399, оказанию юридической помощи – 1884, социально-психологическому патронату семей с инвалидами – 5827, социально-бытовой адаптации – 6468, социально-средовой реабилитации – 5086, социально-педагогической реабилитации – 1012, социокультурной реабилитации – 2445, реабилитации методами физической культуры и спорта – 502 и т. д.

В комплексе вопросов реабилитации инвалидов, решаемых учреждениями системы социальной защиты населения, важную роль играют вопросы профориентации, профессиональной, трудовой реабилитации, информирования и консультирования родителей и детей-инвалидов о федеральном и республиканском законодательстве, предоставляющем льготы детям-инвалидам, в том числе в области получения ими профессионального образования, порядка и условий реализации предоставляемых льгот⁷.

За 2014 г. специалистами учреждений социального обслуживания населения было дано более 300 консультаций по вопросам профориентации, профессионального образования детей-инвалидов.

В целях повышения эффективности социального обслуживания населения, обеспечения отдельных категорий населения доступными и качественными социальными услугами, необходимо:

1) продолжить работу по совершенствованию нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность в сфере нестационарного социального обслуживания населения;

2) обеспечить осуществление действенного контроля соблюдения действующего законодательства, национальных государственных стандартов социального обслуживания Российской Федерации и государственных стандартов социального обслуживания населения Республики Северная Осетия – Алания;

3) продолжить реализацию мероприятий Республиканской программы «Старшее поколение Республики Северная Осетия – Алания» на 2011–2013 гг., направленной на усиление социальной поддержки пожилых граждан и инвалидов;

4) разрабатывать предложения по внедрению в практическую работу новых социальных технологий, способствующих эффективности деятельности подведомственных учреждений.

Примечания

- 1 См.: Кесаева Р. Э., Тигишвили Н. Н. Медико-социальная экспертиза и социальная работа. М., 2013. С. 32.
- 2 См.: Кесаева Р. Э., Кесаева Ж. Э. Социологический анализ социально-медицинской помощи пожилым. Пермь, 2014. С. 45.
- 3 См.: Пузин С. Л., Андреева О. С., Сырников И. К., Лаврова Д. И. Основы медико-социальной реабилитации инвалидов. М., 2003. С. 54.
- 4 См.: Гришина Л. П., Войтехов Д. Д., Таллаева Н. Д. Основные медико-социальные причины инвалидности и пути ее профилактики : Обзорная информация ЦБНТИ МСО РСФСР. Вып. 10. М., 1987. С. 31.
- 5 См.: Кесаева Р. Э., Кесаева Ж. Э. Указ. соч. С. 83.
- 6 См.: Кесаева Р. Э. Семья и медицина / под ред. А. А. Магомедова. Владикавказ, 2006. С. 202.
- 7 См.: Кесаева Р. Э., Тигишвили Н. Н. Указ. соч. С. 52.

УДК 316.334.55

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА

И. В. Нечаева

Институт аграрных проблем РАН, Саратов
E-mail: irnech89@mail.ru

В статье аналитически структурировано социологическое содержание категории «предпринимательский потенциал» сельского социума. Дано авторское видение основных социологических параметров, характеризующих потенциал сельского предпринимательства, рассматриваются факторы и условия, влияющие на его формирование. Анализируется и оценивается современное состояние социальной основы предпринимательских инициатив сельского населения.

Ключевые слова: сельский социум, предпринимательский потенциал, структура и характеристика предпринимательского потенциала.

Conditions and Factors of Forming the Entrepreneurial Potential of Rural Society

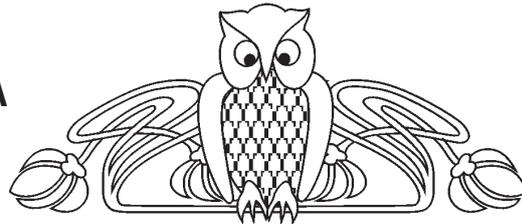
I. V. Nechaeva

In the article is analytically structured a sociological content of category «entrepreneurial potential» of rural society. Given the author's vision of basic sociological parameters with sociological positions, structuring and describing the potential of rural entrepreneurship, examines the factors and conditions influencing its formation. Analyzed and assessed the current state of the social foundation of entrepreneurial initiatives of the rural population.

Key words: rural society, entrepreneurial potential, structure and characteristics of entrepreneurial potential.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-28-33

Социальные изменения, произошедшие в российском селе вследствие перехода к рыночному общественному устройству, делают настоятельно необходимыми исследования, которые рассматривают проблематику потенциала становления новых форм хозяйственной активности на селе. Особенно актуальным данный анализ становится в связи с прогнозом перспектив развития аграрной подсистемы общества, функ-

ционирование которой должно базироваться на новых принципах хозяйствования, социально-инициативных видах деятельности, личной активности субъектов.

Обеспечение продовольственной безопасности и необходимость развития аграрного производства формируют особый общественный запрос на исследование предпринимательского потенциала сельских сообществ. Особая актуальность анализа и оценки предпринимательского потенциала сельского социума обусловлена тем, что, с одной стороны, он определяет перспективы развития предпринимательских практик на селе, а значит, и рост сельскохозяйственного производства, а с другой – знание его параметров необходимо для выработки управленческих решений, касающихся развития аграрной сферы.

Теоретические подходы к исследованию предпринимательского потенциала базируются на теориях структурно-функционального анализа, который рассматривает общество (социум) как социальную систему, состоящую из взаимосвязанных элементов (социальные структуры, институты), которые обеспечивают функции ее воспроизводства и устойчивости существования. Видоизменение социальных систем всегда связано с появлением новых социальных элементов¹, социальных образований, аккумулирующих потенциал будущих изменений и стимулирующих развитие социально-инициативных видов деятельности. Предпринимательство, относящееся по основным социально-видовым признакам к социально-инновационным видам деятельности, является одним из таких элементов развития и трансформации социальных систем, который формирует новые социальные ниши и аспекты взаимодействий между индивидами. Поэтому прогноз динамики его развития вызывает необходимость комплексной оценки его социального потенциала.

В общепринятой трактовке предпринимательство рассматривается как инициативная, самостоятельная, осуществляемая от своего имени, на свой риск, под свою имущественную ответственность деятельность граждан, физических и юридических лиц, направленная на систематическое получение дохода, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг. Категория же «предпринимательский потенциал» относительно недавно стала предметом научного анализа, как в силу того факта, что предпринимательство не так давно вошло в социальную реальность, так и в силу того, что она преимущественно рассматривалась с экономических позиций, что обусловлено самим сущностным содержанием предпринимательства.

Социологическим же основаниям данной категории уделялось не так много внимания. Концентрированное выражение социологических подходов к феномену предпринимательства сфокусировано на социально-инновационных аспектах данной деятельности и создании новых возможностей для самореализации индивидов, как правило, посредством механизмов адаптации и формирования экономического сознания. Так, Й. Шумпетер, Г. Шмоллер подчеркивали активно-преобразовательные и социально-инновационные характер и основания предпринимательской деятельности. Согласно Й. Шумпетеру, предпринимательская функция в обществе состоит в осуществлении организационно-хозяйственной инновации². При этом предприниматель не обязательно сам создает новые комбинации, чаще он копирует чужой хозяйственный опыт, попутно формируя новые динамические области социальных отношений.

Понятие же «потенциал» трактуется как совокупность средств и ресурсов, имеющихся в наличии и которые могут быть задействованы для достижения определенной цели; совокупность возможностей отдельного лица или социума в определенной области³. Совмещение сущностных характеристик данных понятий позволило интерпретировать категорию «предпринимательский потенциал» как социальную основу, необходимую для актуализации предпринимательской деятельности, т. е. такой деятельности, которая выходит за рамки общепринятых социальных представлений и норм в обществе. Его также можно определить как социально-детерминированную совокупную возможность участия сельчан в предпринимательской деятельности. А. Ю. Чепуренко⁴ к предпринимательскому потенциалу относит ту часть трудового потенциала социума, которая обладает склонностью к предпринимательской деятельности и в качестве индивидов-носителей предпринимательского потенциала выделяет в социуме определенную совокупность физических лиц, начавших ею заниматься и/или рассматривающих возможность

перехода к предпринимательским практикам. При этом столкновение традиционности, привычное следование устоявшимся социальным нормам и инновационный стиль поведения, выбор новых видов деятельности во многом опосредованы социокультурными параметрами сельского социума и ценностными приоритетами индивидов. В данном контексте их целесообразно рассматривать в качестве факторов, способствующих формированию векторов социальной самореализации субъектов в контексте индивидуальных жизненных стилей либо приоритета традиционалистских направлений самореализации.

Анализ сущности исследуемого феномена, состоящей в признании приоритетной роли в преобразованиях на селе социально-субъектной деятельности индивидов, ее комплексного характера и обусловленности ценностными аспектами жизнедеятельности, использован в качестве основы для выявления и отбора структурных элементов⁵ с социологических позиций, характеризующих предпринимательский потенциал села. Аналитическая модель анализа социального потенциала предпринимательства в сельском социуме была нацелена на выявление страты сельских респондентов, имеющих предпринимательские ориентации. Исследовательские задачи в данном контексте заключались:

- в анализе распространения предпринимательских ориентаций в сельском социуме;
- в выявлении группы сельских респондентов, проявляющих потенциальную склонность к предпринимательской деятельности;
- в анализе мотивации обращения к предпринимательской деятельности и факторов ее привлекательности для индивидов;
- в обнаружении взаимосвязи между инициативным социально-экономическим поведением и предпринимательскими ориентациями сельчан;
- в анализе основных ценностных ориентаций индивида, формирующих вектор направленности стратегий жизнедеятельности индивидов.

Современные теоретические подходы к анализу развития предпринимательства рассматривают формирование предпринимательских ориентаций как начальный этап, необходимый для перехода к предпринимательской деятельности. Анализ изучения преобладающего отношения к предпринимательству в сельском локале показал, что жизнь в рыночных условиях постепенно переместила предпринимательство в разряд привычных явлений действительности, дала возможность с новых позиций оценить вновь возникшее явление. Из внутрисельских настроений практически исчезло категоричное неприятие рыночных институтов, характерное для периода начала реформ в аграрном секторе; напротив, некоторая часть сельского сообщества видит в нем новые возможности для самореализации. Преоб-

ладающей оценкой малого предпринимательства (фермерства) является положительное отношение к данному феномену.

На возможность формирования потенциальной склонности к освоению предпринимательской деятельности оказывают влияние ее социальный образ и социальная оценка данного вида деятельности, присутствующая в сельском социуме. Современный срез социального восприятия показывает⁶, что только пятая сельских респондентов (22,6%) считают предпринимателей

преуспевающей частью социума, представители которой много добились в жизни. Оценивают предпринимательство как вид деятельности со своими успехами и провалами 33,3% сельчан и откровенно им не завидуют, считая, что их жизнь – нестабильность, опасность и риск чуть, менее пятой части сельчан – 17,2% (табл. 1). Поэтому в общественном мнении села образ предпринимательства как такового скорее носит оттенок труднореализуемого и нестабильного вида деятельности.

Таблица 1

**Мнения сельских респондентов о деятельности предпринимателей
(в % к ответившим)**

Считаю, что они многого добились, преуспевают	22,6
По всякому бывает – у них есть успехи, есть и провалы	33,3
Я им не завидую, их жизнь – это риск, нестабильность, опасность	17,2
Среди моего окружения нет предпринимателей	19,4
Затрудняюсь ответить	7,5

Анализ мотивации вероятностного обращения к предпринимательству показывает, что процент исконных, «природных» предпринимателей, которые сумели себя проявить даже в период развития социализма, составляет 8%. Для остальных же, учитывая исходно низкий жизненный уровень в селе и невысокую планку социальных запросов, данное стремление следует рассматривать скорее в плоскости вынужденного обращения к предпринимательству, так как субъекты, скорее всего, видят в нем единственный имеющийся на сегодняшний день способ материально обеспечить свою семью. Этот вывод подтверждается анализом перспектив видения положительных сторон предпринимательства, где явный приоритет отдан именно этим альтернативам (50% респондентов в предпринимательски ориентированной группе). Данный вид мотивации наиболее характерен для сельского социума, представляя собой социальный ответ на внешние обстоятельства и проблемы. Полученные показатели соотносимы с общероссийскими данными глобального мониторинга предпринимательства⁷, в рамках которого исследовался уровень предпринимательской активности населения. По его данным, в селах, по сравнению с городами, мотивация вынужденности превалирует. В качестве основной побудительной причины к организации собственного дела наибольший процент набрала альтернатива отсутствия лучших вариантов работы и самообеспечения (40%). Тогда как в крупных городах данная причина была актуальна только для 7% респондентов. Также для сельского социума гораздо менее характерна ориентация на получение преимуществ, которое дает занятие бизнесом, – 20% (в больших городах эта причина актуальна для 36% респондентов). Мотивация стремления к большим социальным достиже-

ям также более характерна для города в целом, чем для села. В больших городах предпочтение отдали данному варианту 29–40% респондентов, тогда как в селах – только 20%.

Развитие в российском обществе рыночных отношений, повлекшее за собой постепенное снижение доминирования традиционных устоев жизнедеятельности села, способствовало расширению поля вариативности самореализации субъектов. Используя ряд индикаторов, основным из которых являлась потенциальная предрасположенность субъекта к предпринимательским практикам, по результатам исследования была дифференцирована группа респондентов (8–14%), преимущественно состоящая из молодых людей (18–30 лет), отдающая предпочтение индивидуальным стратегиям жизнедеятельности.

Результаты исследования также показали, что на склонность к предпринимательским стратегиям оказывают влияние уровень материального достатка респондента и степень удовлетворенности жизнью. Выявлено, что 38,5% респондентов, выразивших желание иметь собственное дело, в основном сосредоточены в группе с невысоким уровнем достатка. В исследовании также рельефно обозначена взаимосвязь между степенью удовлетворенности жизнью в целом и предрасположенностью к предпринимательству. Результаты сопоставления данных вопросов показали, что группу респондентов, имеющих желание организовать собственное дело, почти на 70% составляют индивиды, имеющие разную степень недовольства собственной жизнью. Из них почти 40% не вполне удовлетворены тем, как складывается их жизнь, и еще треть те, кто недоволен собственной жизнью. Разная степень неудовлетворенности собственной жизнью может служить мотивирующим аспектом возможного обращения к предпринимательским стратегиям.

Предпринятые социологические исследования позволили сделать вывод о том, что индивиды, обладающие склонностью к индивидуальным стратегиям жизнедеятельности, имеют специфические социальные характеристики. Установлено, что они отличаются от остальных значительно большей экономической и социальной инициативой, более оптимистичным социальным настроем, осознанием возможности

использования в своей жизни новых перспектив, которые явились следствием реформ. Итоги реформирования села в социально инициативном слое чаще оценивались в положительном контексте, связанном с появлением новых возможностей самостоятельного хозяйствования (26,3%), по сравнению с группами традиционного восприятия проведенных преобразований (14%) (табл. 2).

Таблица 2

Оценка последствий реформирования села в зависимости от предпринимательских ориентаций респондентов (в % к ответившим)

Предпринимательские ориентации респондентов	Появилась возможность жить лучше	Реформы разрушили жизнь села	Загрудняюсь ответить	Итого
Да и скорее да возможному предпринимательству	26,3	52,5	21,2	100
Нет и скорее нет возможному предпринимательству	14,0	68,0	18,0	100
Уже открыл собственное дело	50,0	50,0	–	100
Общий массив респондентов	20,7	60,8	18,5	100

Формально не являясь предпринимателями, представители данной группы более инициативны в использовании доступных способов повышения благосостояния семьи. Если по позициям самообеспечения продуктами из личного подсобного хозяйства (ЛПХ) они очень близки с группой, не интересующейся бизнесом (71,7 и 67,3% соответственно), то по альтернативе продажи продукции, произведенной на личном подворье, они вдвое превосходят ее (50,0 и 26,5% соответственно). Также разителен контраст

между данными группами в использовании возможностей дополнительного приработка (34,2 и 6,1% соответственно). Закономерно, что проекты расширения ЛПХ и увеличения объемов производимой в нем продукции почти в 2,5 раза чаще присутствуют в данной группе, по сравнению с группой, не имеющих интереса к предпринимательству (42,1 и 18,4% соответственно) (табл. 3). Это обстоятельство имеет существенное значение, так как инициатива группы сосредоточена именно в сфере аграрного производства.

Таблица 3

Способы улучшения материального положения своей семьи в зависимости от предпринимательских ориентаций респондентов (в % к ответившим)

Способы улучшения материального положения	Да и скорее да возможному предпринимательству	Нет и скорее нет возможному предпринимательству	Уже открыл собственное дело	Общий массив респондентов
Обеспечиваем себя продуктами питания за счет ЛПХ	71,1	67,3	50,0	68,1
Продаем продукцию ЛПХ	50,0	26,5	75,0	38,0
Получаем помощь со стороны	13,2	14,3	–	13,2
Работаю по совместительству	13,2	14,3	–	13,2
Использую любую возможность разовых (сезонных) приработков	34,2	6,1	–	17,6
Ничего не могу сделать для улучшения своего благосостояния	13,2	12,2	–	12,1
Я удовлетворен своим положением	2,7	6,3	25,0	5,6

В предпочтениях трудовой занятости у представителей инициативной группы отчетливо просматривается снижение ориентаций на коллективные формы занятости и более четко проступает приоритет индивидуального начала. Представители этой группы менее всего хотели бы работать в колхозах и совхозах – 8,1%; тогда как в непредпринимательской группе данный вид занятости остается приоритетным для 29,2% сельчан.

Исследование социально-психологических аспектов предрасположенности индивидов к экономической инициативной деятельности показал, что среди тех, у кого главной линией поведения является независимость, выбор в пользу возможного предпринимательства делается в два раза чаще, чем в группе респондентов, прислушивающихся к мнению окружающих и стремящихся к бесконфликтному существованию. В группе заявивших о желании иметь собственное

дело независимым линиям поведения отдали предпочтение 61,5% респондентов. В страте же респондентов, не проявивших интереса к предпринимательству, процентное соотношение линий независимости и конформизма практически равно – 44,1 и 47,1% соответственно.

Анализ проблемы также показывает, что опыт реальной предпринимательской деятельности, пример жизненных достижений и достигнутого материального достатка служат притягательным ориентиром для инициативных индивидов. Они проявляют практический интерес к достижениям успешных субъектов в сфере бизнеса. Половина данной группы (46,2%) с интересом присматривается к их жизни и деятельности, тогда как среди равнодушных к бизнесу интерес к опыту успешных людей проявляет только у 20,6% респондентов, и в основном большинство безразлично относится к успешным в материальном плане субъектам (62,5%). Деятельность успешных предпринимателей в селе выступает своеобразным социальным ориентиром, который видоизменяет расстановку внутренних приоритетов субъекта в пользу возможного освоения новых ниш экономической деятельности.

Анализ социологических данных, полученных при сопоставлении с исследованиями, проводимыми с 1993 по 2011 г., позволил провести типологизацию ценностных приоритетов крестьян⁸, которые служат основой для предположенности к тому или иному способу достижения благополучия и материального обеспечения. Пролонгированные социальной памятью в процентном и рейтинговом отношении лидируют традиционные крестьянские качества. Именно трудолюбие и жизнестойкость, которым отдали предпочтение 78,8% респондентов, продолжают оставаться той духовной платформой, которая обеспечивает выживание селу при любом социальном устройстве, даже нередко на уровне минимально возможных параметров воспроизводства, переходя почти к натуральным формам ведения домохозяйства. Сложившаяся прочная взаимосвязь между этими качествами и чувством незыблемости собственного существования (пусть при минимальном удовлетворении потребностей) мало способствует развитию мотивационного комплекса и достиженческих ориентаций индивида, необходимых для начальных попыток перехода к деятельности рыночной направленности. Однако такие качества, как самостоятельность, уверенность в себе, набравшие 42,7%, ответственность – 29,2%, уже дают большую вариативность их применения в качестве ориентиров как на традиционные, так и на вновь появившиеся виды деятельности.

Достаточно заметный вес в ценностной структуре сельских респондентов продолжают сохранять общечеловеческие качества, необходимые для совместной жизни в локальном социуме, такие как честность (24,7%), добро-

та, уважение к людям, отзывчивость (50,6%). В процентном отношении они идут почти вровень с откровенно прорыночными качествами – деловитостью, активностью, стремлением заработать (39,4%), что свидетельствует о расширении поля рыночных ценностей и процессах их адаптивной переработки (табл. 4). На наш взгляд, это явление обусловлено тем, что рыночные устремления и начинания смягчены спецификой сельской социальной солидарности. Качества же откровенного индивидуализма, которые отметило незначительное количество сельчан, практически нехарактерны для ценностного комплекса сельских респондентов. В связи с этим необходимо отметить, что прорыночные ориентации постепенно приобретают социальное влияние в обществе (они важны для пятой части опрошенных) при сохраняющемся приоритете качеств, важных в отношениях между людьми.

Таблица 4

Какие качества Вы хотели бы воспитать в своих детях? (в % к ответившим)

Трудолюбие, жизнестойкость	78,8
Самостоятельность, независимость	42,7
Ответственность	29,2
Честность	24,7
Доброта, уважение к людям, отзывчивость	50,6
Индивидуализм	1,1
Деловитость, активность, стремление заработать	39,4
Терпеливость, приспособляемость	3,4
Смирение, духовность	3,4

В заключение следует отметить, что предпринимательство в социологическом контексте определено как вид социально-инновационной деятельности, выходящей за рамки общепринятых представлений и норм в обществе, а социальный потенциал предпринимательства – как социальная основа, необходимая для его актуализации. Этот подход дал возможность структурировать и раскрыть содержание предпринимательского потенциала при помощи ряда параметров, характеризующих его социальную составляющую. В ходе проведенного социологического исследования была выделена группа субъектов, отличающаяся по своим социально-психологическим характеристикам от общего массива опрошенных. Ее представители экономически инициативны и имеют более высокие показатели социальной готовности по-новому выстраивать вектор индивидуального поведения. В перспективе развития частного аграрного сектора группа обладает значительным потенциалом самоорганизации в предпринимательской проекции. Аккумулируя инициативные характеристики, данный слой является скрытым катализатором изменений на селе, и именно под его потребности и запросы необходимо ориенти-

роваться в проведении модернизационных программ, инициируемых государством.

Получено новое знание о факторах и условиях формирования предпринимательского потенциала в сельском социуме. Выявлено, что на формирование предпринимательских ориентаций оказывает влияние ряд социальных факторов, таких как общее отношение к предпринимательству в сельском социуме, субъективное отношение к предпринимательской деятельности, внешнесредовые условия, ценностные ориентиры индивидов. Установлено, что на селе существует потенциальная основа существования, реализации и дальнейшего развития там частной инициативы субъектов, так как в нем присутствует группа индивидов, состоящая из действующих сельских предпринимателей и в значительной степени объединяющая индивидов, демонстрирующих перспективу освоения предпринимательской деятельности.

Наличие потенциального желания открыть собственный бизнес либо стать фермером вовсе не означает, что индивиды готовы непосредственно перейти к его практической реализации. Исследования показывают, что между потенциальной возможностью и жизненными планами существует значительный разрыв. В селах сохраняется взвешенно-консервативный подход к выбору стратегий жизнеобеспечения и пока слабо проступает социальный вектор самостоятельных вариантов самореализации. В связи с этим практическое обновление села должно носить комплексный характер, объединять государственный протекционизм по созданию привлекательных условий для развития предпринимательства, а также опираться на интегративную самоорганизацию социального пространства

села посредством механизма внутреннего формирования социальных ориентаций, нацеленных на определенные виды деятельности.

Примечания

- 1 См.: Социология. Основы общей теории / под ред. Г. В. Осипова, Л. Н. Москвичева. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 322.
- 2 См.: Радаев В. В. Экономическая социология. М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2005.
- 3 См.: Энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 1085.
- 4 См.: Чепуренко А. Ю. Ранее предпринимательство в России // Мир России. 2008. № 2. С. 22–40.
- 5 См.: Нечаева И. В. Теоретико-методологические подходы к исследованию предпринимательского потенциала // Региональные агросистемы: экономика и социология: ежегодник. Саратов: ИАГП РАН, 2010. № 1. URL: <http://www.iagpran.ru> (дата обращения: 16.12.2013).
- 6 Здесь и далее представлен анализ результатов социологического исследования лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий ИАГП РАН, проведенного с участием автора статьи. Саратовская область, квотная выборка 2011 г. N = 332.
- 7 См.: Чепуренко А. Ю. Глобальный мониторинг предпринимательства. URL: <http://www.gsom.spbu.ru/research/eship/projects> (дата обращения: 15.04.2014).
- 8 См.: Нечаева И. В. Динамика ценностного континуума сельского социума в предпринимательской проекции // Региональные агросистемы: экономика и социология: ежегодник. Саратов: ИАГП РАН, 2012. № 2. URL: <http://www.iagpran.ru> (дата обращения: 12.02.2014).

УДК 816.752

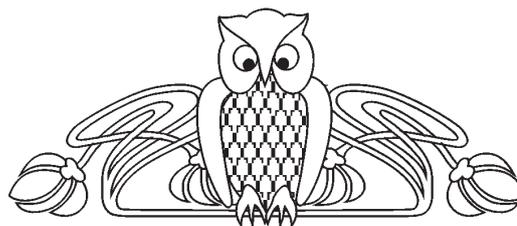
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

С. Ш. Жемчурова, Э. М. Ибрагимова

Чеченский государственный педагогический университет, Грозный
E-mail: sedazz@mail.ru, elai-555@mail.ru

В статье приводятся результаты социологического исследования, проведенного в 2013 г. с целью изучения уровня толерантного сознания молодежи Чеченской Республики. Рассматриваются специфика этноконфессиональной идентичности и формирование толерантных установок студентов.

Ключевые слова: чеченцы, идентичность, этноконфессиональная идентичность, толерантность, молодежь.

Some Aspects of Tolerant Consciousness of Student's Youth of the Chechen Republic

S. Sh. Zhemchuraeva, E. M. Ibragimova

Results of the sociological research conducted in 2013 for the purpose of studying of level of tolerant consciousness of youth of the Chechen Republic are given in article. Specifics of ethnoconfessional identity and formation of tolerant installations of students are considered.

Key words: Chechens, identity, ethnoconfessional identity, tolerance, youth.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-33-36

В современном мире все большую актуальность приобретает возможность спокойного сосуществования людей, идентифицирующих себя с разными этническими и конфессиональными общностями. В условиях интенсивного развития именно молодежь выступает проводником принципов толерантности, развития культуры и поддержания межпоколенческих, межэтнических и межконфессиональных отношений.

По мнению многих ученых, спецификой этноконфессиональной идентичности можно назвать то, что этническая и религиозная принадлежность являются наиболее распространенными формами групповой и индивидуальной идентичности. Религия и этнос стоят над социальными, материальными, демографическими, профессиональными и иными различиями и особенностями.

В 2013 г. сотрудниками кафедры «Политология и социология» Грозненского государственного нефтяного технического университета (ГГНТУ) им. акад. М. Д. Миллионщикова было проведено социологическое исследование с целью выявления уровня межэтнической и межконфессиональной толерантности студентов ГГНТУ, Чеченского государственного университета, Чеченского государственного педагогического института.

В соответствии с целью социологического исследования были сформулированы задачи:

- определить общий уровень толерантности в студенческой среде;
- проанализировать степень конфессиональной и этнической толерантности студентов.

Объектом исследования являются студенты 3–4-го курсов ГГНТУ, ЧГУ, ЧГПИ. Генеральная совокупность – 2599 человек. Выборочная совокупность – 526 студентов, что обеспечивает уровень доверительности 95% и 5% допустимая ошибка выборки. Тип выборки – пошаговая (шаг 5).

Студенческая молодежь – особая социальная общность, представляющая собой мощную инновационную силу, находящуюся в стадии формирования своей ценностной структуры. В этой связи исследование толерантности среди студентов вузов Чеченской Республики является значимым и вызывает особенный интерес.

В качестве основы проведения исследования была разработана анкета для формализованного интервью, которая включала в себя 5 блоков вопросов.

Для выявления уровня межконфессиональной толерантности студентов были разработаны два полярных суждения универсального характера. Первое, толерантное: «Все религии, существующие в России, должны быть равноправны» (54,4%). Второе, интолерантное: «Самой главной религией в России должен быть ислам» (77,2%). Суждение нетолерантного характера получило большую поддержку, чем толерантное, однако данный факт не является, на наш взгляд, свиде-

тельством низкого уровня межконфессиональной толерантности среди чеченской молодежи. В целом, в отличие от других форм толерантности, религиозные отношения и ценности не рассматриваются большинством студентов как факторы социальной напряженности повседневной жизни и общества в целом. Возможно, это связано с тем, что опрошенные молодые люди постоянно проживают в основном в окружении единоверцев.

Ислам в Чечне, по признанию многих исследователей, имеет многовековую историю. «Сила Ислама в том, что он утверждался на периферии мусульманского мира, адаптируясь к этнокультурным особенностям региона», – пишет известный религиовед Вахит Акаев. Он подчеркивает, что «на Северо-Восточном Кавказе (Дагестане, Чечне и Ингушетии) ислам распространялся в форме суфизма, представленного через тарикаты накшбандийа, кадирийа и шазалийа»¹.

Не переводятся «аналитики», которые за каждым серьезным событием в Чечне видят клан, тайп, вирд или еще что-то из этого ряда². Однако сами чеченцы нередко, прожив бок о бок десятки лет, узнают о тайповой или вирдовой принадлежности друг друга случайно, а иногда в связи с какими-либо чрезвычайными обстоятельствами. А к какому суфийскому братству человек себя относил, как правило, становится известным вообще после его смерти, когда возникают вопросы, как хоронить, совершать громкий зикр или нет и т. д.³

Для выявления роли и места вирдовой принадлежности нами был сформулирован соответствующий вопрос, ответы на который распределились следующим образом. Значительная часть респондентов (69%) не относит себя ни к одному из вирдовых братств, а считает себя «просто мусульманами». К кадирийскому вирду причислили себя 11% студентов, в то время как к накшбандийскому вирду относят себя 7% опрошенных. Затруднились ответить на данный вопрос 13% респондентов. Полученные ответы еще раз подтверждают низкий уровень вирдовой дифференциации среди студенческой молодежи.

Хотя студенты вузов Чеченской Республики в подавляющем большинстве (95,9%) относят себя к чеченцам, проблема межнациональных отношений и в студенческой среде, и в оценках ее роли в обществе в целом далеко для них небезразлична.

Этническая идентичность занимает значимое место в структуре коллективных идентификаций студентов. Почти две трети (59,9%) отличают себя от других по национальной принадлежности. В отличие от других идентичностей, этническая идентичность может стать фактором как повышения, так и понижения межэтнической толерантности. Все зависит от социокультурного контекста, а также развития конкретной ситуации.

Отдельного внимания заслуживает вопрос, касающийся отношения студентов к межнациональным бракам. В данном контексте он является одним из важнейших маркеров толерантности в сфере межнациональных отношений.

Как нетолерантное рассматривалось желание респондента иметь в качестве супруга(и) человека своей национальности, либо выбор супруга(и) в зависимости от национальности. Толерантным является безразличие к национальности супруга(и), либо непридание этому признаку особого значения. К возможности брака с человеком другой национальности большинство студентов не проявляют толерантности. Четко заявленная ориентация только на брак с человеком своей национальности характерна для 64,2% респондентов. В этой связи можно отметить некоторую категоричность в отношении студентов к межнациональным бракам. Этническая культура чеченцев, которая исторически развивалась на основе моральных и нравственных ценностей, не только является главным регулятором поведенческих действий индивида, но и влияет на их отношение к межнациональным бракам.

Для выявления степени выраженности этнической толерантности студентов применительно к современной ситуации в Чеченской Республике и российском обществе в целом были разработаны шесть суждений, три из которых носили толерантный, а другие три – интолерантный характер.

Одним из основных проявлений интолерантности среди опрошенных явилось согласие с суждением о том, что «Люди одних национальностей от природы лучше других» (21,6%). На втором месте среди поддержанных студентами позиций является то, что «Опыт старшего поколения не годится для достижения успеха в сегодняшней жизни молодых» (20,5%). Высокая степень согласия с суждением «Надо ограничить проживание в Чечне представителей иных национальностей» рассматривалась как проявление нетолерантности. Согласились с таким суждением 18,7%. Считаем, что опрошенные молодые люди не в полной мере осознают смысл подобного суждения. Это может быть последствием того, что респонденты представляют собой поколение, которое формировалось в основном в моноэтнической среде, когда в связи с военными действиями территорию республики покинула большая часть русскоязычного населения.

Все религии в России должны быть равноправны, так думают 9,8% студентов. Более универсальным, не связанным с конкретной ситуацией индикатором этнической толерантности является степень выраженности согласия с суждениями «Деление людей на национальности – это пережиток прошлого» (8,2%) и «Россия – многонациональная страна, и ее президент не обязательно должен быть русским по национальности» (5,4%). Этническая толерантность студентов проявилась в ответах на максимально отвлеченный от

социального контекста вопрос: «В какой степени можно согласиться с суждением “Общество богаче и культурнее, когда люди разных национальностей живут рядом”?» (с ним согласились 8,1% респондентов). Как видим, толерантные суждения поддержаны молодыми людьми, хотя и не в большей степени, чем нетолерантные.

Наряду с этноконфессиональными показателями толерантности в анкету включены вопросы, касающиеся межпоколенческого взаимопонимания. Межпоколенческая толерантность означает признание возможности и ценности взаимопонимания и сотрудничества, использования опыта и устоявшихся норм и традиций во взаимоотношениях с представителями старшего поколения.

Анализ полученных данных показал, что преобладающее большинство студентов (66,2%) положительно настроены к возможности конструктивного межпоколенческого взаимодействия. Подобное взаимодействие является возможным не во всех случаях – так считают 31,3% опрошенных. Сотрудничество и взаимопонимание между людьми различных возрастных когорт невозможно – отметили 2,5% респондентов. Такие результаты свидетельствуют о высокой силе преемственности поколений в чеченском обществе. Несмотря на трагические события, произошедшие в недавнем прошлом в регионе, полученные данные показывают, что чеченцы способны сохранять основные векторы идентичности, в том числе связанные с известными, сложившимися на протяжении сотен лет чеченскими традициями уважительного отношения к старшим и буквального благоговения перед ними. Однако почти треть респондентов, так или иначе сомневающих в полном взаимопонимании с представителями старшего поколения, позволяет предположить наметившуюся тревожную тенденцию в межпоколенческих отношениях. Этот факт обращает на себя внимание, поскольку подобные трансформации ставят под угрозу систему морально-нравственных ценностей чеченцев, оформившуюся при сложном протекании исторических событий, в том числе социальных потрясений и катастроф.

Подводя итог, отметим, что в целом этническая и конфессиональная толерантность студентов невысока, так как степень согласия с суждениями толерантного характера не превосходит таковую по отношению к нетолерантным утверждениям. Проведение мероприятий, направленных на формирование устойчивых толерантных установок чеченской молодежи, позволило бы уменьшить вероятность возникновения межэтнической и межконфессиональной напряженности, а в некоторых случаях предупредить конфликтные ситуации на этнической основе. Результаты, полученные в ходе исследования, могут служить при разработке соответствующих программ и реализации национальной политики в регионе.

Примечания

- ¹ Цит. по: Эминов С. Братство вирда. URL: <http://kavpolit.com/bratstvo-virda/?print> (дата обращения: 19.10.2013).
- ² См.: Манкиев А. А., Ибрагимов М. М., Жемчурова С. Ш. Чеченский тайп в его историческом про-

шлом и сознании современной студенческой молодежи // Вестн. АН Чеченской Республики. 2013. № 3 (20). С. 98–104.

- ³ См.: Эминов С. Указ. соч.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.4.051.6

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГИБРИДИЗАЦИИ ПОКОЛЕНЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

М. А. Карелин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: karelin15@rambler.ru

Статья посвящена анализу теоретико-методологических основ межпоколенческого взаимодействия в социальном пространстве. Рассматриваются этнографические, историко-культурологические, социально-демографические, социологические подходы к изучению поколений. Предлагаются авторские определения понятий «поколение», «поколенческое пространство», анализируется процесс формирования гибридной структуры поколенческого пространства.

Ключевые слова: поколение, пространство, социальная гибридная структура, смешение времени.

Theoretical and Methodological Foundations of Hybridization Space Generation

М. А. Karelin

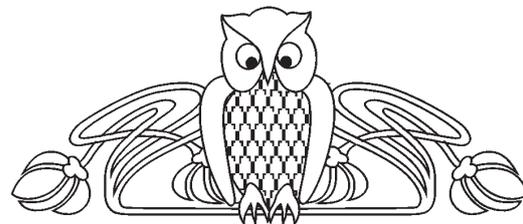
The article analyzes theoretical and methodological foundations of intergenerational communication in the social space. The ethnographic, historical-cultural, socio-demographic, sociological approaches to the study of generations are considered. The author's definitions of the notions «generation», «generation space», are suggested and the process of hybridization space generation formation is analyzed.

Key words: generation, space, social hybridization, mixed time.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-36-39

Сегодня, в условиях быстроменяющихся научных подходов, социологи все чаще обращаются к различным константам устойчивости, какими являются вопросы поколенческой организации общества.

Изучение поколений в современной социологии осуществляется в трех направлениях: первое направление связано с конфликтом, как ключевой характеристикой межпоколенческого взаимодействия; второе – с изучением качеств конкретного поколения в отрыве от взаимодействия с социальным миром и сопровождается риторикой уникальности; третье направление рассматривает поколение с позиции преемственности и ретрансляции опыта предшественников и современников.

Представленные направления в полной мере позволяют решать поставленные перед ними задачи, но менее состоятельны при изучении процесса динамики изменений внутри поколений, их преобразования и развития – каковым является процесс гибридной структуры поколений. Решить данную проблему, как нам кажется, позволит такой теоретико-методологический конструкт, как социальная гибридная структура поколенческого пространства. Возможности применения данного конструкта распространяются как на поколения в целом, так и на межпоколенческое взаимодействие в различных сферах жизнедеятельности¹. Для этого потребуется адаптация социологического опыта и частичное переосмысление понятий «поколение», «пространство» и «гибридизация». Ввиду этого обратимся к теориям наиболее видных социологов и социальных философов.

Классик социологии Э. Дюркгейм рассматривал проблему поколений через призму «коллективных представлений», обращаясь к термину «преемственность». Данный термин определяется им как неотъемлемый механизм, отвечающий за регуляцию поведения индивидов в обществе и социальных группах. Акцентируя внимание на преемственности, Э. Дюркгейм отмечал, что в обществе «существует множество общих идей и чувств, которые передаются от поколения к поколению и обеспечивают одновременно единство и преемственность коллективной жизни»². Поэтому необходимо избрать данные «ценности и чувства» в качестве объекта специальной науки – социологии поколений.

Другая значимая фигура среди исследовательской категории «поколения» – немецкий социолог К. Маннгейм. Он впервые попытался соединить позитивистско-биологическое и романтико-историческое понимание поколения. В своей статье «Проблема поколений» он формулирует три характеристики поколения: определённое «положение», наличие специфической «взаимосвязи» в каждом поколении, социально-символическое «единство». Затрагивая тему местоположения

поколения, К. Маннгейм отмечает, что оно «предопределено естественными фактами перехода от одного поколения к другому»³.

Не менее интересная концепция о цикличности смены поколений была предложена Н. Ховумом и У. Штраусом⁴. Согласно ей через каждые двадцать лет рождаются представители одного поколения («пророки», «кочевники», «герои», «художники»). Именно двадцатилетний цикл обусловлен как социальными, так и биологическими причинами. Так, начало перехода к взрослой жизни обозначено двадцатилетием, зрелость – сорокалетием, а старость – шестидесятилетием. При этом имеет место процесс поколенческих поворотов («возвышение», «пробуждение», «раскрытие», «кризис»), которые вносят в данную теорию элемент цикличности. Иными словами, между крайними поколениями наблюдается сходство на определенном уровне. Кроме того, данная теория предполагает существование промежуточных поколений – «эхо поколений», которые являются гибридами, занимая промежуточное положение между двумя основными группами.

Центральным элементом данной теории выступают ценности поколений. При этом авторы предлагают четкие критерии для определения таковых. Во-первых, поколенческие ценности являются элементами системы ценностей человека наряду с общественными и индивидуальными ценностями. Во-вторых, период формирования ценностей поколений приходится на 12–14 лет и осуществляется под влиянием окружающих индивида политических, культурных, экономических событий, а также воспитания в семье. В-третьих, поколенческие ценности определяются как подсознательные и не имеют ярко выраженных форм внутри поколения. Влияние поколенческих ценностей на формирование личности, согласно мнению авторов, бесспорно.

В целом же современная российская и западная социологическая мысль характеризуется разнообразием подходов к пониманию поколений. В первую очередь, это обусловлено спецификой использования данного термина внутри отдельной дисциплины. Анализируя данные подходы, М. Б. Гловат характеризует их с различных позиций. С позиции этнографического подхода поколение рассматривается как «возрастная группа определенного этноса, члены которого объединены общими для них традициями и институциональными предписаниями». Согласно историко-культурологическому подходу поколение определяется как совокупность людей, объединенных участием в конкретных исторических событиях, обладающих общими духовно-нравственными идеалами и являющихся носителями определенного типа субкультуры. С позиции социально-демографического подхода поколение трактуется как «сосуществующие и воспроизводящиеся друг из друга возрастные группы» (дети, молодежь, взрослые, пожилые и долгожители).

С точки зрения социологического подхода поколение следует рассматривать как «социальную общность людей в определенных возрастных границах, для которых характерны схожие условия социализации и жизнедеятельности, а также ценностные ориентации»⁵.

В рамках рассматриваемой темы стандартное определение поколения не может нас устраивать, так как данная категория объединяет в себе этнографический, историко-культурологический, социально-демографический, социологический и другие подходы. Это наводит нас на мысль о том, что понятие «поколение» должно быть своего рода гибридным. Поэтому поколение – это социально-демографическая и культурно-историческая общность людей, сформировавшаяся под влиянием одних и тех же исторических событий и/или испытывающая их влияние в процессе формирования ценностных ориентиров и норм поведения; характеризующаяся некоторой «замкнутостью»⁶ исторического, культурного и личного опыта, но способная адаптироваться к внешним вызовам и изменениям, используя опыт предыдущих или последующих поколений.

Исходя из данного определения, можно говорить о сложно организованном пространстве взаимодействия внутри и вне отдельно взятых поколений.

Предлагаемые логические структуры и концепты поколенческого пространства описывают его сущность как многомерное образование. В научной литературе определения поколенческой составляющей пространства можно наблюдать достаточно редко. В случаях же, когда ученые об этом упоминали, аспект пространственности поколения не был самоцелью и являлся лишь побочным конструктом объяснения изучаемого процесса.

Например, П. Бурдьё разработал специальную категорию *habitus* – «универсальный посредник между социальным миром и практиками социальных агентов, которые определяют образ мыслей, представлений, полученных индивидами в процессе социализации, что позволяет им ориентироваться в социальном пространстве и адекватно реагировать на события и жизненные ситуации»⁷. Взаимоотношения пространства с категорией *habitus* определяются им следующим образом: «...габитус формирует место обитания (*habitat*) посредством более или менее адекватного социального употребления этого места обитания, которое он (*habitus*) побуждает из него делать»⁸.

Примером исторического подхода к изучению поколенческого пространства служат работы П. Нора, где он фокусирует внимание на понятии памяти как исторического опыта конкретных социальных групп. Поэтому память находится в постоянном процессе эволюции⁹. Характеризуя память, необходимо отметить, что она порождается той социальной группой, которую объединяет. Таким образом, множество памяти обусловлено количеством социальных групп. П. Нора приходит к

мысли о том, что поколение как социальная группа может характеризоваться как *место* памяти¹⁰.

Среди российских ученых, затрагивающих тему соотношения поколения и пространства, можно выделить социолога В. И. Ильина. Он представлял социальное пространство как прерывистое образование, распадающееся на социальные поля (главные единицы пространства), которые в результате сложных взаимодействий пересекаются и образуют новые типы полей. Поколение трактуется не как совокупность людей, а как определенный участок социального пространства, «помещенный в поток истории в определенном его месте». При этом В. И. Ильин обосновывает свою позицию тем, что поколение – это одно из немногих понятий в современной социологии, объединяющих социальное пространство и социальное время¹¹.

Анализ подходов изучения социального пространства позволяет говорить о двух позициях его понимания. С одной стороны, социальное пространство представляется в материалистическом ключе как «кусочек почвы», место или территория, наполняемая социальным смыслом ввиду взаимодействия индивидов. С другой стороны, социальное пространство – это абстракция, которая трактуется как множество совокупных полей разной напряженности и наполненности.

Поколение в социальном пространстве соотносимо с «классом для себя» и определяется как «совокупность агентов, занимающих сходную позицию и интерес для выработки сходной практики»¹².

В разных исторических условиях в определенный момент времени у представителей каждого отдельного поколения формируется собственная общность опыта. Именно на основании общности исторического опыта формируется характер взаимодействия как между представителями отдельно взятого поколения, так и между разными поколениями, что приводит к формированию множества полей разной напряженности и наполненности. Поскольку понятие поколения позволяет нам наблюдать специфику взаимосвязи между индивидами разных возрастных групп, то может рассматриваться не как субстанция, а как сегмент социального пространства.

Таким образом, складывается предпосылка для выделения из подпространственного ансамбля нового понятия – «поколенческое пространство». Оно определяется нами как составная часть социального пространства, основанная на представлении о поколениях как полях концентрации взаимодействий определенных поколенческих групп, формировавшихся или формирующихся под влиянием конкретных исторических событий (общественных условий) в определенные временные периоды и сосуществующих вместе.

Адаптация концепции социальной гибридации к поколенческому пространству более подробно представлена некоторыми авторами. Так, С. В. Соколов связывает формирование ги-

бридов с процессом социальной модернизации, представленной двумя векторами. Первый вектор модернизации – формационный, связан с обновлением формационной структуры общества в угоду его рационального функционирования, соответствует интересам правящей элиты. Второй вектор соответствует цивилизационной модернизации, подразумевающей совершенствование конкретной цивилизации путем конфликта старого и нового порядка.

Само понятие «социальная гибридизация» С. В. Соколов определяет как процесс скрещивания обществ разной формации, в результате чего формируются новые свойства, позволяющие обществу стать более устойчивыми к неблагоприятным условиям¹³. Граница процесса социальной гибридации ограничена «общественными организмами».

По мнению ученого, скрещивание имеет отличительные особенности в зависимости от контекста процесса (биологического, культурного, социального). Тем не менее, процесс скрещивания универсален и соответствует общим законам. Социальная гибридизация начинается со скрещивания идеологической информации, содержащей новое формационное устройство общества. При детальном рассмотрении гибридизация проявляется в заимствовании идей, социальных институтов, систем власти, общественного строя и т. д. В результате этого скрещивания формируются «мутанты», которые отличны от своих предшественников рядом характеристик.

Проводя параллель между живыми и общественными организмами, С. В. Соколов указывает на то, что лишь немногие гибриды адаптируются к окружающим условиям. Это связано с тем, что преобразовавшиеся организмы вынуждены адаптировать под себя окружающую среду. Примером таких преобразований, по мнению ученого, может являться советское общество, которое есть ни что иное как «пролетарско-социалистическая мутация царской России»¹⁴.

Другое понимание процесса гибридации можно наблюдать у Я. Н. Питерса. В отличие от ограниченности применения гибридации в границах «общественных организмов» у С. В. Соколова, Питерс предлагает более глубокую разработанность и широкое обоснование для применения данного понятия: под гибридами понимаются «пути, по которым формы отделяются от существующих практик и рекомбинируются с новыми формами в новых практиках», т. е. происходит реорганизация социального пространства. В пользу пространственного подхода к процессу гибридации выступают и показатели измерения, предложенные Я. Н. Питерсом. Во-первых, это показатель места, где может проходить гибридизация. К таковым относятся места «диалога» государственных интересов, транснациональных корпораций, зоны свободной торговли и прочее. Во-вторых, это показатель времени или, точнее,

смешения времени («mixedtimes»), который подразумевает сосуществование предсовременности, современности и постсовременности¹⁵.

В основе формирования гибридов лежит процесс слияния разнообразных форм. Многообразие комбинаций, гибридных мест, а также смешения времени предполагает множество форм гибридности. С целью их систематизации Я. Н. Питерс предлагает три типа гибридизации. Первый тип гибридизации – кросскатегориальный, где с учетом культуры, нации, страты и других категорий формируются новые типы гибридности. Второй тип связан с транскультурной конвергенцией (гибридизация европейской, азиатской, африканской и других культур), где выделяются локальные и транслокальные культуры. Третий тип соответствует переходу от территориальной культуры к транслокальной.

В контексте поколенческого пространства понятие «социальная гибридизация» предпочтительнее рассматривать с кросскатегориальной позиции Я. Н. Питерса, так как затрагиваются поколения, характеризующиеся определенными взаимосвязями между собой. Роль маркеров социальной гибридизации поколений в данном случае играют культурные ценности поколений и смешение времен.

Примечания

- ¹ См.: Карелин М. А., Калининкова М. В. Социальная гибридизация в контексте поколенческих субкультур // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 45–46.
- ² Дюркгейм Э. Курс социальной науки // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 191.
- ³ Mannheim K. The Problem of Generations // Mannheim

УДК 316.334.2 (470+571)

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО»

Ю. Э. Андропова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Andronova.91@inbox.ru

В статье рассмотрено содержательное наполнение понятий «предпринимательство», «социальное предпринимательство». Обозначены границы между понятиями «социальное предпринимательство», «благотворительность» и «социально ответственный бизнес».

Ключевые слова: социальное предпринимательство, благотворительность, социально ответственный бизнес.

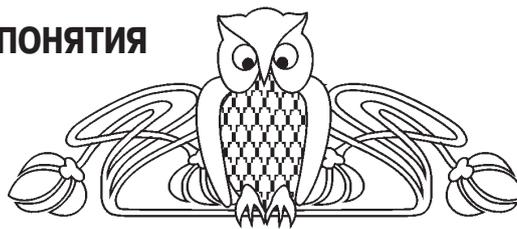
Structural and Substantive Analysis of the Concept of «Social Entrepreneurship»

Yu. E. Andronova

In the article deals with the content of the concepts such as «entrepreneurship», «social entrepreneurship». It marked the border between

im K. Essays on the Sociology of Knowledge / ed. by P. Kecskemeti. L.: Routledge & K. Paul, 1952. P. 292.

- ⁴ См.: Основы Теории Поколений // Проект «RuGeneration». URL: <http://rugenation.ru/основные-положения-теории-поколений/> (дата обращения: 10.12.2015).
- ⁵ Глотов М. Б. Поколение как социологическая категория // Социс. 2004. № 10. С. 43.
- ⁶ Имеется в виду, что опыт поколения сформировался в строгих исторических условиях (с учетом ментальности, ценности и норм, существовавших в обществе), и принятие этого опыта полностью другим поколением невозможно, так как он будет дополняться, видоизменяться или отрицаться в угоду настоящим условиям.
- ⁷ Аксёненко Ю. Н., Аникин Л. С., Дыльнов Г. В. Карманый социологический словарь / под ред. Г. В. Дыльнова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 41.
- ⁸ Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов // Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 2007. С. 59.
- ⁹ См.: Нора П. Франция – память. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 20.
- ¹⁰ См.: Нора П. Поколение как место памяти // Нов. лит. обозрение. 1998. № 3. С. 51.
- ¹¹ Ильин В. И. Теория социального неравенства (структуралистско-конструктивистская парадигма). М., 2000. С. 47.
- ¹² Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов. С. 17.
- ¹³ См.: Соколов С. В. Социальная философия: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 419. (Сер. «Gogito ergo sum».)
- ¹⁴ Там же. С. 420.
- ¹⁵ Pieterse J. N. Globalization as Hybridization // International Sociology. June 1994. Vol. 9, № 2. P. 49–51.

the concepts of «social entrepreneurship», «charity» and «socially responsible business».

Key words: social entrepreneurship, charity, socially responsible business.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-39-42

Предпринимательская деятельность является важнейшим элементом любой рыночной экономики, так как она обеспечивает укрепление рыночных отношений, основанных на демократии и частной собственности. Впервые понятие «предприниматель» появилось во Всеобщем словаре

коммерции, изданном в Париже в 1723 г., где под ним понимался человек, берущий на себя «обязательство по производству или строительству объекта»¹. Первым, кто попытался рассмотреть предпринимательство с научных позиций, был Р. Кантильон. По его мнению, предприниматель – это человек, действующий в условиях риска, в связи с тем, что торговцы, фермеры, ремесленники и прочие мелкие собственники покупают по определенной цене, а продают по неизвестной². Известные экономисты, основатели английской классической политэкономии А. Смит и Д. Рикардо также не могли обойти вопрос определения понятия «предпринимательство». В своем анализе экономической структуры общества они рассматривали предпринимателя как капиталиста, который ищет прибыльного использования своих средств. А. Смит особое внимание уделил проблемам этики предпринимательства. Он одним из первых отчетливо определил эгоистическую природу предпринимательства³.

С течением времени понятие «предпринимательство» дополнялось и трансформировалось. Так, в XX в. Й. Шумпетер описывал предпринимателей как инноваторов,двигающих «созидательно-разрушительный» процесс капитализма. По его словам, «функция предпринимателя – реформировать или революционизировать структуру производства». П. Друкер в своей концепции «предпринимательского общества» обратил внимание на то, что предпринимательство как инновационная активность, связанная с использованием имеющихся возможностей с максимальной выгодой, не ограничивается только сферой экономики, но может проявляться в самых разнообразных сферах социальной деятельности. Тема реализации социальной миссии в предпринимательстве появляется в работах П. Друкера. Он настаивает на том, что для предпринимательства не обязательна мотивация доходами⁴.

Переход к рыночной экономике повлек за собой неизбежную структурную трансформацию системы социально-экономических отношений, что отражается на динамике перераспределения приоритетов и ролей среди основных институтов общества. Из-за хронического недостатка денежных средств, особенно в условиях настоящего экономического кризиса, ограничены возможности государства в проведении активных социальных преобразований. Таким образом, чрезвычайно актуальной становится проблема поиска финансовых средств, в том числе дополнительных внебюджетных источников. Одним из таких общественных институтов, способных эффективно справиться с решением ряда общественных проблем, привлечь дополнительные финансовые ресурсы в отрасли социальной сферы, является социальное предпринимательство.

Феномен социального предпринимательства является весьма значимым в современном обществе. Г. Диз первым представил социальное пред-

принимательство как профессию и академическую научную дисциплину в конце 1990-х гг. Он убежден, что в современном обществе социальные проблемы необходимо решать «предпринимательскими» средствами⁵. Выделим три основные функции социального предпринимательства:

– выявление стабильного, но, по сути, несправедливого равновесия, которое приводит к исключению, маргинализации или страданиям группы людей, не имеющих достаточного количества финансовых средств или политической воли, чтобы добиться положительных изменений самостоятельно;

– выявление возможности в рамках этого несправедливого равновесия, выработка определения социальной ценности, использование таких личных качеств, как вдохновение, творческий подход, решительность, смелость и настойчивость, для того чтобы нарушить господство существующего положения дел;

– создание нового стабильного равновесия, которое позволяет раскрыть потенциал или облегчить страдания целевой группы и через создание аналогов и построение стабильной экосистемы, основанной на новом равновесии, обеспечить целевой аудитории и обществу в целом лучшее будущее.

Среди основных ключевых характеристик тех организаций, которые занимаются социальным предпринимательством, обычно называют: хорошую репутацию в местном сообществе, широкий круг партнеров на местном уровне из органов власти, бизнеса, СМИ; ориентированность на наиболее актуальные социальные темы; обеспеченность базовыми техническими и административными ресурсами, такими как помещение, штат постоянных сотрудников, офисная оргтехника; очевидный формальный признак: возможность заниматься предпринимательской деятельностью должна быть зафиксирована в уставных документах организации. Более того, характерным признаком таких предприятий часто является применение упрощенной системы налогообложения, что позволяет повысить доходность коммерческой деятельности.

По мнению Р. Мартин и С. Осберг, ключевым словом в понятии «социальное предпринимательство» является «предпринимательство», а «социальность» играет лишь модифицирующую роль. Главной отличительной чертой социального предпринимательства является то, что оно влечет за собой социальные преобразования в сфере здоровья, искусства, науки, образования⁶.

В ходе анализа понятий нами было определено, что социальное предпринимательство занимает промежуточное положение между сферами традиционного предпринимательства и благотворительности. Благотворительность – универсальная общечеловеческая ценность, один из важнейших атрибутов гражданского общества. Осуществлять благотворительность означает

«творить благо». Необходимым условием при этом является наличие частного ресурса, который составляет экономическую базу благотворительности. Таким ресурсом выступают деньги, материальные ценности или время, которое может быть потрачено на благое деяние. В очерке «Добрые люди Древней Руси» В. О. Ключевский так писал о благотворительности: «Благотворительность – вот слово с очень спорным значением и с очень простым смыслом. Его многие различно толкуют и все одинаково понимают»⁷. Со времен Ключевского так и не появилось единого определения понятия «благотворительность». А. Р. Соколов предлагает свое определение: «Благотворительность есть добровольная социальная деятельность, связанная с безвозмездной передачей материальных ценностей, в том числе и созданных трудом в процессе самой благотворительной деятельности, и направленная на достижение большего социального благополучия»⁸. «Благотворительность – проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помощь неимущему» – это определение, данное в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, подчеркивает, что, в первую очередь, благотворителем движут эмоции и этические соображения, а во-вторых, бедный вправе ожидать помощи со стороны богатого⁹.

На сегодняшний день в Федеральном законе «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» встречается следующее определение благотворительности. Это добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной помощи¹⁰. В социальном же плане благотворительность представляет собой помощь другим лицам за счет собственного благосостояния или свободного времени и при условии, что оказание этой помощи не наносит вреда другим лицам и осуществляется в рамках закона.

По мнению классиков теории предпринимательства Шумпетера и Друкера, есть определенные схожие черты в понятиях «предпринимательство» и «социальное предпринимательство». Так, ключевые свойства всякого предпринимательства – создание ценности; «творческое разрушение» как преобразующая деятельность, поиск изменений и использование возможностей¹¹. Все это в равной степени касается как предпринимательства, так и социального предпринимательства. Однако в ходе анализа отметим, что понятие «социальное предпринимательство» от традиционного предпринимательства все же отличается своими целями – направленностью на социальные изменения и разрешение социальных проблем; а от понятия «благотворительность» – коммерческим характером деятельности (цели достигаются не путем разовых финансовых вливаний, а посредством ор-

ганизации предпринимательской деятельности). В теории социальное предпринимательство призвано объединить в себе традиционную благотворительность и предпринимательство. На практике этого не достигается: социальный предприниматель, движимый благой целью, либо работает себе в убыток, либо переориентируется на доходность дела¹². Кроме того, понятие «социальное предпринимательство» часто смешивают с понятием «социально ответственный бизнес». К. Альтер определяет социально ответственный бизнес как прибыльные компании, преследующие своей деятельностью двойную цель – получение прибыли для своих акционеров и содействие более широкой социальной пользе¹³. Для социально ответственного бизнеса свойствен частичный отказ от прибыли в пользу общества. На сегодняшний день любое большое предприятие старается подчеркнуть свою социальную ответственность. Над этим работают целые штаты специалистов по связям с общественностью, но основной мотивацией в деятельности организации все равно остается прибыль.

Однако практика социального предпринимательства отличается от социально ответственного бизнеса, базируясь на иных целях и принципах, поэтому их смешение неправомерно. По мнению Е. В. Мачнева, чрезмерное расширение рамок понятия «социальное предпринимательство» несет в себе риск причисления к этой области многих предприятий, на самом деле имеющих к этой сфере лишь косвенное отношение¹⁴.

Следует отметить, что главной особенностью и отличием российской практики является то, что первостепенную важность имеет критерий реализуемости и устойчивости идеи социального предпринимательства на основе получения дохода от продажи результатов товаров и услуг. Гранты, благотворительные пожертвования могут рассматриваться только в качестве дополнительных финансовых ресурсов, так как, очевидно, из-за низкого уровня жизни значительной части населения страны социальное предпринимательство пока не получило в России широкого распространения. Также следует учитывать недостаточную развитость инфраструктуры поддержки социальных предприятий.

Итак, феномен социального предпринимательства выступает в качестве неотъемлемого атрибута рыночного хозяйства и является одной из важнейших составляющих современной экономики. Потенциал развития социального предпринимательства в России, безусловно, существует, однако для его реализации требуются специальные меры поддержки со стороны государства. Опыт социального предпринимательства в конкретных случаях предполагает, что решение социальных проблем на основе предпринимательства зачастую оказывается эффективнее, чем использование стандартных механизмов государства или некоммерческих организаций.

Примечания

- 1 Цит. по: *Хизрич Р., Питере М.* Предпринимательство, или Как завести собственное дело и добиться успеха : в 5 вып. Вып. 1. Предприниматель и Предпринимательство : пер. с англ. / общ. ред. В. С. Загашвили. М. : Прогресс, Универс, 1991. С. 50.
- 2 См.: *Дашков Л. П.* Предпринимательство и бизнес : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Информ. внедренческий центр «Маркетинг», 1996. С. 43.
- 3 См.: *Бугорский В. Н.* Основы бизнеса : учеб. пособие СПб. : СПбГИЭА, 2000. С. 121.
- 4 См.: *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия : пер. с англ. / предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М. : Экономика, 1995. С. 59.
- 5 См.: *Бусыгин А. В.* Предпринимательство М. : Дело, 2001. С. 89.
- 6 См.: *Баталина М., Московская А., Тарадина Л.* Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учетом возможностей его применения в современной России. М. : ГУ ВШЭ, 2007. С. 112.
- 7 Цит. по: *Игнатъева М. И.* Благотворительность как феномен общественной жизни : понятия и виды. URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5373 (дата обращения: 15.09.2015).
- 8 *Фирсов М. В.* Социальная благотворительность : реальность времени // Социс. 2012. № 11. С. 142.
- 9 Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб. : Брокгауз–Ефрон. 1890–1907. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения: 23.09.2015).
- 10 См.: О благотворительной деятельности и благотворительных организациях : федер. закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 05.05.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 11 См.: *Шумпетер Й.* Указ. соч. С. 116.
- 12 См.: *Климова С. В.* Благотворительность предпринимателей : традиции и новации в социальной практике // Вестн. СГСЭУ. 2015. № 3 (57). С. 125.
- 13 См.: Экономика предприятия : учебник для вузов / под ред. В. Я. Горфинкеля и др. 4-е изд., доп. и перераб. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 81.
- 14 См.: *Дорохова Е. И.* Направления развития коммерческой деятельности в розничной торговле. Белгород : Кооперативное образование, 2012. С. 216.

УДК 316.45

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЯХ ИНСТИТУТА СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

С. М. Павлова

Пензенский государственный университет
E-mail: smpavlova2013@gmail.com

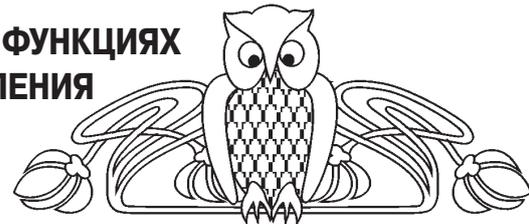
В статье с социологических позиций анализируется феномен студенческого самоуправления. Рассматриваются основные подходы к определению данного термина (студенческое самоуправление как самостоятельная деятельность студентов, как форма воспитательной работы, как форма молодежной политики и др.), их сильные и слабые стороны. Автор акцентирует внимание на значении студенческого самоуправления как фактора развития гражданского общества в современной России.

Ключевые слова: студенчество, студенческое самоуправление, студент, воспитательная работа, молодежная политика, самодетельность, гражданское общество, гражданская активность.

The Substance and Social Functions of the Student Self-governance Institution

S. M. Pavlova

This article analyses the phenomenon of student self-governance in terms of the sociological approach. The term «student self-governance» considers three approaches: student self-governance as the independent activity of students, student self-governance as the form of educational work, student self-governance as the youth policy, and also in this article refers to the strengths and weaknesses of these approaches. The author emphasizes the idea that the student self-governance is an important factor of civil society development in Russia.

Key words: studentship, student self-governance, student, educational work, youth policy, extracurricular activity, civil society, civic engagement.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-42-44

Уже более десяти лет развитие студенческого самоуправления обозначено как одно из стратегических направлений перехода к новой модели высшего образования. При этом до сих пор четко не обозначены миссия, цели, задачи и функции данного социального института. По-нашему мнению, это связано с тем, что сама студенческая активность анализируется, прежде всего, в рамках педагогической и частично социально-управленческой проблематики, при этом слабое внимание уделяется более «глобальным» социальным аспектам развития студенческого самоуправления в условиях модернизации российского общества. Данный тезис частично подтверждается уже при анализе дефиниций соответствующего понятия.

Анализируя разные информационные источники, можно встретить различные определения студенческого самоуправления.

1. Студенческое самоуправление – это целенаправленная деятельность студентов, которая

зарождается внутри студенчества и по его инициативе им же реализуется. В этом ракурсе студенческое самоуправление рассматривают очень часто в уставах, конвенциях, резолюциях, положениях и других документах¹.

2. Студенческое самоуправление – это форма воспитательной работы в вузе. В данном определении внимание акцентируется на формировании всесторонне развитой, творческой личности, на подготовке современных специалистов, конкурентоспособных на рынке труда. Россия вступила в Болонский процесс, и теперь обязательным условием аккредитации и аттестации вуза становится наличие системы воспитательной работы, в том числе органов студенческого самоуправления². Такое определение студенческого самоуправления, встречается, например, в статье Л. А. Пьянковой³.

3. Студенческое самоуправление – это одна из форм молодежной политики, проводимая в целях консолидации студенческого общественного движения, наиболее полного использования потенциала студенчества в социально-экономических преобразованиях общества, решения студенческих проблем.

4. В психологической литературе студенческое самоуправление рассматривается как специфический вид деятельности (Л. И. Новикова), метод формирования коллектива (В. М. Кротов), как принцип деятельности общественных организаций и как средство воспитания общественников (Н. М. Изосимов), как способ организации жизнедеятельности ученических коллективов (М. И. Рожков).

Ознакомившись со всеми определениями, следует расставить некоторые акценты. Совершенно ясно: главная проблема, которая встает при изучении студенческого самоуправления, – это проблема самостоятельности. Действительно ли эта самостоятельность имеет место или это видимость? Здесь сразу следует оговориться, что само понятие «студенческое самоуправление» было придумано не самими студентами, а «спущено сверху». Распространение данного понятия было обусловлено необходимостью заполнения идеологического вакуума в молодежной политике и общественной деятельности, образовавшегося после распада СССР и, как следствие, упразднения комсомола. Это подтверждается тем фактом, что все органы, связанные с молодежной политикой, сразу во всех документах и уставах стали употреблять это «трендовое» понятие.

Исходя из серьезного, «честного» понимания самого термина «самоуправление», студенческое самоуправление на практике должно характеризоваться наличием на начальной стадии «неформального» характера движения. Речь идет о неформальной (не антиправовой, а именно неформальной) активности, идущей от самого студенчества, активности, в ходе которой происходит выделение субъекта самоуправ-

ления, вызванное образованием в студенческой среде ниши для инициатив студентов или из-за создания соответствующих условий. Такая активность возможна в сфере решения актуальных проблем, обращающих на себя внимание большинства молодежи, но главное – это должна быть такая сфера, которая лучше всего просматривается именно «снизу», а не «сверху», т. е. не со стороны администрации или государственных органов в сфере образования или молодежной политики, а со стороны студентов. И тут всплывает проблема разграничения ответственности и полномочий.

К примеру, трактовка самоуправления как формы воспитательной работы неявно предполагает, что студенчество (включая его актив), рассматривается прежде всего как объект педагогического воздействия. Реальный же самоуправленческий подход предполагает, что некий субъект управления в сфере образования (органы власти или же официальные органы воспитательной работы в вузе) делегирует часть своих функций студенчеству. И здесь сразу возникает множество вопросов, например, способны ли данные органы добровольно реально отдать часть своих полномочий студентам, способны ли признать, что взгляд «снизу» окажется объективнее? Здесь, конечно, возникает и вопрос компетентности органов студенческого самоуправления. Тем не менее, описанный выше подход является, по сути, единственно адекватным, соответствующим самой идее самоуправления. Все остальные варианты предполагают как минимум наличие серьезных элементов имитации самостоятельности.

В комментариях нуждается и определение студенческого самоуправления как одной из форм молодежной политики. Известно, что молодежная политика – это деятельность органов государственной или региональной власти, органов местного самоуправления, физических лиц, юридических лиц, иных организаций, направленная на создание правовых, экономических, организационных и иных условий и гарантий для эффективного участия молодежи в управлении делами государства, самореализации молодых граждан, развития их объединений, движений и инициатив. С этой точки зрения формой молодежной политики может быть создание условий для развития студенческого самоуправления – в том случае, что оно не является простым исполнителем воли, целей и задач органов, занимающихся молодежной политикой. В противном случае студенчество и его активная часть опять окажется в положении «объекта управленческого воздействия».

Студенческое самоуправление стоит понимать как самостоятельную, независимую (автономную), инициативную и проводимую под свою ответственность специфическую управленческую деятельность студенчества по реше-

нию различных вопросов своей жизни: социальных, экономических, политически, культурных, а также в целях создания условий для самореализации студентов, включая также и представительные функции. Специфика данной деятельности в том, что и субъект, и объект управления – студенты, при этом субъект априори обладает управленческими характеристиками, выполняет все функции менеджмента (организация, координация, планирование, прогнозирование, контроль и мотивация). Данная деятельность предполагает наличие управляющих органов, норм регулирования деятельности, разграничение сферы влияния с органами воспитательной работы вуза или компетентных органов сферы образования и молодежной политики и т. д.

Кроме того, данное понятие следует рассматривать как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле студенческое самоуправление – это деятельность студенческой молодежи России по решению различных вопросов своей жизни, т. е. форма демократии в России. В узком смысле – это деятельность конкретных студентов конкретного высшего учебного заведения по решению различных вопросов своей жизни в университете, по созданию благоприятных условий для студентов вуза.

Принципиальным направлением в изменении смысла студенческого самоуправления должно стать то, что оно обязано приобрести социально-практический характер, обусловленный необходимостью сознательного ответственного отношения студентов к возможностям и перспективам своей деятельности⁴.

Студенческое самоуправление в России имеет различные формы: от общественного объединения студентов данного образовательного учреждения и профсоюзной организации студентов, выполняющей функции органа студенческой деятельности, до отделения муниципальной, региональной, межрегиональной или общероссийской общественной организации. Все перечисленные формы присутствуют в России, однако современный Федеральный закон «Об образовании» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (гл. 3, ст. 26) как основной нормативно-правовой акт, регламентирующий данную деятельность, зафиксировал в качестве организационных форм студенческого самоуправления только две: студенческие советы и профсоюзные организации⁵. Совершенно непонятно, по каким причинам были опущены остальные формы, такие как, например, общественные организации и ассоциации студентов, утвержденные приказом Минобрнауки России от 21 июня 2002 г. № 2328. Да и по поводу отнесения профсоюзной организации к органам студенческого самоуправления у ряда ученых и общественных деятелей накопилось немало вопросов⁶. И это еще одна проблема, которую необходимо решить, прежде всего, на федеральном и региональном уровнях.

Еще раз стоит отметить, что прямой целью студенческого самоуправления является самостоятельное управление вопросами своей жизнедеятельности, создание условий, способствующих решению проблем в различных областях студенческой жизни. Вместе с тем, решая данные вопросы, студенческая молодежь одновременно приобретает опыт самостоятельной деятельности, приобщается к реализации простейших форм гражданской активности, к формированию гражданских ценностей, избавляется от патерналистских установок, до сих пор характерных для российской культуры – в том числе и молодежной⁷. По нашему мнению, эта функция студенческого самоуправления является не менее важной, чем решение конкретных проблем студенчества и содействие формированию его профессиональной компетентности.

На студенческое самоуправление в современной России возлагается множество надежд как на институт, воспитывающий студенческую молодежь, создающий условия для ее самореализации. Вместе с тем на теоретическом уровне следует несколько переставить акценты при анализе данного явления: во-первых, необходимо отказаться от «объектного» (как управляемого извне) понимания студенческой активности; во-вторых, стоит уделить гораздо большее внимание «внешним» (выходящим за пределы института высшего образования) функциям данного социального института.

Примечания

- ¹ См.: Белова Е. А., Горячева С. В. Опыт студенческого самоуправления в педуниверситете // Высшее образование в России. 2011. № 7. С. 65.
- ² См.: Роголева Г. И. Студенческое самоуправление – характеристика воспитательного пространства вуза // Молодой ученый. 2011. № 10. Т. 2. С. 179.
- ³ См.: Пьянкова Л. А. Студенческое самоуправление как фактор адаптации к обучению в вузе // Ярослав. пед. вестн. 2013. № 4. Т. II. (Психолого-педагогические науки). С. 28.
- ⁴ См.: Шаламова Л. Ф. Органы студенческого самоуправления как субъект активизации социального потенциала студенчества // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 3. С. 154; Шафеева Н. Д. Студенческое самоуправление в воспитательном пространстве вуза // Вектор науки ТГУ. 2011. № 4 (18). С. 486.
- ⁵ См.: Об образовании : федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁶ См.: Сырцова Е. Л. Студенческое самоуправление как фактор развития автономности студентов. URL: http://www.rae.ru/snt/?section=content&op=show_article&article_id=2478 (дата обращения: 10.10.2015).
- ⁷ См.: Рожкова Л. В. Гражданские ценности современной студенческой молодежи в условиях социокультурной модернизации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 36.

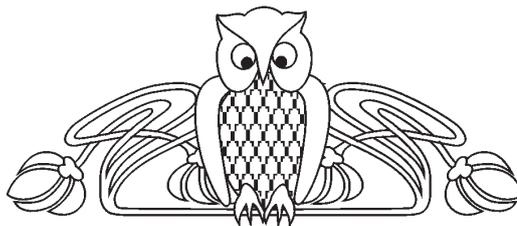

УДК [316.334.4+316.334.2] (470+571)

КОРРУПЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

М. А. Поплавский

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Poplavskymax@rambler.ru

Статья посвящена коррупции в современном обществе. В работе даются различные определения коррупции. Автор рассматривает коррупцию как социальное явление, которое имеет явно выраженные системные качества.

Ключевые слова: Россия, коррупция, население, чиновники, социальное явление, взятки.

Corruption as a Social Phenomenon

М. А. Poplavskiy

The article is devoted to corruption in modern society. In the work given different definitions of corruption. The author considers corruption as a social phenomenon that has a clearly expressed system of the quality.

Key words: Russia, corruption, population, officials, social phenomenon, bribes.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-45-47

Термин «коррупция» происходит от латинского слова «corruptio», что можно перевести как «нарушать, ломать».

Определение этого социального явления есть в различных документах, принятых мировым сообществом. Так, в документах ООН, посвященных международной борьбе с коррупцией, дается определение этого явления как «злоупотребления государственной властью для получения выгоды в личных целях»¹.

В документах Междисциплинарной группы Совета Европы по коррупции дается более глубокое определение социального явления: «Коррупция представляет собой взятничество и любое другое поведение лиц, которым поручено выполнение определенных обязанностей в государственном или частном секторе, и которое ведет к нарушению обязанностей, возложенных на них по статусу государственного должностного лица, частного сотрудника, независимого агента или иного рода отношений, и имеет целью получение любых незаконных выгод для себя и других»². Но наиболее соответствующим современной ситуации можно считать определение коррупции, используемое в практике деятельности органов Европейского союза, где «коррупция – это использование государственными, муниципальными или иными публичными должностными лицами и служащими (например депутатами) либо должностными лицами и служащими коммерческих или иных организаций (в том числе международ-

ных) своего статуса для незаконного получения денег или каких-то преимуществ (имущества, прав на него, услуг или льгот, в том числе немущественного характера) либо предоставление последним таких преимуществ»³.

Определение коррупции дается в Федеральном законе Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Там записано: «Коррупция:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»⁴.

По-разному трактуют определение коррупции российские исследователи.

Например, ряд исследователей трактует коррупцию, прежде всего, с экономической точки зрения. Так, С. С. Сулашкин считает, что коррупция – это действие уполномоченного лица, приносящее ему незаконный доход и подменяющее интересы общественного блага более узким групповым интересом⁵. Таким образом, в данном определении заложены все типы коррупционеров, начиная от чиновников и заканчивая коррупционерами в сфере предпринимательства, которые своими действиями наносят ущерб государству в виде ухода от налогов в сфере бизнеса, во главу угла ставится урон государству в виде ухода от налогов, который трудно выявить, не говоря уже о стимулировании налогообложения. О. С. Новикова указывает, что «коррупция – это отношения особой зависимости между субъектами политической, хозяйственной и иной деятельности, которая предполагает оказание разного рода услуг за разнообразное официально не предусмотренное вознаграждение»⁶. Данный автор в своих работах поднимает вопрос о выявлении круга общения коррупционера-служащего с потенциальными взяткодателями. С. В. Загравский выделяет часто употребляемое определение коррупции, которое подразумевает под собой «использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и нормам морали»⁷.

Группа авторов выделяет свое определение, где «коррупция – любое противоправное действие (бездействие) уполномоченного лица, приносящее ему незаконный доход и подменяющее интересы общественного блага более узким групповым интересом»⁸. По мнению В. Л. Римского, «с юридической точки зрения в настоящий период коррупция чаще всего трактуется как преступная деятельность в сфере политики или государственного управления, заключающаяся в использовании должностными лицами»⁹. А. Г. Чернышев считает, что «коррупцию необходимо рассматривать как систему отношений, пронизывающую структуры государства и общества»¹⁰. А. И. Долгова считает, что «подкуп-продажность – этот тот признак, который отличает коррупцию, коррупционные преступления от многих должностных преступлений и хищений путем присвоения, растраты, причем коррупция характеризуется практически двусторонней сделкой – корруптера и коррупционера (коррумпируемого субъекта), в свою очередь корруптер подкупает коррупционера, а тот за соответствующую мзду совершает угодные корруптеру действия»¹¹. При этом злоупотребления своими полномочиями чиновниками, а иногда их превышение, хищения не являются коррупцией, поскольку могут реализовываться лицом в одиночку. По мнению Долгова, коррупцию необходимо делить на акт, метод, практику. «Коррупция, как акты – это коррупционные преступления и другие коррупционные правонарушения, заключающиеся в активном и пассивном подкупах в их разных вариантах <...>, коррупция как метод – это использование подкупа-продажности при совершении различных деяний, <...> коррупция как практика – это организованная коррупционная преступная деятельность, обеспечивающая использование метода коррупции при достижении различных целей»¹².

На наш взгляд, коррупцию следует рассматривать как социальное явление, при этом она включает не одно преступление, а сумму, равную трем и более преступлений или правонарушений, совершенных должностным лицом для получения личной выгоды, выгоды группы лиц, либо других личных интересов. Данная позиция обусловлена возможной недостаточной компетенцией того или иного служащего, что позволяет уберечь его от различных соблазнов и «одного проступка по малодушию», защитить и обеспечить государственных, муниципальных служащих, лиц, замещающих государственные должности, от различных провокаций со стороны третьих лиц.

Группа авторов также трактует коррупцию как социальное явление: «...коррупция – это социально-негативное явление, охватывающее широкий круг общественных отношений и заключающееся, с одной стороны, в злоупотреблении властью лицами, обладающими распорядительными функциями, и, с другой – в попытках получить те или иные блага незаконным методом,

таким образом, коррупция – это злоупотребление общественным доверием для личной выгоды»¹³. Некоторые исследователи соглашались с трактовкой коррупции как социального явления, но в то же время определяют его дополнительно еще как преступление. По мнению И. И. Кондрашина, «под коррупцией в широком смысле следует понимать социальное явление, вызванное некорректным поведением должностных лиц (в том числе высших), которое происходит под влиянием их искаженного сознания, вследствие чего они осознанно совершают преступления, заключающиеся в умышленном использовании своего служебного положения в целях личного (семейного) обогащения, часто в ущерб общественным и/или национальным (государственным) интересам»¹⁴. Тот же автор указывает, что коррупция «является преступлением, заключающимся в использовании должностным лицом прав, связанных с его должностью, в целях личного обогащения»¹⁵.

Рассмотрим характерные черты коррупции как явления, которые, на наш взгляд, имеют следующие характеристики:

- тайна принятия решений, секретность исполнения решений;
- осознанное действие в угоду личным интересам;
- обоснование своих действий путем применения административных либо юридических норм для сокрытия своих незаконных действий;
- присутствие определенных обязательств между чиновником и лицом, «заказавшим» то или иное решение, или лицом, которое по долгу службы может повлиять на чиновника, принимающего такое решение;
- выполнение двойственных государственных и частных функций.

Наша страна в силу своих географических масштабов имеет свою региональную коррупцию, которая зависит от национальных, религиозных, этнических традиций, что, в свою очередь, влияет на ее проявления. На наш взгляд, существует проблема в определении подкупа, продажности или злоупотребления, поскольку, к примеру, в некоторых странах в силу описанных выше факторов, влияющих на общество, не считается фактом коррупции небольшой подарок чиновнику на день рождения, так как подарок является обычной общепринятой традицией, выражением своего уважения к чиновнику. В других же странах, наоборот, факт подарка будет выглядеть как подкуп, с одной стороны, так и нарушение закона, с другой.

Зачастую коррупция выступает в роли средства решения политических вопросов той или иной преступной группы, которая посредством продажности пользуясь ситуацией, контролирует принимаемые решения власти, получает сверхдоходы, определенную безнаказанность или сохранность своего имущества и его приумножение. Как справедливо указывает А. И. Долгова,

«в случае коррумпированности государственных служащих, а тем более масштабной, граждане государства фактически утрачивают свой государственный аппарат, он служит в этом случае не налогоплательщикам, а интересам тех, кто его “перекупил”»¹⁶. Данные действия, как правило, причиняют огромный урон как жителям, так и иностранным гражданам, что, в свою очередь, влияет на государственную систему власти и может привести к утрате государственной независимости, суверенитета страны. Таким образом, коррупция – это явление, которое способно разрушить страну, оно является одной из основных угроз государственной безопасности. С. В. Заграевский указывает, что «коррупция в политических партиях, профессиональных союзах и других общественных организациях может нанести не только материальный ущерб, но и поставить под угрозу выполнение уставных целей и задач»¹⁷.

Таким образом, коррупция является прежде всего социальным явлением, которое формируется условиями жизни человека в обществе. Она негативно сказывается как на внешнем имидже и инвестиционном рейтинге нашей страны, так и на внутренней политике и жизни общества. Список отрицательных последствий коррупции огромен, что делает жизненно необходимым для страны борьбу с данным явлением. Структуры коррупции отчасти компенсируют изъяны существующей нормативно-правовой базы, поэтому их изучение позволит определить направления совершенствования этой системы.

Примечания

¹ Цит. по.: Фомина Т. А., Чураков М. В., Устина Н. А., Карлина А. А., Абрамов С. В., Губина А. Н. Противодействие коррупции в муниципалитете. Самара, 2006. С. 14.

² Там же.

³ Там же.

⁴ О противодействии коррупции : федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Рос. газ. 2008. 30 дек.

⁵ См.: Сулакишин С. С. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России : материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 6 июня 2007 г.). М., 2007. С. 16.

⁶ Новикова О. С. Особенности позиционирования политической элиты в условиях формирования антикоррупционной политики в Российской Федерации // Там же. С. 138.

⁷ Заграевский С. В. О возможных способах борьбы с коррупцией в России. URL: <http://www.zagraevsky.com> (дата обращения: 12.11.2015).

⁸ Сулакишин С. С., Максимов С. В., Ахметзянова И. Р. [и др.]. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России : в 2 т. Т. 2. М., 2009. С. 9.

⁹ Римский В. Л. Системность российской коррупции и возможности противодействия ей // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. С. 181.

¹⁰ Чернышов А. Г. Коррупция во власти и обществе как системное явление // Там же. С. 46.

¹¹ Долгова А. И. Коррупция в России и направления борьбы с ней // Там же. С. 115.

¹² Там же. С. 118.

¹³ Фомина Т. А., Чураков М. В., Устина Н. А., Карлина А. А., Абрамов С. В., Губина А. Н. Указ. соч. С. 14.

¹⁴ Кондрашин И. И. Коррупция как дефект гражданского сознания // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. С. 245.

¹⁵ Там же. С. 242.

¹⁶ Долгова А. И. Указ. соч. С. 121.

¹⁷ Заграевский С. В. Указ. соч.

УДК 316.334.55

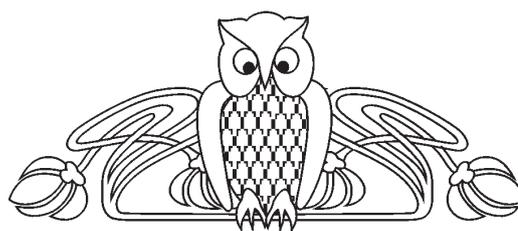
ДИНАМИКА ХОЗЯЙСТВЕННЫХ УКЛАДОВ В РОССИЙСКОМ СЕЛЕ

М. М. Краснов

Университет имени Гумбольдта, Берлин, Германия
E-mail: krasnovm@hu-berlin.de

В статье выделяются основные хозяйственные уклады российской деревни – корпоративный, семейный и фермерский, анализируется их совместная динамика. Выявляются тенденции трансформации корпоративного и фермерского укладов. Состояние семейного уклада рассматривается как характеристика уровня жизни сельского населения.

Ключевые слова: хозяйственный уклад, многоукладность, сельскохозяйственные предприятия, фермерские хозяйства, личные подсобные хозяйства, товарность, потребление.

Dynamics of Economic Formats in the Russian Countryside

M. M. Krasnov

The paper highlights the main economic formats of the Russian countryside – corporate, family and farm, and analyzes their joint dynamics. The paper also identifies the trends in the transformation of the corporate and farm formats. The situation with the family format is seen as a characteristic of the living standard of the rural population.
Key words: economic format, multiformity, agricultural enterprises, independent farms, personal subsistence farms, marketability, consumption.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-47-52

Понятие «хозяйственный уклад» используется для определения экономической основы общества, характеристики доминирующих в нем способов производства и форм хозяйствования.

Для села всегда было характерно сочетание двух и более хозяйственных укладов¹. В советский послевоенный период доминировали два хозяйственных уклада – коллективный, представленный колхозами и совхозами, и частный, семейный, представленный личными подсобными хозяйствами (ЛПХ). При этом последний многими исследователями считался более прогрессивным, так как с ним связывали проявление хозяйственной инициативы сельских жителей и возможности роста эффективности в аграрной отрасли экономики.

Оба уклада были тесно связаны между собой, что выражалось в периодически поощряемом властью хозяйственным взаимодействием. Крупному специализированному сельскохозяйственному производству было экономически целесообразно передавать в личные подсобные хозяйства осуществление некоторых фаз производственного процесса при обеспечении их ресурсами и использовании специфических преимуществ семейного хозяйства (возможность применения труда членов семьи, использования свободного времени и др.).

Эффективность семейного уклада в аграрной экономике при любых экономических условиях существенно зависит от типа хозяйства. Наименее эффективны многоотраслевые хозяйства натурального типа, слабо связанные с крупным производством и с рынком; наиболее эффективны хозяйства, ориентированные на рынок. Однако в условиях распределительной экономики и существовавших запретов и ограничений на предпринимательскую деятельность рост семейных приусадебных хозяйств, их превращение в товарные был невозможен. Преобладал подход, согласно которому ЛПХ – уступка «крестьянской вольнице», которая с течением времени, по мере развития общественного производства в колхозах и совхозах, должна отмереть. В то же время отношение к семейному укладу в советский период было неоднозначным – периоды ограничений сменялись периодами поддержки. Например, Постановление ЦК КПСС «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах» от 8 января 1980 г. демонстрирует вполне рациональный подход, продиктованный экономической выгодой и стремлением к повышению уровня жизни сельского населения. В нем говорится о стимулировании товарного производства в ЛПХ и усилении его взаимосвязей с колхозами и совхозами.

Аграрная реформа привела к появлению многоукладной сельской экономики, основанной на разных способах хозяйствования и разном образе жизни. Произошла трансформация суще-

ствующих форм хозяйствования – коллективной и приусадебной, сформировался крестьянско-фермерский сектор. В современной деревне сочетаются три основных хозяйственных уклада – корпоративный, выросший из коллективного, семейный, выросший из ЛПХ, и фермерский.

Трансформация бывшего коллективного уклада происходила болезненно. Большинство колхозов и совхозов акционировались: согласно Указу Президента РФ № 213 от 02.03.1992 г., их земля и имущество были поделены между действующими работниками, пенсионерами и занятыми в социальной сфере села, которые стали формальными владельцами новых акционированных сельхозпредприятий. В реальности имущественные доли практически никто не получил, но в то же время появление земельных долей имело очень серьезные и во многом ожидаемые последствия для аграрного строя деревни: постепенно сформировался рынок сельскохозяйственных земель и появились крестьянско-фермерские хозяйства (КФХ). Несмотря на запрет купли-продажи земель сельскохозяйственного назначения, действовавший вплоть до середины 2000-х гг. и затруднявший переход земли от собственника к собственнику, движение земли осуществлялось в форме аренды. Большинство владельцев земельных долей, получив право ими распоряжаться, передавали землю тому арендатору, чьи условия по арендной плате были лучшими. Арендная плата, как правило, выплачивалась в натуральной форме – в условиях Саратовской области это была оговоренная часть урожая зерновых и некоторые услуги по ведению личного подсобного хозяйства. Как показал анализ ситуации в Энгельском районе, с течением времени условия аренды становились все менее выгодными для собственников земельных долей, что привело к лавинообразному росту брошенной земли (так называемых не востребуемых долей), когда собственники или их наследники уезжали или просто исчезали из поля зрения, не предприняв необходимых юридических действий по ее переоформлению. Так, в большинстве сельхозпредприятий Энгельского района договоры аренды от 1997 г. предполагали выплаты в размере некоторой суммы, эквивалентной 7–10% урожая. В перезаключенных в 1999–2000 гг. договорах фактическая стоимостная оценка арендной платы (с учетом инфляции и изменившихся цен) привела к уменьшению арендной платы в 1,5–2 раза. К 2009 г. доля не востребуемых долей в районе составила 12,5% (по данным Энгельского районного комитета по земле и землеустройству).

Очевидно, земля, переданная в аренду сельхозпредприятию или фермерскому хозяйству, не приносит ее владельцу сколько-нибудь заметной выгоды. Без самостоятельного хозяйствования на ней в форме КФХ земля сельскохозяйственного назначения превращается в почти бесполезную собственность. Натуроплата, получаемая

за ее аренду, играла определенную роль в формировании ресурсной базы личного подсобного хозяйства в середине 1990-х гг., обеспечивая содержание в ЛПХ одной условной головы КРС, но уже к началу 2000-х гг. ее роль упала до символической.

Акционирование колхозов и совхозов имело большое значение для формирования земельного рынка и создания фермерского сектора, но оно не привело к успешной адаптации сельхозпредприятий к рыночным условиям: в 1997–1998 гг. лишь каждое пятое из них работало с прибылью (с 1999 г. и вплоть до середины 2000-х гг. – лишь каждое второе), объемы производства в них год от года снижались². Одновременно с этим происходило обновление рабочих коллективов на фоне общего сокращения численности занятых, и довольно быстро «корпоративные» предприятия, работники которых одновременно являлись и их собственниками, становились «обычными», использующими главным образом наемный труд. Все большую роль в сельском хозяйстве стали играть агрохолдинги – сверхкрупные многопрофильные «капиталистические» предприятия, каждое из которых контролирует сотни тысяч гектаров земли во многих регионах страны.

Собственники земли перестали оказывать сколько-нибудь заметное влияние на деятельность сельхозпредприятий, довольно быстро произошло естественное разделение труда и капитала, и мы лишь по традиции называем современные сельхозпредприятия коллективным сектором аграрной экономики, а хозяйственный уклад, который они представляют – корпоративным.

Первые крестьянско-фермерские хозяйства стали появляться на муниципальных землях еще до акционирования колхозов и совхозов. Но становление фермерского сектора пришлось на 1992–1995 гг., когда сформировался и оформился специфический фермерский хозяйственный уклад. Для него характерны ведение хозяйства усилиями одной семьи или нескольких семей, товарная или товарно-потребительская направленность производства.

Вопреки первоначальным ожиданиям, фермеры не смогли ни заменить собой колхозы и совхозы, ни даже составить им заметную конкуренцию. Однако фермерский хозяйственный уклад, в отличие от корпоративного и индивидуального, развивался поступательно в течение всего времени своего существования. Хотя общее количество фермерских хозяйств, достигнув пика в 280 тыс. в 1995 г., впоследствии снизилось до 250 тыс., но при этом произошло увеличение в них размеров землепользования, объема производства и численности занятых. Постепенно в фермерском секторе стали доминировать крупные КФХ, основанные на наемном труде, в которых семья-владелец аккумулировала ресурсы большого количества

более мелких, неэффективно работавших КФХ. Фермерский уклад трансформировался: его традиционная семейная основа размылась, но одновременно с этим усилилась его товарная, рыночная направленность. В настоящее время общая численность занятых в КФХ оценивается в 553,5 тыс. человек, что составляет не менее 20% от численности занятых в сельхозпредприятиях корпоративного уклада³.

Пожалуй, семейный хозяйственный уклад является наиболее стабильным, сохранившим свои базовые черты – семейный способ ведения хозяйства и потребительско-товарную направленность производства. Его отличие от фермерского уклада – семейный характер, использование труда всех членов семьи, неформальное – юридически никак не оформляемое – хозяйствование, ориентация не на прибыль, а на потребление и получение дополнительного дохода. Считается, что именно потребительско-товарный характер, низкая товарность являются главными отличительными чертами ЛПХ и семейного хозяйственного уклада от КФХ и фермерского хозяйственного уклада⁴.

По сравнению с советским периодом наиболее существенно изменилась организация ЛПХ: если раньше в его обеспечении производственных ресурсов первостепенную роль играли колхозы и совхозы, о чем говорилось выше, то к настоящему времени кооперация между двумя хозяйственными укладами постепенно сошла на нет. Для современного крупного сельскохозяйственного производства поддержка мелких приусадебных хозяйств экономически невыгодна и нехарактерна. В 1995–2012 гг. доля зерна, используемого сельхозпредприятиями для натуроплаты, снизилась с 29 до 6,7%, доля молодняка – с 18,9 до символических 2,2%⁵. Кроме того, значительно уменьшилась и численность людей, работающих в сельхозпредприятиях, которые теоретически могли бы рассчитывать на содействие со стороны последних в поддержке своих ЛПХ. В настоящее время основным источником ресурсообеспечения приусадебного производства является рынок: корма и необходимые услуги по ведению ЛПХ покупаются у частных лиц по сложившимся рыночным ценам.

В то же время не подтвердились предположения, согласно которым, лишившись поддержки крупного производства, приусадебные хозяйства окажутся экономически несостоятельными, и семейный хозяйственный уклад, если не исчезнет совсем, то перестанет быть заметным фактором сельской действительности. Однако большинство ЛПХ приспособились к новым условиям существования и доказали свою социально-экономическую эффективность, заняв определенную, и весьма значительную, нишу в сельскохозяйственном производстве и в обеспечении качества жизни сельского населения (рис. 1).

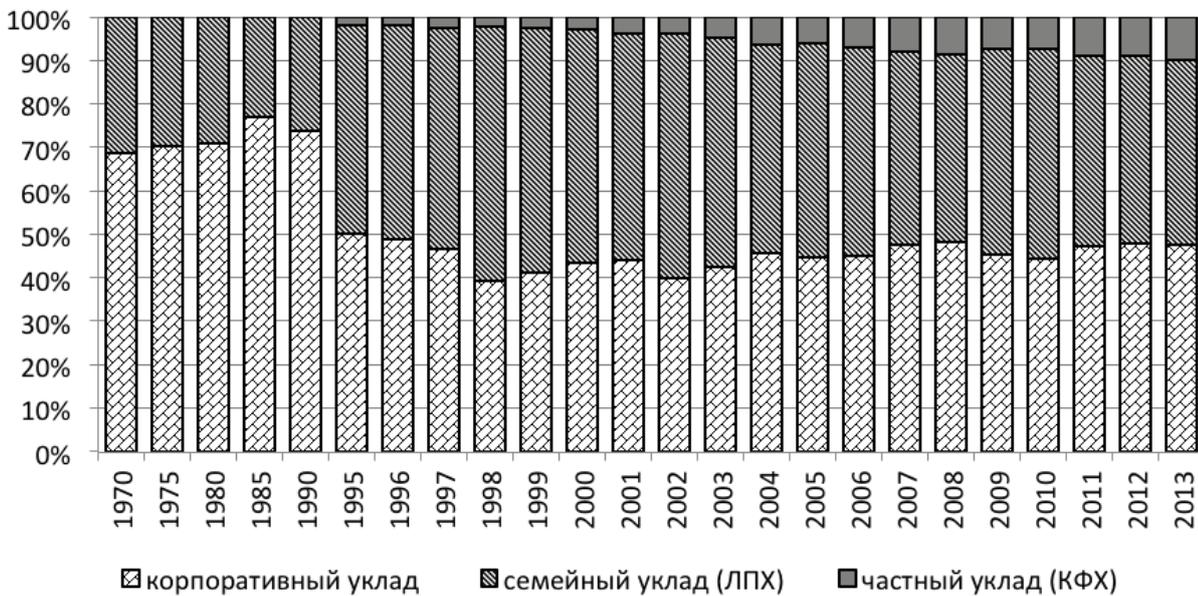

Рис. 1. Соотношение хозяйственных укладов в общем объеме сельскохозяйственного производства, выраженного в стоимостной форме, 1970–2013 гг. (Сост. по: Российский статистический ежегодник. Раздел «Сельское и лесное хозяйство»: стат. сб. / Росстат. М., 2003, 2010, 2014).

Как видно на рис. 1, роль семейного уклада в сельскохозяйственном производстве была достаточно высокой даже в период 1970–1980-х гг., хотя и имела стойкую тенденцию к снижению. Во второй половине 1990-х гг. удельный вес семейного уклада и, соответственно, значимость в сельхозпроизводстве резко возросли, достигнув пика в 58,6% в 1998 г. Фактически в период системных реформ сельхозпроизводство в стране поддерживалось, в первую очередь, благодаря семейному укладу, что подтверждает его более высокую гибкость и живучесть по сравнению с остальными укладами. Приусадебные хозяйства взяли на себя не только производство такой традиционной для них продукции, как овощи, картофель и фрукты, но и продукции животноводства – мяса, молока, молокопродуктов, яиц, что сохраняет большую важность для аграрной отрасли до настоящего времени.

Только с начала 2000-х гг. корпоративный уклад стал выходить из кризиса и постепенно отвоевывал свою нишу в сельхозпроизводстве, конкурируя с растущим фермерским укладом. Рис. 1 отражает сложное сочетание основных хозяйственных укладов в российской деревне и их постоянную неоднозначную динамику.

Наряду с ресурсообеспечением приусадебного производства, еще одной его важнейшей проблемой является организация сбыта. Именно трудности сбыта ограничивают рост товарности приусадебных хозяйств, подтверждая тем самым их преимущественно потребительский статус. Включение естественных рыночных ограничений в виде дорогостоящих ресурсов и сложностей сбыта явилось одной из основных причин того, что ЛПХ не сыграли, вопреки ожиданиям, почти

никакой роли в становлении фермерского хозяйственного уклада: практически все фермерские хозяйства в стране образовались в результате усилий предприимчивых людей, а не выросли из ЛПХ.

Чтобы определить место современного семейного хозяйственного уклада не только в аграрной экономике, но и в жизнедеятельности сельской семьи, оценим роль ЛПХ в ее потреблении и формировании доходов.

Имеющаяся статистика бюджетных обследований Росстата представляет следующую динамику потребления продовольствия сельским населением (рис. 2).

В количественном выражении в структуре потребления продовольствия в сельской местности за период с 2006 по 2013 гг. произошли следующие изменения: возросло потребление овощей, молока, молокопродуктов, яиц (на 6–12%), мяса и рыбы (на 1/3), фруктов и ягод (на 64%); сократилось потребление хлеба (на 13%), картофеля (на 23%), сахара (на 6%).

При этом наблюдалась четкая нисходящая динамика роли натуральных поступлений в обеспечении потребления всех основных продуктов питания, традиционно производимых в ЛПХ – картофеля (с 86% в 2006 г. до 76% в 2013 г.), овощей (с 66 до 53%), яиц (с 47 до 37%), мяса, молока и фруктов (с 1/3 до 1/5). Изменения в объемах и физической структуре потребления свидетельствуют о том, что растущее потребление стало все больше обеспечиваться за счет покупок. Действительно, их удельный вес в общей стоимости затрат сельской семьи на продовольствие в 2006–2013 гг. непрерывно увеличивался – с 66,8 до 76,0%, постепенно приближаясь к городскому

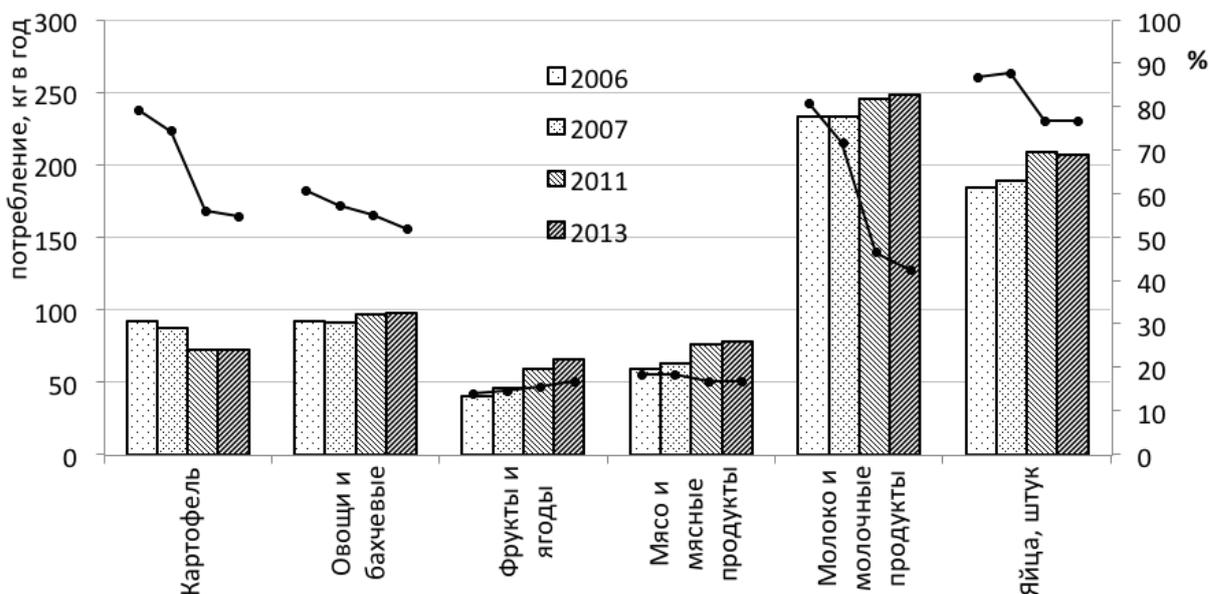

Рис. 2. Потребление основных продуктов питания (столбиковые диаграммы, по основной оси) и удельный вес в соответствующем объеме потребления натуральных поступлений (линейные диаграммы, по вспомогательной оси), 2006–2013 гг. (Сост. по: Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) : стат. бюлл. / Федер. служба гос. статистики. М., 2008, 2013, 2014)

уровню в 93%, практически не меняющемуся с середины 2000-х гг.

На смену стратегии выживания, характерной для начала 1990-х гг., когда уровень самообеспечения сельских семей продовольствием достигал 70–90% (а не 24%, как сегодня), пришла стратегия развития. Ее важнейшей чертой является снижение значимости ЛПХ в обеспечении потребления при общем росте последнего, достигаемом благодаря замещению самостоятельно производимой продукции купленной продукцией. В то же время, несмотря на снижение как абсолютных, так и стоимостных показателей, роль семейного хозяйственного уклада в самообеспечении продовольствием еще достаточно высока, и достижения им городского уровня в обозримом будущем не предвидится.

Можно говорить о том, что в периоды кризисов заметно возрастает роль семейного хозяйственного уклада как в экономике, так и в частной жизни. Сельские семьи стремятся к максимально возможному уровню самообеспечения, к минимизации расходов. По мере преодоления кризиса расширяются внешние связи сельских семей, показателем чего является снижение роли ЛПХ в их жизнедеятельности. В современной экономике семейный уклад постепенно утрачивает хозяйственную сторону, превращаясь в «обычный» уклад жизни, в котором на первый план выходят такие его составные части, как быт и досуг⁶.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что хозяйственная многоукладность, свойственная селу, повышает его социальную и экономическую стабильность. Благодаря взаимодействию

основных укладов, к числу которых относятся корпоративный, семейный и фермерский, и соответствующих им форм хозяйствования – сельхозпредприятий, фермерских хозяйств и ЛПХ, формируются механизмы обеспечения баланса социально-экономических компонентов трансформации современной деревни. Достижение баланса – стабильных показателей социально-экономического развития села – в условиях как поступательного развития, так и кризисов или реформ происходит за счет оптимизации хозяйственно-укладной структуры, которая естественным образом вырабатывается в результате сочетания рыночной конкуренции и сотрудничества укладов.

Модернизация общества не ведет к доминированию в деревне единственного хозяйственного уклада, как в городе, и вытеснению остальных на периферию или их маргинализацию. Равноправное существование хозяйственных укладов и их рациональное взаимодействие играет позитивную роль в обеспечении устойчивого развития сельских территорий и в поддержании уровня жизни сельского населения.

Примечания

- 1 См.: Калугина З. И. Вектор посткризисного развития российской деревни // Регион : экономика и социология. 2010. № 3. С. 115–135.
- 2 См.: Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2004 : стат. сб. / Росстат. М., 2004. С. 32 ; Российский статистический ежегодник. 2003 : стат. сб. / Росстат. М., 2004. С. 400.

- ³ Итоги сельскохозяйственной переписи 2006 г. см.: Российский статистический ежегодник. 2008 : стат. сб. / Росстат. М., 2009. С. 466.
- ⁴ См.: Нечиторенко О. В. Трансформация хозяйственных укладов в сельском социуме : модели и стратегии развития // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Философия. 2011. Т. 9, № 4. С. 78–86.
- ⁵ См.: Сельское хозяйство в России. 2002 : стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. С. 103 ; Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2013 : стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 109.
- ⁶ См.: Шабанов В. Л. Уровень и уклад жизни сельского населения : оценка трансформации на основе анализа структуры потребления // Вопр. статистики. 2012. № 7. С. 72–77.

УДК 316.344

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБРАЗЕ ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЖЕНЩИН, ПРОЖИВАЮЩИХ СОЛО

О. А. Трофимова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: trofimova2006@mail.ru

В противовес традиционным представлениям об одиночестве и уединенном, замкнутом проживании некоторой части женщин третьего возраста показано их положительное сольное проживание с выполнением всех традиционных и новых социальных ролей.

Ключевые слова: одиночество, сольное проживание, пожилые люди, семья, качественная методология.

New Trends of Lifestyle of an Elderly Woman Living Solo

O. A. Trofimova

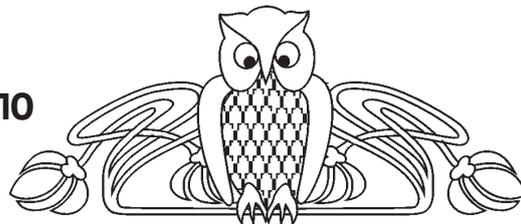
In contrast to traditional notions about solitude and privacy, living confined some of the women of the third age, shows their positive solo living, with all traditional and new social roles.

Keywords: lonely, solo living, elderly, family, qualitative methodology.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-52-54

В последнее десятилетие проблемы одиночества пожилых граждан в научном дискурсе рассматривались только как отрицательное следствие процесса старения населения и увеличивающейся тенденции продолжительности жизни. Важной составляющей проблемы изучения сольного проживания в пожилом возрасте является огромный крен в женскую сторону, что связано с большей продолжительностью жизни женщин по сравнению с мужчинами и, как результат, ростом количества одиноких пожилых женщин, переживших своих мужей. Потеря супруга и проживание в отдалении от собственных детей и внуков, вне зоны полезности и нужности рассматривались как единственный сценарий жизни в третьем и четвертом возрастах. Появление данного рода явления инициирует поиск адекватной его оценки, исследования его причин и последствий, а также целесообразных мер взаимодействия данной категории граждан с родственниками, коллегами, соседями, социальными службами.

Эмпирическая база представлена результатами авторского качественного исследования,

проведенного в 2015 г. в г. Саратове (глубинное интервью N = 20). Количество респондентов обусловлено насыщением кодировочных категорий (интервью с новыми респондентами не дают исследователям нового понимания для раскрытия темы). В качестве респондентов выступали женщины пенсионного возраста, проживающие отдельно (56–80 лет). Идентифицируемые нами причины и варианты социальной практики пожилого человека, проживающего сольно, по результатам исследования, содержательно раскрываются в следующих нескольких направлениях.

1. Жизненные обстоятельства

Результаты исследования свидетельствуют о том, что большинство респондентов не стояли перед дилеммой сознательного выбора в пользу отдельного или сольного проживания. Семейные ценности традиционны и по-прежнему разделяются большинством общества. Они рекомендуют «старикам» проживать либо с детьми, приглядывая за внуками, либо на их попечении. Наши респонденты также придерживаются отмеченных стереотипных взглядов, но для большинства раздельное проживание состоялось лишь по вынужденным причинам, среди которых – недостаточные для совместного проживания размеры жилплощади, переезд детей или родителей в другой город, ссора между членами семьи, смерть одного из супругов: «...кто умер кто еще что, вот свекровь умерла, и дети все выросли и все разъехались и я осталась с мужем, а потом муж умер и все я и одна» (Женщина, 62 года). Несмотря на вынужденное сольное проживание, многие респонденты вполне довольны своим сегодняшним статусом, отмечая следующие его положительные моменты: свобода бытовой жизнедеятельности (не стесняешь себя и других), достаток жилой площади, самостоятельное планирование досуга. Среди минусов респонденты подчеркивали отсутствие быстрой помощи,

скуку в зимнее время, замкнутое пространство «...Много плюсов, вот когда я хочу тогда и встать, а они там с детьми могут до 11 лежать и значит я должна тоже лежать и как бы их не разбудить. Ну, скучновато конечно» (Женщина, 80 лет). В целом же можно констатировать, что большинство респондентов вполне удовлетворены своей сольной жизненной траекторией, пусть даже первоначально и вынужденной. Среди граждан, самостоятельно выбравших образ сольного проживания, наблюдается уверенность в правильности сделанного выбора.

2. Материальное благополучие

Результаты нашего исследования позволяют констатировать, что фактор материального благополучия традиционно присутствует во взаимосвязи между материальным достатком и собственным благополучием: «...я в свои 64 года привыкла, что я одна <...> и денег хватает, а чем дальше, тем потребности меньше» (Женщина, 64 года); «...у меня пенсия 6500 рублей и я заслуженный работник культуры и мне <...> 13 рублей к пенсии прибавили» (Женщина, 62 года). Отталкиваясь от результатов интервьюирования по признакам материальной удовлетворенности, можно выделить три категории женщин третьего возраста, проживающих соло. При этом необходимо подчеркнуть, что материальная обеспеченность/необеспеченность трактуется респондентами субъективно, т. е. при одинаковом размере дохода личные оценки удовлетворенности разнятся: 1) материально обеспеченные с положительной оценкой собственного статуса; 2) материально не обеспеченные с положительной оценкой собственного статуса; 3) материально не обеспеченные с отрицательной оценкой собственного статуса. Выделенные категории свидетельствуют о гетерогенности исследуемой категории пожилых граждан и о расширении ее спектра в настоящее время. Тем не менее, третья категория граждан в меньшей степени может быть отнесена к новой современной тенденции среди пожилых граждан, выбирающих сольное проживание. Представители данной категории обладают всеми признаками по-настоящему одиноких граждан со всем комплексом имеющихся у них проблем.

3. Хорошее здоровье и профессиональная деятельность

Вопросы здоровья и профессиональной деятельности в третьем возрасте являются одними из приоритетных – небольшая пенсия и общее хорошее самочувствие некоторых респондентов позволило им продлить профессиональную деятельность и на пенсионный период, при этом они вполне идентифицируют себя со своим хро-

нологическим возрастом. Сольное проживание оценивается ими как положительное, а трудовой коллектив не позволяет замкнуться в себе: «...наличие работы смягчает одиночество. Поэтому человек общаясь с кем-то на работе и решая какие-то проблемы уже не замыкается в себе» (Женщина, 64 года). Другая часть опрошенных оказалась вне официальной трудовой деятельности, но находит себя в неформальной, например, активно занимаясь проблемами жилищно-коммунального устройства собственного многоквартирного дома: «...я могла бы быть еще полезной, я человек активный, вот я не пройду мимо какой-нибудь мелочи, вот с окон кухни видно баки, вот они в нормальном состоянии? <...>, и я уже 2 год бьюсь чтобы их привели в порядок» (Женщина, 62 года). Наши респонденты в целом вполне довольны собственным здоровьем и деятельностью, некоторые из них продлевают ее систематическим выполнением роли бабушек, даже проживая в удалении от внуков. Таким образом, с их слов, им удалось остаться в рамках общественных стереотипов и влиться в современную тенденцию самостоятельной и самодостаточной старости.

4. Контакты с родственниками, друзьями

Некоторые наши респонденты отмечали, что их сольное проживание является вынужденным, ставшее следствием семейного конфликта, как супружеского, так и межпоколенного. Тем не менее, наше исследование показало обратную тенденцию – соло проживающие женщины, напротив, находятся в тесном контакте с родственниками, друзьями, бывшими коллегами и соседями: «...мои еще живые друзья очень часто ходят, еще друзья моего сына, и еще мои родственники, которые входят в наш дом, и ходят все праздники все дни рождения и горькие даты» (Женщина, 64 года). Также наши респонденты сохранили близкие отношения с бывшими супругами, если таковые имеются. Ими отмечается, что если ранее (во время совместного проживания) контакты с родными были обыденностью, то теперь они к ним специально готовятся и в некотором роде наслаждаются, отдаваясь им полностью на время встреч: «...меня навещают и дети и внуки и вон, племянники приходят. Они звонят и я готовлюсь к приходу, у нас, прям, как праздник это – застолье, чаепитие» (Женщина, 70 лет). В общем, респонденты отмечают, что после некоторого периода отдельного, сольного проживания наблюдается качественный скачок во взаимоотношениях как с членами семьи, родственниками, так и с друзьями.

Таким образом, подводя итоги исследования, можно сделать определенные выводы.

1. Жизнедеятельность пожилого человека в статусе сольного проживания является вполне положительной, несмотря на первоначально

вынужденную причину приобретения данного состояния. Среди граждан, самостоятельно выбравших образ одиночного проживания, наблюдается уверенность в правильности сделанного выбора.

2. Можно выделить три категории граждан, проживающих в одиночном статусе в третьем возрасте: одна – материально обеспеченные с положительной оценкой собственного статуса и две – материально не обеспеченные с положительной или отрицательной оценками собственного статуса. Последняя категория граждан не может быть отнесена к новой современной тенденции среди пожилых граждан, выбирающих одиночное проживание.

3. Хорошее здоровье, профессиональная деятельность и активность позволяют представителям третьего возраста, проживающим в одиночном статусе, оставаться в рамках общественных стереотипов и влиться в современную тенденцию самостоятельной и самостоятельной старости.

4. При сохранности хороших отношений с родными и близкими отдельное проживание позволяет гражданам третьего возраста эффективнее реализовывать роли отца/матери, бабушки/дедушки по отношению к детям и внукам, а также совершить качественный скачок в развитии дальнейших взаимоотношений как с другими членами семьи, родственниками, так и с друзьями.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.17

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

А. А. Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены особенности этноконфессиональных отношений в постсоветской России на региональном уровне. На примере Саратовской области проанализированы динамика этноконфессиональной структуры населения, ключевые причины возникновения конфликтов в данной сфере, основные направления их политического регулирования и предупреждения.
Ключевые слова: этноконфессиональные отношения, национальная политика, этноконфессиональные конфликты, толерантность, политика гармонизации этноконфессиональных отношений.

Political Aspects of the Regional Level Ethnic and Confessional Relations' Harmonization

A. A. Vilkov

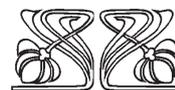
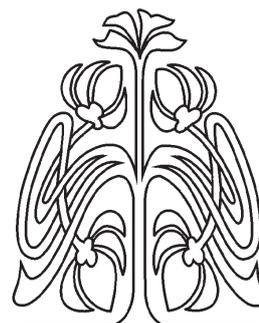
The article is about peculiarities of the regional level ethnic and confessional relations in post-Soviet Russia. Dynamic of the ethnic and confessional structure of the population, key origins of conflicts in this area, main directions of their political management and preventing are analyzed as exemplified by Saratov region.

Key words: ethnic and confessional relations, national politics, ethnic and confessional conflicts, tolerance, policy of ethnic and confessional relations' harmonization.

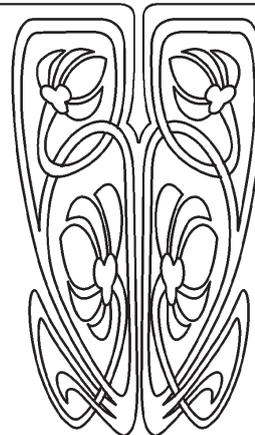
DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-55-62

Проблема гармонизации этноконфессиональных отношений является одной из самых сложных и актуальных не только для России, но и для всего мира. Повсеместные конфликты на данной почве в самых различных странах дают наглядное основание для такого утверждения и свидетельствуют о том, что эта проблема нуждается в многомерной системе координат для системного анализа и решения. Важнейшее значение имеют, прежде всего, политико-правовые нормы и принципы, определяющие направленность и характер функционирования различных механизмов гармонизации этноконфессиональных отношений, под которой мы понимаем конструктивные и бесконфликтные взаимодействия различных этнических групп в рамках единого государства.

Для России проблема этноконфессиональных отношений занимает приоритетное место в силу специфической истории возникновения и развития Российского государства. Особую актуальность данная проблематика приобрела в период перестройки, закончившейся разрушением СССР и крупными военными столкновениями на постсоветском пространстве, в том числе и на территории Российской Федерации. Но и через 25 лет после начала демократических преобразований в России данная проблема остается одной из самых злободневных и конфликтогенных. В условиях масштабной миграции представителей различных этнических групп на территории всей России проблема этноконфессиональных отношений и этнонационализма выходит за рамки национальных республик и является повсеместной,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

характерной для большинства субъектов Российской Федерации.

Этноконфессиональные отношения в современной России представляют собой сложнейшую мозаичную структуру. С одной стороны, они вписаны в исторический контекст длительного совместного проживания народов Российской империи в рамках единого государства. С другой стороны, миграционные процессы и соответствующие изменения структуры этноконфессиональных отношений представляют собой отражение радикальных политических и социально-экономических изменений на территории бывших советских союзных и автономных республик. Они определяют направленность внутренней и внешней миграции в современной России и существенно влияют на постоянное изменение этноконфессиональной структуры конкретных российских регионов.

Кроме того, динамика данной структуры тесно связана с демографической ситуацией в России, с неравномерностью уровня рождаемости и распределения трудоспособного населения, с высоким уровнем безработицы в одних регионах и, напротив, экономической потребностью многих регионов в рабочей силе. В результате современные миграционные процессы накладываются на и без того сложнейшую этноконфессиональную структуру российского общества, усиливают имеющиеся зоны напряженности и порождают новые очаги конфликтных отношений.

Сущность политической составляющей данной проблемы сводится к простому по форме, но очень сложно реализуемому вопросу: как обеспечить комфортное существование и сохранение культуры и традиций представителей различных народов в рамках единого государства, независимо от их места проживания. Модели решения данной проблемы предлагались самые различные – от предоставления права на самоопределение и создание самостоятельного государства до права на культурно-национальную автономию.

Современное федеративное устройство Российского государства, основанное на асимметричности составляющих его субъектов и предоставлении некоторым российским народам своих национальных республик, не снимает проблемы сохранения культуры и традиций российских народов в целом. Обусловлено это тем, что на территории всех субъектов Российской Федерации (в том числе и национальных республик) проживают не только представители титульных этнических групп, но и многих других народов. В большинстве субъектов Федерации, носящих этническое название, титульные народы не составляют большинства населения. За пределами своих республик проживают 67% мордвы, 64% татар, 48% марийцев, 46% чувашей, 39% бурят и т. д. В Еврейской автономной области проживает лишь 2,3 тыс. евреев. В Ханты-Мансийском

автономном округе ханты и манси составляют 2% от общей численности населения¹.

Одним из инструментов решения данной проблемы выступают национально культурные автономии (НКА), позволяющие в качестве институтов гражданского общества реализовывать не только культурные потребности различных этнических групп, но и ряд социально-политических функций.

Политический посыл для их создания был дан еще в рамках советской системы, когда представители СССР 29 июня 1990 г. подписали Документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ. Документ закреплял основные демократические принципы, разделяемые странами-участницами совещания, в том числе подчеркивалось, что «лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право свободно выражать, сохранять и развивать свою этническую культурную, языковую или религиозную самобытность и поддерживать и развивать свою культуру во всех ее аспектах, не подвергаясь каким-либо попыткам ассимиляции вопреки своей воле»². Документом определялось, что они имеют право: «...(32.1) – свободно пользоваться своим родным языком в личной и общественной жизни; (32.2) – создавать и поддерживать свои собственные образовательные, культурные и религиозные учреждения, организации или ассоциации, которые могут искать добровольную финансовую и другую помощь, а также государственную поддержку в соответствии с национальным законодательством»³. В соответствии с этими обязательствами идея НКА в 1990-е гг. начала обретать правовое оформление в рамках законодательства о культурной и национальной политике. В этот период Российская Федерация присоединилась к ряду международно-правовых актов в данной области, в частности к Рамочной конвенции Совета Европы 1995 г. «О правах национальных меньшинств». В связи с тем, что в тексте Рамочной конвенции отсутствовало определение национальных меньшинств, эту задачу каждая страна-участница должна была решить самостоятельно, исходя из собственных условий⁴.

Нормативно-правовые параметры создания НКА и основные направления их деятельности в Российской Федерации были определены принятием Федерального закона от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии Российской Федерации»⁵. В результате НКА стала одной из нормативно закреплённых моделей решения этноконфессиональных проблем в рамках экстерриториальных общественных объединений в Российской Федерации.

Рассмотрим особенности этноконфессиональных отношений на примере Саратовской области, которая представляет собой определенный срез Российской Федерации по своей этни-

ческой структуре. В Саратовской области представлены 134 этнические группы (по переписи 1989 г., их было 111), каждая из которых имеет свои традиции и обычаи, культурные особенности, специфику хозяйственной деятельности и образа жизни, особую социально-профессиональную структуру.

Среди причин усложнения этнического состава области можно назвать не только последствия миграционных процессов (например, если в 1979 г. азербайджанцы составляли 0,1% населения региона, то в 2010 г. – уже 0,6% (седьмое место по численности населения), но и процессы реидентификации представителей редких этнических групп, либо имеющих свои подвиды (например, мордва-эрзя и мордва-мокша, мари́йцы нагорные и луговые).

Согласно итогам переписи 2010 г., в десятку крупнейших по численности национальностей⁶ области входят: русские – 87,6%; казахи – 3,1%; татары – 2,2%; украинцы – 1,7%; армяне – 1,0%; азербайджанцы – 0,6%; чувашаи – 0,5%; мордва – 0,4%; белорусы – 0,3%; немцы – 0,3%⁷. Примечательно, что из 2,5 млн жителей 64 878 предпочли не указывать национальность. По 0,2% составляют чеченцы (5738 чел.), лезгины (5245) и корейцы (4206 чел.). По 0,1% отметились башкиры (3489 чел.), цыгане (3350), молдаване (3037), мари́йцы (2927), узбеки (2909), курды (2851), евреи (2250), грузины (1898), таджики (1686), аварцы (1581), езиды (1352), удмурты (1343 чел.). Кроме того, еще есть табасараны (1234 чел.) и даргинцы (825 чел.). Другие

национальности, не перечисленные выше, указали 11 090 чел. (0,5%)⁸.

Есть в регионе и этнические группы, численность которых за последние десятилетия существенно сократилась. Например, немцы, занимавшие прежде восьмое место по численности, теперь занимают десятую позицию. По данным переписи, в Саратовской области проживают 7579 российских немцев, хотя еще десять лет назад их было более 12 тысяч. Их численность значительно уменьшилась в связи с массовой эмиграцией в Германию. Уменьшилось также количество украинцев (переместились с третьей позиции на четвертую), мордвы (с шестой позиции на восьмую).

Изменения в этническом составе области (так же как и страны в целом) обусловлены многими причинами, среди которых наиболее значимыми являются различия в уровнях рождаемости и смертности разных народов и усиление роли внутренней⁹ и внешней миграции¹⁰. По данным Росстата, общие итоги миграции населения по Саратовской области за 2014 г. составили 77 852 прибывших и 74 918 выбывших (миграционный прирост составил за год 2934 чел.). Однако нужно учитывать, что данная статистика не отражает того факта, что преобладает выезд из области представителей старожильческого населения, а въезжает новопоселенческое (таблица). Это также существенно влияет на эволюцию этноконфессиональной структуры населения области и, соответственно, на появление определенных проблемных и конфликтогенных зон.

Общие итоги миграции населения по Саратовской области за 2014 г.¹¹

	Прибывшие	Выбывшие	Миграционный прирост, убыль (-)
Миграция – всего	77 852	74 918	2934
из нее:			
в пределах России,	67 918	72 286	-4368
в том числе:			
внутриобластная	43 691	43 691	0
межрегиональная	24 227	28 595	-4368
международная	9934	2632	7302
в том числе:			
со странами СНГ	9511	2293	7218
Азербайджан	1026	292	734
Армения	1404	445	959
Белоруссия	91	42	49
Казахстан	2379	539	1840
Киргизия	441	41	400
Молдавия	333	81	252
Таджикистан	548	145	403
Туркмения	82	35	47
Узбекистан	1960	485	1475
Украина	1247	188	1059
с другими зарубежными странами	423	339	84

Такая фрагментированная этноконфессиональная структура предопределила стимулирование процессов институционализации социально-политического представительства интересов различных этнических групп в Саратовской области. Не все эти процессы проходили гладко, так как серьезную опасность представляли и продолжают представлять определенные националистические настроения и конфликтные ситуации, периодически возникающие на почве межэтнических отношений. После распада СССР особую роль играл вопрос об автохтонности той или иной этнической группы, претендующей на то, чтобы позиционировать себя как коренное население Саратовской области, издавна проживающее на данной территории.

Одним из самых острых событий периода перестройки была борьба вокруг восстановления Республики немцев Поволжья (РНП). Идея, с одной стороны, была поддержана многими демократическими движениями, но с другой, встретила сильное сопротивление, в которое было втянуто и местное население.

Сама постановка вопроса была сформулирована в период перестройки и гласности в связи с необходимостью реабилитации репрессированных народов. Российские немцы, проживающие в Казахстане и Сибири, надеялись на то, что в той или иной форме будет решен вопрос о восстановлении территориальной автономии. В конце 1980-х гг. уже стали очевидными националистические настроения в Казахстане и разрешение ситуации виделось в двух альтернативных вариантах: либо возвращение в восстановленную РНП, либо возвращение на историческую родину, в Германию. Для координации деятельности по восстановлению РНП в марте 1989 г. было создано Всесоюзное общественно-политическое и культурно-просветительное общество «советских» немцев «Возрождение» («Wiedergeburt») во главе с Г. Гроутом. Своей главной общественно-политической целью лидеры движения (Г. Гроут, Г. Вормсбахер, В. Дизендорф, Ю. Гаар и др.) заявили борьбу за полную реабилитацию российских немцев с восстановлением национально-территориальной автономии на Волге в прежних границах¹².

Логика рассуждений противников возрождения РНП была примерно следующей: возвращение немцев из Казахстана мы принимаем, но не хотим, чтобы на территории Саратовской области возникла еще одна автономия¹³ как конфликтная зона, подобная тем, которые уже проявили себя во многих автономиях СССР и на территории РСФСР¹⁴. В большинстве бывших районов РНП местное население выходило на массовые митинги протеста против воссоздания республики. Закончилась борьба тем, что начиная с 1992 г. идея восстановления немецкой государственности на Волге стала отходить на задний план. А реализовывать стали идею куль-

турно-национальной автономии. И после принятия Закона «О культурно-национальной автономии» в 1996 г. основной вектор политической борьбы был направлен на реализацию именно этого проекта.

С одной стороны, представительство интересов этнических меньшинств отвечало общепризнанным нормам и принципам международного права, но с другой, не снимало полностью имеющихся противоречий в российских регионах. Значительная часть российских немцев, проживающих в Казахстане и других регионах, выехали на постоянное место жительства в Германию, а не в Саратовскую область. Обусловлено это тем, что в условиях радикальных реформ, постоянной нестабильности политического развития, неопределенности своего будущего в Российской Федерации многие российские немцы ориентировались на программу возвращения в благополучную ФРГ, для реализации которой немецкое правительство выделило серьезные финансовые ресурсы.

Тем не менее, в настоящее время в Саратовской области действуют региональная и местная немецкие национально-культурные автономии. Для представительства интересов других этнических групп были созданы также региональная и местная татарские национально-культурные автономии, Саратовская городская еврейская НКА, региональная Саратовская областная чувашская национально-культурная автономия «Ентеш», региональная башкирская национально-культурная автономия Саратовской области «Саратау тобэге башкорт ларынын региональ миллимэдэни мохтерияте», Курдская национально-культурная автономия Саратовской области, региональная национально-культурная автономия «Белорусское землячество Поволжья», общественная организация «Саратовская местная казахская НКА», местные и региональная национально-культурные автономии казахов и азербайджанцев¹⁵.

Кроме того, большая часть крупных этнических групп имеет собственные национальные общественные организации, главная цель которых – в более полной мере выражать потребности и запросы представляемых ими народов в сохранении национальной культуры, родного языка, традиций и самобытности, способствовать активному вовлечению этнических групп в социокультурное пространство региона. Эти вопросы успешно решались в областных целевых программах, реализованных в разные годы¹⁶, проведением конкурса проектов в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, направленных на обеспечение условий для удовлетворения социальных, этнокультурных потребностей народов, проживающих на территории области, сохранение и развитие родных языков и культур и гармонизацию отношений между народами¹⁷.

Одним из направлений деятельности по профилактике экстремизма и ксенофобии на региональном уровне стало заключение «Единой Россией» соглашения о взаимодействии и сотрудничестве с национально-культурными общественными объединениями Саратовской области¹⁸. Оно позволило координировать работу в данной сфере органов государственной власти области, органов местного самоуправления, национально-культурных и религиозных объединений, других заинтересованных институтов гражданского общества, а также экспертного сообщества.

Особое внимание уделяется работе по воспитанию толерантности у школьников. Одним из примеров является проведение в 2015 г. областной научно-практической конференции школьников «Народы Поволжья: история, образования, культуры», которая «активизирует интерес школьников к национальной культуре, воспитывает толерантность, уважение представителей разных национальностей друг к другу»¹⁹.

Значительную роль в сохранении и развитии родного (нерусского) языка в области играют общеобразовательные учреждения с национальным компонентом. Преподавание на татарском языке ведется в школах городов Саратова, Пугачева, Базарно-Карабулакского, Дергачевского, Ершовского, Балаковского, Петровского районов. Башкирский язык преподается в школах Пугачевского муниципального района, казахский – в Александрово-Гайском муниципальном районе, чувашский – в Базарно-Карабулакском муниципальном районе²⁰.

Еще одна зона перманентных конфликтных ситуаций в сфере этноконфессиональных отношений была обусловлена специфическим характером становления рыночных отношений в постсоветской России. Многие этнические группы, которые переселялись в Саратовскую область в постсоветский период, организовывали на новом месте свои собственные экономические структуры. При этом они часто вступали в союз с криминальными группами (например, торговля наркотиками, паленой водкой, контроль за ситуацией и т. д.).

Естественно, что установление криминальных порядков в наиболее прибыльных сферах не вызывало восторга у автохтонного местного населения, независимо от его этнической принадлежности (русские, татары, мордва, чуваш и др.), и приводило к накоплению массового недовольства. Периодически оно выплескивалось в достаточно открытое противостояние, поводом для которого мог стать любой инцидент между представителями коренного и пришлого населения. Политический потенциал данных конфликтных проявлений был очень велик. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что на выборах в Государственную думу в декабре 1993 г. в одном из четырех округов по Саратовской об-

ласти победу одержали не местные кандидаты, а Н. Лысенко, прибывший из С.-Петербурга с националистическими лозунгами «Долой кавказскую мафию из России».

На данной почве достаточно широкое распространение получали ксенофобия и бытовой национализм. В качестве повода для обострения отношений и социальных конфликтов могли быть самые обычные ситуации, которые в нормальных условиях не вызвали бы никакой серьезной реакции. Например, конфликт молодых парней из-за одной девушки или бытовой конфликт на какой-либо другой почве. Но если одним из участников является представитель тех компактных этнических групп, которые всегда консолидированно защищают «своего», то возникает межэтнический конфликт и дело доходит не только до массовых драк, но нередко и до убийства (чаще всего представителей местного автохтонного населения). После этого начинается социальный взрыв против новопоселенцев. Примером тому стал конфликт в Красноармейске в 2007 г., в который была вовлечена значительная часть населения райцентра. Естественно, что в этом случае конфликт приобретает политическую окраску. Поэтому дело было взято на контроль не только областными органами МВД, но и прокуратурой. С учетом печального опыта Кондопоги, местные власти оперативно отреагировали и при поддержке национально-культурных объединений сумели реализовать посредническую миссию, погасив этот конфликт достаточно быстро и без серьезных последствий²¹.

Еще более масштабный конфликт, получивший общероссийский резонанс во многом благодаря броским журналистским штампам «пугачевский бунт», произошел в июле 2013 г. в г. Пугачеве Саратовской области, когда состоялись массовые протестные акции после убийства местного двадцатилетнего десантника приезжими из Чечни. Жители потребовали массового выселения всех чеченцев и заявили о том, что они не доверяют местным органам власти и органам МВД. В результате для урегулирования ситуации была задействована бригада сотрудников генеральной прокуратуры РФ, которая пришла к выводу, что благодатной почвой для конфликта стали «социальные, экономические и бытовые проблемы горожан»²². Первый замгенпрокурора А. Буксман добавил, что к конфликту привели также невнимание властей к интересам молодежи и подростков, неисполнение обязанностей должностными лицами местной власти и правоохранительных органов, несправедливость и коррупция. «При этом пугачевская межрайонная прокуратура и прокуратура Саратовской области вовремя не увидели проблему, не вмешались, не отреагировали на нарушение законности»²³.

12–13 сентября 2013 г. саратовские и федеральные СМИ вновь запестрели заголовками о массовой драке местных националистов с «кав-

казцами»²⁴. УВД оперативно опровергло данное сообщение, заявив, что сотрудники полиции доставили в отдел семерых молодых людей, которые были опрошены и отпущены, но, тем не менее, «полицейским также стало известно, что с указанного места в одну из больниц города был госпитализирован молодой человек с травмами головы»²⁵. Фактически приведенное разъяснение оставило место для многих вопросов и домыслов для рядовых саратовцев, хорошо умеющих читать между строк официальной информации.

На наш взгляд, Российское государство и общество в целом должны не только последовательно проводить воспитательную работу с населением, но и осуществлять жесткую борьбу со всеми проявлениями национализма и экстремизма на основе совершенствования правовой базы и правоприменительной практики. Для реализации данной задачи Федеральное агентство по делам национальностей создало программу, позволяющую увидеть абсолютное большинство межнациональных конфликтов в России и оперативно реагировать на них²⁶. Вместе с тем важно учитывать и другой момент. Зачастую у коренных жителей российских регионов создается впечатление, что даже либерально ориентированные российские политики и журналисты до сих пор находятся под воздействием идейного наследия В. И. Ленина о двух видах национализма и необходимости вести беспощадную борьбу с национализмом «большой нации». Отголоски данной методологической установки, на наш взгляд, имеют место в содержании ряда публикаций²⁷ и в реальной политической практике. Например, в преддверии выборов в Государственную думу 2016 г. руководитель Федерального агентства по делам национальностей И. Баринов, выступая на межрегиональном форуме Общероссийского народного фронта (ОНФ), открывшемся в Ставрополе 24 января 2016 г., заявил, что его ведомство призывает все «политические силы, которые в сентябре примут участие в выборах в Госдуму, заключить межпартийные соглашения о запрете эксплуатировать в ходе избирательной кампании тему межнациональных отношений»²⁸. Казалось бы, совершенно справедливое требование наложить «табу для всех», но в качестве негативного примера заместителем руководителя Федерального агентства по делам национальностей М. Ипатовым приведена лишь кампания ЛДПР 2003 г. «Мы за бедных, мы за русских» и 2011 г. «Россия и для русских тоже»²⁹.

Думается, что проблема межэтнических конфликтов не сводится к усилению национализма «большой нации» в отношении этнических меньшинств и требует объективного и непредвзятого анализа всей совокупности причин обострения межэтнических отношений. А они гораздо сложнее и включают в том числе особенности различных моделей социального поведе-

ния представителей этнических меньшинств в инокультурном окружении.

Например, в литературе практически отсутствует анализ негативной роли «земляческого», «кланово-этнического» начала в определенных сферах социально-экономических отношений современной России, хотя именно этот фактор выступает базовой причиной повышения конфликтности на бытовом уровне, аккумулируясь впоследствии и на политическом уровне. Представляется, что толерантные отношения в полиэтничном обществе должны формироваться не только на основе учета интересов этнических меньшинств (на чем делают акцент большинство исследователей), но и на основе равноценного учета интересов русского населения, уважительного отношения к его традициям, ценностям и образу жизни.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Во-первых, российские регионы отличаются не только видимыми параметрами – территорией, административными границами, экономическим развитием, но и особой конфигурацией и мотивационной функциональностью локально-этнических идентичностей. Их специфика играет существенную роль в развитии социальных отношений в Саратовской области, где представлен весь спектр таких идентичностей. Наряду с идентификацией непосредственно по этническим признакам (язык, культура, религия, традиции), большую роль играют также признаки давности проживания (автохтонности), и социокультурной и социально-экономической укорененности и интегрированности данной этнической группы в полиэтничное сообщество Саратовской области. В этом случае основная зона конфликтных отношений развивается по основанию «старожилы – новопришельцы», особенно тогда, когда переселенцы занимаются активной экономической деятельностью, ведут себя вызывающе в быту и нарушают местные традиции и обычаи.

Определенное значение имеет идентификация, определяемая наличием или отсутствием гражданства Российской Федерации. Мигранты из бывших республик СССР, с одной стороны, более четко осознают себя в качестве инородного социального элемента в силу плохого знания русского языка, отсутствия равных возможностей для получения работы и доступа к социальным благам (здравоохранение, образование, пенсии и т. д.), а с другой – понимают шаткость своего статуса пребывания в Российской Федерации как временного, которое может быть прервано в случае каких-либо нарушений российского законодательства. Такое двойственное восприятие своего этнического сообщества приводит к скрываемому «национализму зависти» ко всем благополучным российским гражданам без различия их этнической принадлежности. Проявить открыто они его не могут в силу своего временного статуса, но периодически кон-

фликт проявляется в виде преступлений против местного населения. Значительная часть их происходит на сексуальной почве, что объясняется абсолютным доминированием мужчин среди внешних российских мигрантов, лишенных возможностей контактировать с женщинами своей этнической группы. Соответственно, накапливается недовольство местного населения, раздраженного данными преступлениями, а также конкуренцией на рынке труда.

Абсолютизация этнической идентичности как ведущего мотивационного фактора жизнедеятельности чаще всего выступает предпосылкой этноцентризма и национализма, роста ксенофобии и ослабления толерантности с соответствующими негативными последствиями в межэтнических отношениях. Поэтому важнейшую роль играет грамотная и взвешенная политика региональных властей, нацеленная не только на воспитание толерантности представителей всех этнических групп по отношению друг к другу, но и на решение проблемы социально-экономической и социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в единый полиэтничный социум Саратовской области.

При этом важно учитывать, что воспитание толерантности к традициям и культуре мигрантов не будет эффективным, если, в свою очередь, не будет соответствующего воспитания уважения к традициям тех людей, которые давно живут на этой земле, которые принимают эти этнические группы. Если данный процесс не будет взаимным, то одна из важнейших проблем нашего общества останется нерешенной еще многие годы, постоянно угрожая стабильности развития России.

Примечания

- 1 См.: Трофимов Е. Н. Национально-культурная автономия : от идеи к реализации // Социс. 2008. № 5. С. 91.
- 2 Документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ. URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/elections/14304?download=true> (дата обращения: 04.02.2016).
- 3 Там же.
- 4 В 2003 г. Парламентская ассамблея Совета Европы в очередной раз приняла резолюцию «О правах национальных меньшинств», в которой рекомендовала европейским странам ратифицировать без оговорок/заявлений Рамочную конвенцию (См.: РЕЗОЛЮЦИЯ 1623 (2003) «О правах национальных меньшинств». URL: [http://www.coe.int/t/R/Parliamentary_Assembly/\[Russian_documents\]/\[2003\]/%5BSept_2003%5D/Rec%201623%20Rus.asp](http://www.coe.int/t/R/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2003]/%5BSept_2003%5D/Rec%201623%20Rus.asp) (дата обращения: 05.02.2016)).
- 5 О национально-культурной автономии в Российской Федерации : федер. закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ (с изм. и доп. от 09.02.2009) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2965.
- 6 Этническая принадлежность, этническая идентичность и национальность рассматриваются в рамках статьи

как синонимы, хотя вокруг понятий «этнос», «нация», «народ» научные дискуссии не утихают.

- 7 См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : в 11 т. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М. : Статистика России, 2012. С. 278–279.
- 8 См.: Опубликован национальный состав Саратовской области. URL: <http://www.4vsar.ru/news/32376.html> (дата обращения: 11.09.2013).
- 9 В Пятигорске, например, действует Межрегиональный ресурсный центр, занимающийся переселением выходцев с Северного Кавказа в Центральную Россию. Внутренним мигрантам выделяют «подъемные» на переезд – 60 000 рублей на три месяца каждому (См.: Романов А. Русские, смиритесь : кавказцы придут на ваши земли. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2013/08/16/migratsionnaya-politika-v-rossii/718613-russkie-smirites-kavkaztsy-pridut-na-vas?from=regnum> (дата обращения: 11.09.2013)).
- 10 По данным доклада отдела народонаселения департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, Россия занимает второе место среди стран мира по числу проживающих на ее территории мигрантов из других государств – 11 млн человек (См.: Опубликован доклад ООН о числе иностранных мигрантов – среди лидеров США и Россия. URL: <http://www.newsru.com/world/12sep2013/mirg.html> (дата обращения: 12.09.2013)).
- 11 Общие итоги миграции населения по Саратовской области за 2014 г. URL: http://srtv.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/srtv/ru/statistics/population/bd5c4c00443e8b618a24ef20d5236cbc (дата обращения: 02.02.2016).
- 12 См.: Бауэр В. А., Иларионова Т. С. Российские немцы : право на надежду. К истории национального движения народа (1955–1993). М. : Республика, 1995 ; Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М. : Готика, 2000.
- 13 См.: Долгов В. О немецкой автономии // Заря молодёжи (Саратов). 1990. 10 февр.
- 14 В эту борьбу против Республики немцев Поволжья были подключены националистические движения (не только русские). Достаточно жестко выступили группы, которые были представлены казахами и татарами. На тот период они исходили из стратегической перспективы борьбы за идеологическое позиционирование собственных прав на данную территорию в рамках крупных национальных государственных образований вне состава России. Например, идеи объединения мусульманских народов Поволжья под эгидой Великой Волжской Булгарии открыто озвучивались и обосновывались в начале 1990-х гг. не только в Татарстане, но и в ряде других российских регионов.
- 15 См.: Управление Министерства юстиции по Саратовской области : [сайт]. URL: http://www.minjust-sar.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=309&Itemid=61 (дата обращения: 21.02.2012).
- 16 См.: Об областной целевой программе «Национально-культурное развитие народов Саратовской области» на 2008–2010 годы : закон Саратовской области от 11.09.2007 № 166-ЗСО (ред. от 02.07.2008) (принят Саратовской областной Думой 29.08.2007). URL: http://saratov.news-city.info/docs/systems/dok_ierdxi/index.htm (дата обращения: 07.06.2015).

- ¹⁷ См.: Долгосрочная областная целевая программа «Национально-культурное развитие народов Саратовской области» на 2011–2013 годы : постановление Правительства Саратовской области от 18.10.2010. URL: <http://docs.cntd.ru/document/933015300> (дата обращения: 06.02.2016).
- ¹⁸ См.: Единая Россия` подпишет соглашение с национально-культурными объединениями Саратовской области. URL: <http://region.viperson.ru/articles/edinaya-rossiya-podpishet-soglashenie-s-natsionalno-kulturnymi-ob-edineniyami-saratovskoy-oblasti> (дата обращения: 07.06.2015).
- ¹⁹ Состоялась областная научно-практическая конференция школьников «Народы Поволжья : история, образования, культуры». URL: <http://saratov.gov.ru/gov/news/sostoyalas-oblastnaya-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-shkolnikov-narod/> (дата обращения: 08.06.2015).
- ²⁰ См.: Долгосрочная областная целевая программа «Национально-культурное развитие народов Саратовской области» на 2011–2013 годы.
- ²¹ См.: Межнациональный конфликт в Красноармейске. URL: <http://kuraev.ru/smf/index.php?topic=21241.0> (дата обращения: 17.03.2007).
- ²² Прокуратура объяснила конфликт в Пугачеве бытовыми проблемами горожан. URL: <http://ria.ru/incidents/20130730/952947491.html> (дата обращения: 30.07.2013).
- ²³ Конфликт в Пугачеве возник из-за невнимания властей. URL: <http://www.rg.ru/2013/07/30/reg-pfo/genprokuratura-anons.html> (дата обращения: 30.06.2013).
- ²⁴ См.: Участники конфликта у мечети добиваются, чтобы кавказцев судили по статье «экстремизм». URL: <http://www.4vsar.ru/news/40373.html> (дата обращения: 13.09.2013).
- ²⁵ Полиция опровергла информацию о массовой драке в центре Саратова. URL: <http://ria.ru/incidents/20130912/962727754.html> (дата обращения: 13.09.2013).
- ²⁶ См.: В России создана программа оперативного реагирования на межнациональные конфликты. URL: <http://regnum.ru/news/society/2062408.html> (дата обращения: 02.02.2016).
- ²⁷ См.: Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах : материалы конф. (Казань, 2–3 июня 2004 г.) / под ред. А. Малашенко ; Моск. Центр Карнеги. М. : Гендальф, 2005. С. 58.
- ²⁸ Выборы без национализма. Партия советует обойтись без эксплуатации национального вопроса. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/01/25/onf/> (дата обращения: 09.02.2016).
- ²⁹ Там же.

УДК 338

«ОБЛАЧНЫЕ СВОЙСТВА» МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: nikshestov@mail.ru

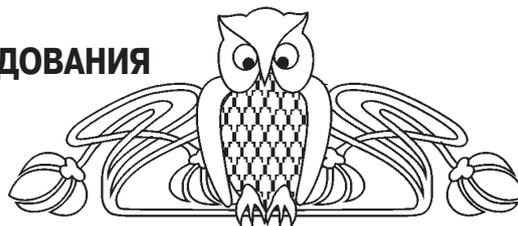
В публикации исследуются конвенциональные основания применения «системного метода» и других методов в современных отечественных политических исследованиях. Анализируются логические и процедурно-технологические аспекты превращения представлений о «системах» и «системном методе», сложившихся прежде в рамках различных конкретных отечественных и зарубежных классических концепций, в представление современных исследователей о существовании и о возможности использования «системного метода вообще».

Ключевые слова: метод научного исследования, методы политического исследования.

«Cloud Features» of Methodology of Modern Political Studies

N. I. Shestov

The article explores conventional base of applying «system method» and other methods in modern domestic political studies. Author analyzes the logical and procedural aspects of the process of transformation of ideas about «systems» and «systematic method», first developed as part of various specific domestic and foreign classical concepts, in view of modern scholars about the existence and the possibility of using «systematic method at all».

Key words: method of scientific research, methods of political studies.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-62-71

Для массового сознания обществ, как в прошлом, так и сегодня, миф является своего рода методологией исследования и познания окружающего мира. Методологией со своими минусами, судя по тому, как замысловато складывается прежняя и нынешняя траектория развития социально-политических систем, но и с плюсами, судя по тому, что большинству современных обществ на протяжении долгого исторического времени удавалось и до сих пор удается посредством манипуляций с историческими и современными мифами поддерживать на устойчивом уровне свою цивилизационную идентичность и потенциал прогрессирования. Наука, за редкими в ее истории исключениями, ценность этой методологии не признает. Она чаще всего трактует социальный миф как заблуждение, порожденное подсознанием человека, его завышенными ожиданиями и необоснованными фобиями.

И противопоставляет ей свои, сугубо научные методы. Когда речь идет о научном методе, то в большинстве случаев имеется в виду, что он мифу альтернативен, что он ключ к истинному знанию о природе вещей в той же мере, в какой миф есть путь, ведущий к знанию ложному. Искренняя вера в то, что ученому (гуманитарию, по крайней мере), что называется, «на роду написано» посвятить свою профессиональную карьеру борьбе с «мифами» за восстановление в массовом сознании сограждан «истины», эта вера, что «истина где-то рядом», играет, безусловно, большую роль в прогрессе знания о прошлом и настоящем обществ и государств.

Эта вера, однако, игнорирует тот факт, что в результате многовековой борьбы науки с мифом и очевидного научно-технического и научно-мировоззренческого прогресса в современном мире влияние мифа на массовое сознание ничуть сегодня не ослабело. Особенно заметно это в тех ситуациях, когда знание о прошлом, об имевших в нем место религиозных и этнических конфликтах, о почти всегда противоречивом опыте государственного развития обществ, о природе их современных интересов, все то, что называется «исторической памятью» человека и социума, становится фактором современных внутрисоциальных и межсоциальных коммуникаций. Можно даже сказать, что это влияние усовершенствовалось. И усовершенствовалось оно не только усилиями СМИ, насаждающих в массовом сознании определенную повестку и формирующих не критическое отношение людей к информации, оценить достоверность которой у них нет никакой реальной возможности. В таком усовершенствовании есть доля участия науки. Не часто, но бывает, что ученые целенаправленно принимают активное участие в создании социально значимых мифов, движимые своими идеологическими приверженностями и своим пониманием гражданского долга. С начала 1990-х гг., например, такого рода направление в научном мифотворчестве активно распространилось по всему постсоветскому пространству. Одним из последних его спелых плодов стала новая официальная концепция украинской этнической и национально-государственной истории. Бывает, что исследователь интуитивно включает социально значимые мифы в свой научный дискурс. Просто потому, что он сам есть существо социальное и не мыслит нормальной коммуникации с согражданами без демонстрации своей причастности социальной мифологии. Все это симптомы периодического участия науки в поддержании мифологического настроения в массовом сознании.

Чтобы такую периодичность реализовать, определенными свойствами должна обладать методология гуманитарного научного исследования. В научном сообществе должна сложиться некая конвенция, как минимум допускающая,

при определенных обстоятельствах, что научные коммуникации осуществляются с использованием того формата подачи информации, который лежит в основании любого мифа и целых мифологий – формата социально значимого/корпоративно значимого стереотипа. По крайней мере, у научной методологии должно быть такое качество, которое не подает исследователю, соучастующему сознательно либо интуитивно в социальном мифотворчестве, поводов к сомнению относительно того, действует ли он в соответствии с требованиями и традициями своей науки, в соответствии с общественно признанными представлениями о науке и научности, наукой ли вообще он занимается. Исследователь может творчески работать, если он полностью уверен в том, что занимается именно научным творчеством.

Такие свойства у методологии современных гуманитарных исследований есть. Для их обозначения можно применить понятие «облачные свойства». Это понятие сегодня пользуется популярностью у специалистов по информатике и интернет-технологиям. Оно в общем плане обозначает ситуацию, когда та или иная информация циркулирует в информационном пространстве, но ее пользователю не известна и не актуальна конкретная ее привязка к тому или иному сегменту этого пространства. Для пользователя эта информация существует как бы «сама по себе», в чистом от связей с конкретными структурами информационного пространства виде. Отсутствие четкого понимания, откуда эта информация взялась, где и как хранится, кто и как эту информацию прежде употреблял и для каких практических нужд, не влияет решающим образом на ее ценность для пользователя.

В этом смысле данное понятие удачно обобщенно характеризует и то качество, которое обнаруживают исследовательские подходы гуманитариев, политологов в частности. Крайний случай «облачного свойства» методологической позиции исследователя – это когда он оставляет читателю возможность самому по отдельным признакам догадываться о том, какой смысл был автором вложен в ключевые понятия политической науки, почему так, а не иначе он определяет свой предмет и объект исследования, свои научные задачи. «Облачность» методологии в данном случае возникает как результат полной уверенности исследователя, что для решения поставленных им конкретных научных задач никакой теоретической конкретики не нужно. По этой логике заявка на научный статус текста сама по себе должна быть для читателя достаточным указанием на то, что автор при его создании осмысленно руководствовался определенными теоретическими установками. Для теоретически подготовленного читателя действительно не представляет большого труда догадаться, какими именно теоретическими представлениями

в своих научных рассуждениях руководствуется автор. Возникает своеобразный консенсус автора и читателя по поводу необходимых и достаточных атрибутов, на основании которых текст может быть отнесен к категории научных текстов. Этот консенсус создает условия для того, чтобы «облачное» состояние методологии воспринималось участниками творческого процесса как один из естественных способов его оптимизации. Реально таковой оптимизации не происходит просто потому, что в структуре научного текста «прозрачно» и конкретно представленная автором методология исследовательской работы играет роль важного (а если взять, например, современные требования ВАК к диссертациям, то решающего) аргумента в пользу достоверности итогового результата исследования. В структуре доказательства, таким образом, весомый аргумент автора замещает читательская догадка по поводу наличия данного аргумента.

Методология исследования приобретает «облачное свойство» также в тех случаях, когда автор научного труда (особенно активно этот прием используют диссертанты) ограничивает характеристику теоретических основ своего исследования простым перечислением используемых им методов. Методы включаются им в перечень под некими общеизвестными в среде специалистов условными названиями – «системный», «сравнительный», «исторический» и т. д. Оправданием для исследователя, таким способом презентующего читателю свою методологию, служит его добросовестная уверенность в том, что труд его предназначен специалистам. А специалисту без дополнительных уточнений по одному только условному обозначению метода и так должно быть понятно, о чем идет речь. Начинаясь исследователями этот прием формального «указания метода» часто воспринимается как добрая научная традиция, не соблюдая которую при написании диссертации, например, значит вызвать «лишние» вопросы со стороны экспертного сообщества.

Проблема в том, что, возлагая большие надежды на аналитические способности специалистов, сам исследователь в этом случае тоже не вникает в суть тех теоретических позиций, которые он заявил в качестве исходных для своего труда. Когда диссертант, работающий над конкретной политологической проблемой, заявляет, что для решения своих научных задач он применил, например, «системный» и «исторический» методы и что их применение обеспечило ему получение нового и достоверного результата исследования, то он чувствует себя уверенно. Так же уверенно, как и любой человек, полагающий, что действует строго в рамках общепринятой нормы мысли и действия. Как человек, строго следующий правилам профессионального поведения, не осуждаемым большинством специалистов (а по сути, сложившейся научно-корпоративной

мифологии и ритуалистике научной работы), исследователь упускает из виду важный момент. Специалист с хорошей общетеоретической гуманитарной подготовкой всегда может задать ему вопрос: какой именно из исторически известных современной политической науке и достаточно специфических вариантов исторического, либо системного, либо сравнительного методов в данном случае применен? Вариантов на самом деле много и не всегда все они могут быть сведены «под одной крышей» настолько органично, чтобы можно было бы говорить о существовании, например, «системного», либо «исторического», либо «сравнительного» метода как «метода вообще». Какие-то теоретические позиции в отношении возможности политической науки изучать политику как процесс или как систему, которые некогда были заявлены и апробированы в рамках конкретных авторских концепций, будут совпадать. В противном случае для возникновения научно-корпоративного мифа о том, что «облачное свойство» исследовательской методологии это и есть все необходимое и достаточное для успешной научной работы, просто не было бы почвы.

Будет вместе с тем и много принципиально несовпадающих позиций, ставящих под сомнение достаточность «облачного» подхода к методу. Причем (как это ни парадоксально выглядит в свете устоявшихся в современном сообществе отечественных гуманитариев представлений, что прикладное исследование не требует от специалиста детальной работы над теоретическим инструментарием) учет этих позиций особенно важен именно для прикладного исследования. Современная политика высоко динамична. В своем нынешнем демократическом обличье она еще и высокотехнологична. Иначе говоря, она осуществляется, как процесс, в режиме постоянных рекомбинаций набора государственных и общественных институтов, управленческих решений, конфликтов и ресурсов, достаточно стандартного для современных социально-политических систем. Сказать сегодня в прикладном исследовании что-либо действительно качественно новое о функционировании, например, институтов гражданского общества или о тенденциях в изменении политической культуры этого общества, можно только в том случае, если исследователь реализует какой-то новый теоретический ракурс видения данных объекта и предмета. Не обязательно принципиально новый, хотя бы новый в деталях. Именно для прикладных исследований политики в этом смысле важно внимание исследователя именно к тем деталям метода, которые позволяют такой авторский новый ракурс выстроить и тем самым «разойтись» по технологии и по результатам исследования с другими специалистами в данной предметной области политической науки. То же самое относится и к достоверности результата исследования. Именно в прикладном исследо-

вании результат его будет достоверен и практически значим ровно в той мере, в какой сам исследователь способен понять значимость таких деталей для образования нового направления изучения того или иного предмета и соответственно строить свои исследовательские действия.

Вариантов, в которых существуют сегодня методы гуманитарных исследований, много. Это варианты, различающиеся и по предназначению, и по происхождению. Российские политологи любят использовать «исторический метод». При этом не принимается во внимание, что на протяжении последних как минимум трех столетий неоднократно и принципиально менялось представление исследователей о смысле и назначении как самой истории (исторического процесса), так и о способах ее научной интерпретации. Это различие присутствует и в современной теории исторических исследований. Сегодня одни специалисты в России и за рубежом считают оптимальным продуктивным формационный метод изучения исторического процесса, другие – цивилизационный, третьи настаивают на необходимости сосредоточить внимание на ментальных основаниях активности людей в минувшие эпохи. Эти исследовательские позиции, заметим, не являются взаимодополняющими настолько, чтобы их различие можно было бы проигнорировать и сказать, что история она и есть история, а «исторический метод» он «исторический метод» и есть. Напротив, это позиции альтернативные и активно конкурирующие в пространстве методологии исторического познания. Соответственно, указание в политологическом исследовании на применение «исторического метода» само по себе не проясняет вопроса о том, каким именно пониманием смысла исторического процесса и каким именно способом раскрытия этого смысла намерен пользоваться исследователь-политолог.

Кроме того, существуют различия в методологии исторического исследования, основанные на способе структурирования предмета исследования: историко-хронологический и историко-проблемный, сравнительно-исторический и историко-биографический, историко-психологический и историко-культурный методы. Приставка к слову «исторический» не простая формальность. Каждый из перечисленных методов подразумевает свой способ адресации исследователем вопросов историческому материалу и свой же способ получения ответов на них. Это интеллектуальные технологии понимания прошлого, но понимания его не «вообще», а в совершенно конкретных измерениях. Наконец, если говорить о генезисе технологий понимания прошлого, есть классический, рационалистический, романтический, позитивистский, неопозитивистский, постпозитивистский форматы научных представлений о нем. Когда в политологическом исследовании автор заявляет «исторический метод», то возникает вопрос: которое из

возможных измерений он в данном случае имеет в виду?

Точно так же много вариантов и у «системного метода» («подхода»). В порядке отступления отметим, что понятия «подход» и «метод» исследователи часто используют как взаимозаменяемые. Например, «структурно-функциональный подход» и «структурно-функциональный метод», «системный подход» и «системный метод». Разница смысла у этих понятий, как представляется, все-таки есть. Такая же разница, как между намерением человека что-либо сделать и его возможностью осуществить задуманное. «Подход» – это интеллектуальная технология решения научной задачи, которая существует в формате теоретического опыта развития науки. Она существует в пространстве научного знания независимо от того, нравится она конкретному исследователю, считает ли он ее необходимым для науки инструментом или нет. Это способ теоретизирования, которым некогда успешно пользовались многие наши предшественники на научном поприще и который они усовершенствовали настолько, что сегодня воспользоваться им под силу любому современному исследователю. Когда этот теоретический опыт прилагается исследователем к конкретному научному предмету, тогда «подход» становится «методом», т. е. авторской интерпретацией ранее известных науке принципов и способов проведения исследовательских процедур, адаптированной к свойствам конкретного предмета авторского научного исследования.

Что касается «системности», то она была и остается одним из основных критериев научного характера любого знания. В разные эпохи в разных областях научного знания рождались концепции, которые по-разному, в русле разных мировоззренческих парадигм и в соответствии с требованием «метод должен соответствовать предмету» трактовали сам принцип системности. Эти концепции по-разному представляли то, к чему можно или нельзя этот принцип приложить в предметном поле науки. Естественно, что сегодня, как это было и в прошлом, этот интеллектуальный опыт не может восприниматься однозначно исследователями, стоящими на разных мировоззренческих и научных позициях. Как отметил один из участников VII Всероссийского конгресса политологов (ноябрь 2015 г.): «Современный этап характеризуется критикой “системного подхода”. Исследователи, ориентированные на использование идей Маркса, критиковали “системный подход” в науках об обществе за отказ от исследований общественных конфликтов, за фиктивность идеологической нейтральности “научной позиции” ученых в условиях капиталистического общества, за отказ от “нормативной политической теории” в политических исследованиях. Странники Вебера критиковали “системный подход” за искажение

исходных идей Вебера, развитием которых был «системный подход» Т. Парсонса. Речь шла о понимании бюрократизации как рационализации в качестве конфликтного исторического процесса, а не как «эволюции общества»¹.

Упомянутые дискуссии отражают реальную теоретическую проблему. Суть ее в том, что в научном сообществе существует понимание основного момента: «системность» исследовательских ракурсов и дискурсов есть то основание их научности, которое желательно, чтобы было более-менее единым для всего пространства современной науки. Это причина появления концепций, претендующих на формулирование именно таких «единых» представлений о системности в окружающем мире природы и человеческих отношений и требований к соблюдению системности в научном исследовании природы и общества. Можно в связи с этим понять и происхождение уверенности многих современных политологов в том, что заявлением об использовании некоего «системного метода вообще» они только повышают градус научности своего исследования. Сама же наука вместе с тем устами своих ведущих специалистов по проблемам научного метода предлагает различные (порой до противоположности) объяснения того, что есть «система» в природе и обществе, каково ее устройство и посредством каких научных принципов и категорий это устройство может быть охарактеризовано.

Есть, например, теория систем Л. фон Бергаланфи, ссылаясь на труды которого любят отечественные политологи. В ряду не менее «любимых» классиков «системного метода» фигурируют имена К. Поппера и Д. Истона, Т. Парсонса. И у каждого из этих классиков современной политической науки свое, иногда не совмещающееся с прочими, понимание и толкование того, что есть «система», как она устроена и какими правилами должна руководствоваться наука при ее характеристике. Причем различие касается не частных, а понимания теоретиками самой сути феномена системной организации чего-либо.

Для Л. фон Бергаланфи фундаментальным понятием «общей теории систем» было понятие «иерархического порядка». Он утверждал: «...в рамках «системного подхода» существуют и механистические, и организмические тенденции и модели, пытающиеся познать системы либо с помощью таких понятий, как «анализ», «линейная (включая круговую) причинность», «автомат» и т. д., либо при помощи понятий «целостность», «взаимодействие», «динамика» и им подобных. Эти два типа моделей не исключают друг друга и даже могут использоваться для описания одних и тех же явлений. <...> Общая теория иерархического порядка, очевидно, будет важнейшей составной частью общей теории систем. <...> Некоторые понятия, модели и принципы общей

теории систем, такие как иерархический порядок, прогрессирующая дифференциация, обратная связь, системные характеристики, определяемые теориями множеств и графов, и т. д., широко применимы к материальным, психологическим и социокультурным системам; другие, как, например, понятие открытой системы, определяемой обменом веществ, ограничены определенными подклассами систем»².

У австрийского биолога и философа, следует заметить, наверняка вызвало бы возражение словосочетание «системный анализ», достаточно популярное в описаниях методологий современных политических исследований. «Применение аналитических процедур, – писал по этому поводу Л. фон Бергаланфи, – требует выполнения двух условий. Во-первых, необходимо, чтобы взаимодействие между частями данного явления отсутствовало или было бы пренебрежимо мало для некоторой исследовательской цели. Только при этом условии части можно реально, логически или математически «извлекать» из целого, а затем «собирать». Второе условие: отношения, описывающие поведение частей, должны быть линейными. Только в этом случае имеет место отношение суммативности, т. е. форма уравнения, описывающего поведение целого, такова же, как и форма уравнений, описывающих поведение частей; наложение друг на друга частных процессов позволяет получить процесс в целом и т. д. Для образований, называемых системами, т. е. состоящих из взаимодействующих частей, эти условия не выполняются. <...> Методологическая задача теории систем, таким образом, состоит в решении проблем, которые носят более общий характер, чем аналитически-суммативные проблемы классической науки»³. Для Л. фон Бергаланфи фактически «система» – это и свойство окружающего нас мира, и свойство нашего научного знания об этом мире. Причем для точных, естественных и гуманитарных наук качество «системности» знания будет различаться в зависимости от специфики «системности» предмета этих наук.

У известного специалиста по проблемам научного познания К. Поппера другое понимание данного теоретического предмета. Для него, как он сам пишет об этом в работе «Логика и рост научного знания»⁴, реальны и достойны обсуждения в плане организации и функциональности именно «теоретические системы». Он не считал возможным и необходимым распространять представление о системности на реальные процессы общественной жизни, включая политические процессы в прошлом и настоящем. Уже потому, что, как он об этом пишет в трактате «Нищета историцизма», «вера в историческую необходимость является предрассудком, и предсказать ход истории с помощью научных или каких-то иных рациональных методов невозможно»⁵. Это, образно выражаясь, напоминание

об осторожности, сделанное самим австрийским и британским философом в адрес российского политолога, который вознамерился бы опереться в разработке методологии анализа реальных политических процессов и институтов на авторитет К. Поппера как классика «системного метода» и с позиции попперовских представлений о «системности» сформулировать свои оценки прошлых и прогнозы будущих состояний реального политического процесса.

Д. Истон в реальности политических систем не сомневался, как и в том, что их можно и нужно изучать в динамике. Как утверждает современное справочное издание, «основной вклад Истона в политическую науку связан с адаптацией и применением принципов и методов системного анализа к изучению функционирования политических систем, а также с исследованием проблем политической социализации»⁶. В то же время, если обратиться к знаковой работе американского политолога, посвященной категориям системного анализа⁷, заметна специфика «системности» его размышлений о способе исследования «политических систем». Его размышления о «системности» относятся более к способу определения предмета исследования (как и какие вопросы исследователь может и должен адресовать функционирующей политической системе), чем к способу получения ответов на эти вопросы. Точнее сказать, известная истоновская метафора «черного ящика», все связи между субъектами и их взаимными отношениями в котором остаются непознаваемыми для исследователя, извне этого «ящика» наблюдающего за ходом политического процесса, это и есть образно высказанное автором, но вместе с тем достаточно конкретное предложение относительно того, какими соображениями и принципами должен руководствоваться политолог в ходе поисков ответов на свои вопросы. Политолог, понимающий состояние политической системы как предмета своего исследования на истоновский лад, должен быть готов к тому, что в ходе «системного анализа политической системы» он никаких полноценных ответов на свои вопросы не получит и никакого конкретного нового системного знания о политике не приобретет. В лучшем случае он обоснует и сформулирует еще несколько возможных вопросов, которые вслед за Д. Истоном адресует «политической системе».

Есть, наконец, специфическое и достаточно функциональное, с точки зрения задач прикладного политического исследования, понимание «систем» и «системности исследования» известным советским философом, медиком и политическим деятелем первой четверти XX столетия А. А. Богдановым (Малиновским), которое он изложил в своей работе «Тектология. Всеобщая организационная наука». А. А. Богданов утверждал: «Было бы мало пользы для практики и теории, если бы дело свелось к философскому по-

ложению: “все есть организация”. Для практики и для теории нужны и важны методы. Вывод по отношению к ним ясен: “все методы суть организационные”. Отсюда задача: понять и изучить все и всякие методы как организационные. Это может быть большим шагом вперед, но при одном условии – чтобы организационные методы поддавались научному обобщению. Если бы организационные методы в одной области были одни, в другой – другие, совершенно с ними не сходные, в третьей – третьи, например, в организации вещей, т. е. в технике, не имеющие ничего общего с методами организации людей, т. е. экономики, или организации опыта, т. е. мира идей, то овладеть ими стало бы несколько не легче оттого, что все они будут обозначены как организационные. Совсем иное, если по исследованию окажется, что между ними возможно установить связь, родство, что можно подчинить их общим законам. Тогда изучение этой связи, этих законов позволит людям наилучшим образом овладеть этими методами и планомерно развивать их и станет самым мощным орудием всякой практики и всякой теории»⁸.

Эта пространная цитата наглядно демонстрирует принципиальное расхождение позиций Д. Истона и А. А. Богданова в самом, может быть, принципиальном вопросе – вопросе научной познаваемости строения и функционирования политической системы и возможности управления ее динамикой. То понимание свойств «системы», в том числе политической, как «организационных» свойств (а значит, свойств конструируемых, управляемых и научно познаваемых), которое было присуще А. А. Богданову, и те трактовки «политической системы», которые предложил Д. Истон, и то понимание иерархических начал системности, которое было у Л. фон Берталанфи, все это по отдельности имеет научный смысл и ценность интеллектуального опыта и может послужить исходным теоретическим материалом для конструирования какой-либо авторской методологии современного политического исследования.

По крайней мере, это естественный способ избежать весьма распространенного эффекта «подвисания» авторской методологии, сконструированной современным исследователем по «облачному» принципу. Такое «подвисание» обнаруживает себя, когда, например, в научном тексте имеется ссылка на высказывание конкретного классика, или ряда классиков, о системах. Но из ссылки не понятна мера корреляции этого высказывания/высказываний со свойствами именно той реальности, которую исследователь намерен проверить на предмет наличия в ней системности. Не понятно и то, насколько смысл высказывания соответствует тем вопросам и научным задачам, которые исследователь сам для себя сформулировал. Другой вариант «подвисания», когда автором в научном тексте изложены

некие «общие принципы и правила системного анализа». Читателю остается гадать: из перечня, представленного автором, всеми или только некоторыми правилами и принципами обнаружения и изучения «системности» в научном предмете он намерен руководствоваться по ходу своей исследовательской работы?

Вместе с тем практический смысл в таком дифференцированном подходе к использованию наработок классиков научной мысли в методологии политического исследования будет присутствовать, если исследователь понимает причину принципиальных различий в позиции классиков. Им «облачность» представлений о методе как раз не была свойственна. Они стремились к конкретности и потому каждое свое теоретическое суждение о «системах» и «системности» соотносили с фактами, хорошо известными науке их времени. И судя по фактам, взятым из разных областей точного, естественного и гуманитарного знания, они хорошо понимали сложную структуру и гигантский масштаб того предмета, по поводу которого теоретизировали. Не хуже, надо думать, понимали они и невозможность для себя как для специалистов в конкретной области научного знания «подняться над предметом» настолько, чтобы было возможно целиком и до конца охватить его научным взглядом. Даже если речь идет о таком частном случае «системности» окружающего нас мира, каковым выступают «политические системы». То, что в дискурсе Д. Истона, например, вопросы относительно сути и свойств «политической системы» доминируют в сравнении с ответами, это в данном смысле закономерно. Он предлагал адресату своей публикации, упомянутой выше, взглянуть на динамику политических систем с такой «высоты» теории, при которой практически невозможно увидеть те «мелочи» функционирования «политических систем», которые, собственно, эту динамику и определяют и которые выступают основным предметом исследования в прикладных политологических трудах. Д. Истон в этом смысле осознанно или нет, но, как исследователь, теоретизировал добросовестно, вполне согласовывая масштабы своего предмета и метода.

В интересах образовательного процесса можно, конечно, не акцентировать внимание на этих принципиальных различиях в понимании классиками научной мысли особенностей организации природных и общественных «систем», а также «системности» метода научного исследования последних. Для учебных целей «облачного» представления об этом предмете, возможно, действительно достаточно. В курсе «Методы политического исследования», например, можно просто кратко сообщить слушателю, какие концепции каких авторов современная политическая наука признает классическим изложением «системного метода», и кратко пересказать основную суть понимания «системы» и «системно-

сти» каждым из классиков. Можно действовать иначе. Составить, например, «универсальный» перечень свойств «системы вообще» и сопроводить его столь же «универсальным» набором требований к «системному анализу вообще»⁹. И сопроводить все это оговоркой, что, в принципе, такой «универсальный» теоретический подход уместен и в политическом исследовании. Сконструировать своего рода «миф о методе», действительно в известном смысле оптимизирующий образовательный процесс. Другое дело, что из сферы политологического образования этот научный миф естественным порядком перетекает в сферу уже собственно исследовательских практик. И он укореняется там настолько, насколько он прочно сидит в головах людей с вузовскими дипломами политологов. Научный процесс имеет свою динамику, и в этом смысле можно говорить об «облачности» как характеристике того «исходного положения» методологии политической науки, в каком ее застают и любой исследователь, вступающий на научную стезю, и которое его профессиональное образование заставляет его считать нормальным.

«Облачное» представление современных исследователей о «системном методе» (в отличие от представлений классиков, стремившихся оставаться в границах науки) больше апеллирует к обыденной логике человека, далекого от науки. Логика незатейливая: если один за другим классики научной мысли предлагают каждый свою версию теоретического описания «систем вообще», стало быть, они знают, о чем говорят, и эти самые «системы вообще» где-то существуют в реальности. Это логика, для которой несущественно принципиальное различие между объектом и предметом научного исследования, когда объект существует в реальности, а предмет конструируется исследователем объекта в зависимости от того, с какой стороны он на этот объект смотрит. В этом смысле исследователь может сконструировать «систему вообще» как предмет своего теоретического интереса, но это не делает обязательным существование «систем вообще» в реальности. Этого обстоятельства данная логика не учитывает.

С другой стороны, современный политолог попадает под обаяние очевидности и фундаментальности научной традиции, с которой он себя ассоциирует как член научной корпорации. Им движет естественный интерес к обретению, сохранению и публичной демонстрации своей организационной связи с корпоративным «мифом» своей науки. Любая наука основана на интеллектуальной традиции, воплощением которой являются мысли классиков теории. Если классики сказали некогда о неких всеобщих свойствах неких «систем вообще», то в размышлении по поводу сказанного ими практического смысла будет ровно столько же, сколько в размышлении над практическим смыслом какой-либо обще-

ственной традиции. Традиция потому и традиция, что будет существовать и управлять нами вне зависимости, размышляем мы сегодня над ее смыслом или нет. В свое время тот или иной классик «системного метода», возможно, всего лишь предположил существование неких общих для всех систем либо для группы систем организационных и функциональных свойств. Возможно, он даже привел свою аргументацию правомерности этого предположения, которая с точки зрения современного состояния научного знания может быть и небесспорной. Но если научная корпорация признает это предположение «классическим» вкладом в теорию, то оно приобретает статус традиции данной науки. И уже следующие поколения исследователей апеллируют к нему не как к предположению, лишь отчасти доказанному, а как к очевидному доказанному факту теории. Факту, игнорировать который и не руководствоваться которым нельзя, не подвергая риску свои претензии на статус ученого.

По одной из научных традиций эти следующие поколения исследователей начинают воспринимать имена классиков научной мысли как символические маркеры тех или иных теорий, из которых состоит фундамент данной науки. Это уже имена теорий, а не живых людей, их создавших. Поэтому классиков обычно потомки лишают права на ошибку, естественного для живого человека. И даже если суждения двух классиков по одному научному предмету друг другу противоречат, то правыми потомки все равно признают обоих и ссылаются на авторитет обоих в подтверждение своих собственных мыслей. А классик науки тоже человек, и он мог искренне полагать, что создал универсальную теорию, тогда как на деле создавал теоретическую конструкцию, обладающую выраженным конвенциональным свойством. Иначе говоря, теорию, которая легко приобретает свойства классики благодаря наличию в научном сообществе достаточного большого числа исследователей, готовых прямо поддержать претензии ее создателя на универсальность теоретических построений, а также тех, кто проявляет интерес к критике данной теории и тем самым *de facto* поддерживает в научном сообществе отношение к ней как значимому факту в научно-исследовательском процессе.

В исповедании исследователем «облачного» отношения к «системному методу» и многим другим методам политической науки и в признании экспертным сообществом такого отношения вполне допустимым есть определенный прагматизм. Взять на вооружение в качестве методологии своего творческого труда какую-либо из конкретных классических версий «системного метода», созданных в минувшем столетии (не говоря уже о версиях, созданных значительно раньше), это во многих случаях означает столкнуться с трудноразрешимой (особенно при недостаточ-

ной теоретической подготовке) проблемой. Ведь многие прежние конвенции апологетов и критиков какой-либо классической версии «системного метода», например, имеют тенденцию со временем устаревать. Просто потому, что общий взгляд научного сообщества на многие предметы становится принципиально иным, его определяет иная научная парадигма либо иная научная ситуация. Для современного исследователя, в том числе прикладника, это означает, что он сам должен поработать над приведением старых теорий в соответствие со своими новыми предметами исследования и новыми требованиями, которые научное сообщество предъявляет к сфере методологии. А это не всегда просто по объективным причинам. Общий смысл понятия «политическая система», например, не изменится от того, что политические системы современной Европы оказываются под давлением неконтролируемых ими миграционных потоков из стран «третьего мира», деформирующих их качество. Вместе с тем такого рода деформации делают затруднительным для исследователя рассуждения о структуре и динамике современных политических систем развитых европейских стран в духе, например, истоновского «системного подхода». И сегодня остается непонятным, в каком направлении двигаться исследователю европейских политических систем, намеревающемуся усовершенствовать уже упомянутую теоретическую модель Д. Истона в соответствии с новыми условиями и рисками функционирования политических систем развитых стран.

Либо он может поступить так, как поступают многие исследователи, столкнувшиеся с упомянутыми трудностями совершенствования теории, а именно сформулировать основные теоретические позиции методологии своего исследования настолько «облачно», что их связь с какими-либо конкретными научными концепциями и какими-либо конкретными обстоятельствами развития политической науки и политики как ее предмета перестанет быть очевидной. И тогда никто не сможет упрекнуть автора нового политологического труда в том, что его исследование опирается на старые теоретические основания.

«Облачное» отношение исследователей к теоретическому основанию своих трудов возникло, заметим, не сегодня. Советскую науку в свое время здорово подвела традиция оперировать ссылками на «методологию марксизма» и на «марксистско-ленинскую диалектику» вообще, не имея в виду при этом ничего конкретного из того общего и различного в суждениях о политике, что есть в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова, В. И. Ульянова и других европейских и российских «марксистов». Эта привычка к «облачной» презентации публике методологии политических исследований послужила главным аргументом для либеральных

критиков опыта советской политической науки, которые обвиняли ее в отсутствии в ней какой-либо научности, в идеологичности и мифологичности. В том, в частности, что в методологии своих исследований советские политологи опираются на корпоративный миф о существовании некоего «марксистского метода вообще», и это их убеждение не совпадает с тем, что конкретно говорили отдельные классики «марксистской теории». Упрекнуть себя в том же методологическом прегрешении, в приверженности к «облачной» презентации методологии у современных исследователей-гуманитариев почему-то не получалось и не получается. На данное обстоятельство чаще всего просто не обращают внимания и не придают ему принципиального значения.

Возможно, так происходит потому, что развитие политической науки в постсоветской России происходило в методологических условиях, по смыслу сильно напоминающих советские. Только роль источника готовых теоретических решений для практической политики и политической теории вместо концепций классиков марксизма стали играть концепции классиков либерализма и неолиберализма, а также отчасти консерватизма и неоконсерватизма. За два последних столетия западная либеральная и неолиберальная политическая мысль накопила действительно богатый арсенал теорий и интерпретаций на все случаи модернизации политической жизни по ее канонам. Из этого арсенала отечественные исследователи имели предельно широкую и поощряемую политическим руководством страны возможность черпать объяснения на все случаи «либерализующейся» и «демократизирующей» российской политической жизни. Для любого достижения или просчета пресловутого «демократического транзита» России западная политологическая классика предлагала набор готовых теоретических решений. Кому из отечественных гуманитариев, наряду с «научным социализмом», не был мил «западный» либерализм, те получили не менее широкую возможность черпать готовые теоретические решения из глубокого колодца отечественной либеральной и консервативной мысли.

Это была благоприятная среда для возникновения в политической науке новых конвенций по поводу методологической ценности «не советских» теорий. Своеобразной конвенцией общества отечественных политологов на этот счет стало такое состояние методологии как теоретического, так и прикладного политологического исследования, при котором научная методология больше напоминала поминальный церковный синодик. В одном и том же «обязательном» порядке «поминались» великие представители научной мысли от Аристотеля и Платона и до какого-либо современного классика

либеральной или же консервативной мысли. Сложилась своего рода конвенциональная «облачная» технология имитации фундаментальности научной методологии в политологическом исследовании, имеющая выраженную тенденцию к трансформации в научную традицию. Пока для отечественной практики политических исследований она приемлема и удобна. Как была она прежде удобна для советской политической науки. Отличие той методологической ситуации от нынешней, в сущности, не так велико. Претензии постсоветского российского общества и его политической элиты к достижениям советской политической науки были обусловлены тем, что общество и элиты с достаточной четкостью определились со своим отношением к стратегии социалистического строительства, с пониманием, что «так жить нельзя». Сегодня общество и элита не имеют той меры определенности своего отношения к стратегии либерального строительства (к ее дальнейшему развитию в рамках нынешней государственной «политики модернизации» либо ее сворачиванию), которая позволяла бы им поставить перед отечественной политической наукой конкретный вопрос о корректности тех теоретических инструментов, посредством которых были достигнуты в последние годы не все, но многие результаты творческой работы исследователей политики. Проблема в том, что при нынешней высокой динамике российского и мирового политических процессов измениться нынешняя, относительно комфортная для политических исследований ситуация может в любой момент.

Примечания

- ¹ *Зиновьев А. О.* Возвращение «государства и права» в исследовании политики и изучение политических идеологий // Политическая наука перед вызовами современной политики : материалы VII Всерос. конгресса политологов (Москва, 19–21 ноября 2015 г.) / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М. : Аспект-Пресс, 2015. С. 240–241.
- ² *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования : ежегодник. М. : Наука, 1969. С. 30–54. URL: http://grachev62.narod.ru/bertalanffy/bertalanffy_2.html (дата обращения: 19.10.2015).
- ³ Там же.
- ⁴ См.: *Поппер К.* Логика и рост научного знания. Избранные работы : пер с англ. М. : Прогресс, 1983. URL: <http://skepdic.ru/wp-content/uploads/2012/11/popper.pdf> (дата обращения: 03.12.2015).
- ⁵ *Поппер К.* Нищета историцизма (31. Ситуационная логика. Историческая интерпретация). URL: <http://e-libra.ru/read/349105-nisheta-istoricizma.htm> (дата обращения: 23.10.2015).
- ⁶ *Истон Дэвид* // Политология. Словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/1221/%D0%98%D1>

%81%D1%82%D0%BE%D0%BD (дата обращения: 03.12.2015).

⁷ См.: *Истон Д.* Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М., 1997. Т. II. С. 630–642. URL: <http://read.virmk.ru/i/Iston.htm> (дата обращения: 01.12.2015).

⁸ *Богданов А.* Тектология. Всеобщая организационная наука (§2. Единство организационных методов). URL:

<http://www.e-reading.by/book.php?book=81713> (дата обращения: 04.12.2015).

⁹ См., например: Системный подход как общенаучный метод. URL: <http://www.bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-4/95.htm> (дата обращения: 04.12.2015) ; Системный метод исследования. URL: http://www.f-mx.ru/sociologiya_i_obshhestvoznaniye/sistemnyj_metod_issledovaniya.html (дата обращения: 04.12.2015).

УДК: 321.02.001: (477.75) «312»

ПРОФЕССИОНИЗМ ПОЛИТИКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМУ

П. В. Кузьмин

Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: cf_university@mail.ru

Автор рассматривает теоретическое значение политического наследия для выявления сущности и содержания профессионализма политика, вскрывает трудности и противоречия процесса профессионализации политической деятельности в современном Крыму.

Ключевые слова: политика, политическая деятельность, профессионализм политика, профессионализация деятельности политика.

Professionalism of a Politician: Theoretical Aspects and Practice of Political Activity in Contemporary Crimea

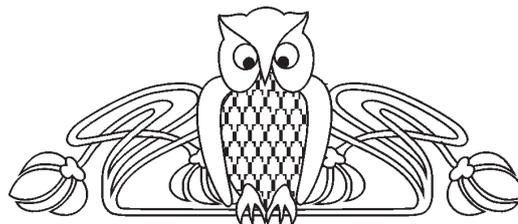
P. V. Kuzmin

The author shows theoretical and practical significance of political legacy to identify the nature and content of a politician's professionalism, and reveals the difficulties and contradictions of the professionalization process of political activity in contemporary Crimea.

Key words: politics, political activity, professionalism of a politician, professionalization activity of a politician.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-71-77

Профессионализм политика относится к числу актуальных проблем на протяжении многих столетий. В современных условиях данная проблема актуализируется потребностью дальнейшего обеспечения и укрепления суверенитета страны, социальной и государственной стабильности, достойного уровня жизни людей. Одним из условий достижения этих целей является выработка и реализация политического курса, учитывающего интересы Российского государства и общества в условиях тотальной глобализации мира. Это важнейшая функция политического руководства страны, сообщества политиков национального и регионального уровней и требует

от них высокого профессионализма, подлинного служения своему народу.

Для политиков Республики Крым проблема обеспечения профессионализма их деятельности вытекает из необходимости оптимально решать и решить сложные, нестандартные задачи во всех сферах жизни крымского общества. На первый взгляд, это обычные задачи – обеспечение населения водой, качественной медицинской помощью, строительство дорог, развитие промышленности и сельского хозяйства, превращение Крыма в привлекательный регион туризма и отдыха миллионов людей и т. д. На самом деле такие задачи будут решаться впервые за несколько последних десятилетий развития республики. Их выполнение потребует не только значительных финансовых ресурсов (федеральные органы России необходимые ресурсы дают), но и высокого профессионализма политиков, как на уровне руководства и членов Правительства Крыма, депутатов Государственного совета Крыма, так и на уровне местного самоуправления.

Проблема профессионализма в политической деятельности волновала не одно поколение мыслителей, философов и политологов разных стран. Так, Платон в диалоге «Политик», рассуждая о сущности политики, отмечал, что это искусство, требующее глубоких знаний и умений управлять людьми: «Это одно из сложнейших и самых труднодостижимых умений. Его надо понять для того, чтобы знать, кого следует отделить от разумного государя из тех, кто делает вид, что они политики, и убеждает в этом многих, на самом же деле вовсе не таковы»¹.

Другой древнегреческий мыслитель, Аристотель, в своих произведениях «Никомахова этика», «Большая этика», «Политика» освещает различные стороны деятельности и профессионализма политика. Он пишет, что основополагающим признаком этой деятельности является политичность, выражающаяся в том, что политик имеет дело с общественными интересами, властью, управлением. Его предназначение –

служению обществу, поддержание в нем законности, правового порядка, социального мира².

Профессиональные качества политика Аристотель выводит из задач, решаемых обществом и государством, формы государственного правления, уровня социокультурного развития страны. Актуальными и для современных политиков являются слова Аристотеля о том, что политик должен быть способным утверждать и поддерживать власть закона. Закон стоит выше всех правителей. Тот, кто требует, чтобы властвовал человек, «привносит в это и животное начало, ибо страсть есть нечто животное и гнев совращает с истинного пути правителей, хотя бы они были и наилучшими людьми»³. Древнегреческий мыслитель не признавал такие государственные устройства и политическую деятельность, в которых отсутствует власть закона⁴.

Особое значение Аристотель придавал моральному облику политика. В «Большой этике» он подчеркивал, что «совершенно невозможно действовать в общественной жизни, не будучи человеком определенных этических качеств, а именно человеком достойным. Быть достойным человеком – значит обладать добродетелями. И тому, кто думает действовать в общественной и политической жизни, надо быть добродетельного нрава»⁵. Нравственность политика позволяет проявиться другим значимым в политической деятельности качествам, например способности поступать справедливо, служить общей пользе⁶.

Неотъемлемыми качествами политика, писал Аристотель, являются организованность и ответственность, способность сознательно выполнять указы, постановления, распоряжения вышестоящей власти и свои собственные⁷.

Политическая тематика была главной и для Н. Макиавелли, известного, прежде всего, такими трудами, как «Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», «О военном искусстве», «История Флоренции». Отметим, взгляды итальянского политического деятеля и мыслителя, как и в целом его произведения, можно понять лишь в контексте исторической эпохи, характера и содержания социально-политической жизни Италии на рубеже XV–XVI вв. После четырехсотлетнего поступательного развития страна была раздроблена на ряд княжеств. Итальянское общество было деморализованным. Террористические методы правления, перевороты, невыполнение властью обещаний, даваемых народу – вот та историческая ситуация, в которой пришлось жить и творить Н. Макиавелли. Мыслитель понимал политику как область властных отношений, решений и действий, имеющих свою логику, отличную от логики человеческих действий в других областях общественной жизни и определяемую понятием морального блага. На основе исследования исторического и политического процесса мыслитель приходит к выводу, что политики могут обладать различными интеллек-

туальными, деловыми, морально-волевыми качествами: благотворительность и жестокость; верность и предательство; робость и смелость; целомудренность и развратность, серьезность и легкомыслие и т. д.⁸ К интегральным качествам государя Н. Макиавелли относил: мудрость, способность разрешать противоречия и конфликты, объединять общество, обеспечивать порядок, защищать страну. Он предлагал правителю уподобляться льву и лисе. Речь идет о сочетании баланса силы, насилия, хитрости и изворотливости. Подлинный правитель – это тот, кто умеет сочетать силу льва с изворотливостью лисы, т. е. быть одновременно и сильным, и хитрым. Только в этом случае ему удастся избежать политических «капканов», «отпугнуть волков» и в конечном счете расправиться с врагами⁹.

Одним из механизмов реализации власти является политическое решение, предполагающее мудрость и ответственность политика. Любое решение, полагает мыслитель, содержит как позитивные свойства, так и недостатки. Важно свести к минимуму негативное в принимаемых решениях. Автор «Государя» пишет: «...не надо только надеяться на то, что можно принять безошибочное решение, наоборот, следует сразу смириться с тем, что каждое решение сомнительно, ибо это в порядке вещей, что, избежав одной неприятности, попадаешь в другую, однако в том и состоит мудрость, чтобы, взвесив все возможные неприятности, наименьшее зло воспринять как благо»¹⁰. Н. Макиавелли указывает на необходимость для государя обладать способностью своевременно замечать зарождение проблем, противоречий в развитии общества, находить эффективные подходы для их разрешения и преодоления¹¹. Умение осуществлять подбор советников, помощников Н. Макиавелли рассматривает как условие успешной деятельности государственной власти: «Чтобы судить об уме князя, надо, прежде всего, видеть его при приближенных. Если они дельны и преданны, князя можно считать мудрым, потому что он сумел распознать годных и удержать в верности себе. Но если они не таковы, то вполне возможно неблагоприятное суждение о князе, потому что первую свою ошибку он делает именно в этом выборе»¹².

Основоположники марксизма К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно обращались к проблеме качеств политика, вождя, руководителя политической партии, подчеркивали значение предрасположенности, психологической готовности к политической деятельности. Ф. Энгельс, рассматривая профессиональную партийную, идеологическую деятельность, отмечал, что идеолог и публицист партии должен обладать всесторонней образованностью, широкой эрудицией, гибким умом, твердой идейной убежденностью, партийной принципиальностью, острым политическим зрением, мужеством и стойкостью в

борьбе за партийные идеалы. Лидеру должны быть присущи решительность, энергичность, готовность к риску, к компромиссу¹³.

Рассуждая о гибкости, хитрости в политике, умения заключать выгодные соглашения, К. Маркс писал: «В политике ради известной цели можно заключать союз даже с самим чертом, – нужно только быть уверенным, что ты проведешь черта, а не черт тебя»¹⁴.

Известный немецкий социолог, историк, экономист М. Вебер в своих работах проводит мысль, что политическую деятельность профессионального уровня осуществляют не рядовые граждане, для которых политика лишь одна из областей их интересов, а те, для которых политика является главным занятием, источником существования, а подчас и смыслом жизни, так как позволяет наиболее полно развить свойства личности и реализовать свои интересы. К качествам политика-профессионала М. Вебер относил страсть, чувство ответственности, глазомер. Ученый был убежден, что важнейшим стимулом занятия политикой является страсть, «самоотдача политике ... должна быть рождена и вскормлена только страстью». Однако это «нормальное» для политика качество приобретает патологический характер в случае отношения к власти как к самоцели вне его содержательного смысла, суть которого – служение делу. Именно в этой ситуации конечный результат политической деятельности может стать диаметрально противоположным желаемому¹⁵. Глазомер (качество, по М. Веберу, является решающим) – это способность с внутренней собранностью и спокойствием реагировать на окружающее, иными словами, требуется дистанция по отношению к вещам и людям. Политика «делается» головой. Дистанцию политик должен соблюдать не только по отношению к другим людям, но и по отношению к своим собственным, чисто человеческим способностям. Политика есть мощное, медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером. Но холодный глазомер М. Вебер при этом ставит на первое место.

М. Вебер является сторонником и одним из основателей компромиссного подхода взаимоотношений морали и политики. Он полагал, что не следует разделять этику и политику, хотя необходимо учитывать особенности последней, главной из которых является применение насилия. Специфическое средство легитимного насилия в руках человеческих союзов, пишет он, и обуславливает «особенность всех этических проблем политики»¹⁶. Для того чтобы очертить границу влияния нравственности на политику, М. Вебер разделяет мораль на этику убеждений и этику ответственности. Этика убеждений требует неотступного следования нравственным принципам, независимо от того, к каким результатам это приводит, не считаясь с затра-

тами и жертвами. Этика ответственности, напротив, предполагает учет конкретной обстановки, ориентацию политики, в первую очередь, на ее последствия, внутреннюю ответственность политиков за те результаты своих действий, которые можно предвидеть, готовность предотвратить большее зло, в том числе и с помощью зла меньшего. Этика убеждения и этика ответственности не суть абсолютные противоположности, но взаимодополнения, которые лишь совместно составляют подлинного человека, того, кто может иметь «призвание к политике». Соотношение этики ответственности и этики убеждений в реальной политической деятельности должен определять сам политик¹⁷.

Полагаем, заслуживают внимания по заявленной проблеме и взгляды на рассматриваемую проблему Ивана Александровича Ильина. Политика, с точки зрения И. А. Ильина, «есть прежде всего **служение**, – не “карьера”, не личный жизненный путь, не удовлетворение тщеславия, честолюбия и властолюбия. <...> **«Истинное Политическое служение** имеет в виду не отдельные группы и не самостоятельные классы, но **весь народ в целом**»¹⁸. И. А. Ильин отмечал: кто этого не понимает или не приемлет, тот не способен к истинной политике, тот может только извратить ее, опошлить и сделать из нее карикатуру или преступление. Много места в работах И. А. Ильина отводится профессионализму политика. Политика требует отбора лучших людей – умнейших, прозорливых, ответственных, способных к служению, талантливых организаторов, опытных объединителей, не связанных никакими закулисными «приказами» и «запретами». Одновременно И. А. Ильин указывал на опасности для общества и государства, исходящие от людей, оказавшихся на государственных должностях, но по своим качествам не отвечающим требованиям политической деятельности. В статье «О государстве» мыслитель писал: «Своекорыстные, безнравственные, продажные люди; беззащитные и беспринципные карьеристы; циничные демагоги; честолюбивые и властолюбивые авантюристы, – не говоря уже о простых преступниках – не могут ни создать, ни поддерживать здоровый государственный организм»¹⁹. В другой статье («О политическом успехе»), размышляя о нравственном облике политика, философ отмечал: «Нет ничего более жалкого, как бессовестный и безответственный политик: это человек, который желает фигурировать, но не желает отдаться целиком своему призванию; – который в своей деятельности всегда не на высоте; – который бежит от своей собственной тени. Это трус по призванию, который не может иметь политического успеха»²⁰.

Проблема политической деятельности, различные аспекты профессионализма политика рассматриваются в работах мыслителей прошедших эпох – Дж. Локка, Т. Гоббса, А. Гольбаха,

В. Парето, Г. Моски, Р. Михельса, М. Острогорского, В. Ленина, Н. Бердяева, П. Сорокина и др. К сожалению, объем статьи не позволяет рассмотреть их взгляды.

В современных условиях о профессионализме политика немало написал А. С. Панарин, пишут Г. Ашин, О. Гаман-Голутвина, Е. Егорова-Гантман, В. Игнатов, Б. Капустин, С. Кара-Мурза, О. Крыштановская, Л. Никовская, В. Понеделков, А. Соловьев, А. Старостин, С. Сулакшин, Я. Пляйс, О. Шабров, Е. Шестопал и др.

Анализ востребованной литературы по рассматриваемой проблеме позволяет говорить о следующих обобщающих свойствах, раскрывающих сущность и признаки профессионализма политика:

– профессионализм как качество отдельного субъекта политической деятельности (профессиональной группы) обуславливается потребностями общества и носит конкретно-исторический характер;

– профессионализм политика вряд ли оправданно рассматривать как одно из качеств в ряду многих других, таких как самостоятельность, целеустремленность, политическая компетентность, коммуникабельность. Профессионализм – это интегральное качество субъекта политической деятельности;

– профессионализм политика моделируется содержанием и требованиями конкретного вида политической деятельности, объемом возложенных на политика задач;

– профессионализм политика тесно связан с духовными ценностями и ориентациями индивида (что влечет человека в профессиональную политическую деятельность, ради чего он решил ею заниматься). Духовность, нравственный потенциал являются внутренними движителями устремленности к профессии политика, развития и реализации профессионализма на практике, т. е. профессионализм выступает как своеобразный социокультурный феномен;

– профессионализм политика (профессиональной группы) не может быть статичным, раз и навсегда установленным состоянием. Он изменяется, обогащается с учетом решаемых обществом и государством задач.

Таким образом, профессионализм политика – это высокая степень совершенства индивида в политической деятельности, обусловленная совокупностью личностных и деловых качеств, позволяющая выполнять возложенные на него профессиональные обязанности на уровне высоких образцов, сложившихся в политике к настоящему времени. В нем можно выделить две стороны: прагматическую и ментальную. Первая характеризует степень готовности субъекта к политической деятельности, а также способ взаимодействия субъекта с объектом и предметом труда. Это совокупность профессионально зна-

чимых знаний, навыков, умений, а также стиль профессионального мышления, составляющих профессиональную компетентность. Ментальная сторона выступает обобщающей характеристикой сознания и самосознания субъекта политики, нравственно-мировоззренческих и волевых качеств политика. Выделяя в профессионализме политика ментальную сторону, мы исходим из тезиса, что обеспечение эффективной политической деятельности зависит не только от знаний, умений, способностей политика, но и от отношения к выполнению профессиональных обязанностей. Только взаимосвязь указанных двух сторон профессионализма может обеспечить успех деятельности политика.

Анализ проблемы применительно к Крыму требует подчеркнуть, что перед политиками стоят масштабные и одновременно новые задачи в развитии агропромышленного и животноводческого комплекса, курортов и туризма, здравоохранения, образования, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, земельных отношений. Важно сохранить социальный мир и общественное спокойствие, развитие культуры всех этносов Крыма, толерантность конфессий. Необходимо завершить реальную интеграцию крымского общества в правовое, экономическое, социокультурное поле Российской Федерации, исключить коррупцию. Предстоит освоить значительные финансовые ресурсы, отпускаемые федеральным бюджетом на развитие всех сфер Крыма. Так, на период до 2020 г. в федеральном бюджете на решение этих задач заложено 708 млрд рублей²¹.

Анализ содержания этих задач позволяет говорить, что их решение требует от политиков, с одной стороны, незаурядных управленческих способностей, а с другой – высокого социально-нравственного развития, готовности работать на благо крымского общества. Ответственность, инициатива, новаторство, огромное трудолюбие сегодня, как никогда, должны быть свойственны участникам политической жизни.

Следует отметить такое качество, как способность к проектированию долгосрочных задач и конкретных профессиональных действий по решению этих задач. Правомерен тезис, что политики, не способные на проектирование, обречены на неэффективную деятельность.

Все большее значение приобретает нравственность политика, его совесть. Изучение проблемы показывает, что в общественном сознании крымчан присутствует представление о том, что ряд трудностей и медленное решение задач в здравоохранении, земельных отношениях, жилищно-коммунальном хозяйстве, дорожном строительстве, а также в деятельности правоохранительных органов, налоговой службы связаны не только с недостаточным профессионализмом, но и с нравственным обликом политиков, подчиненных им чиновников. Речь идет о нечестности, склонно-

сти к обману, воровству, мошенничеству, коррупции. Значительная часть населения поддерживает идею нравственности, честности политиков и чиновников как единственно возможного средства подлинного обновления общества и наведения в нем достойного порядка.

Как известно, в 2014 г. в Крыму усилиями избирателей и политиков сформированы органы государственной власти и местного самоуправления. Состоялись выборы в Государственный совет Республики Крым. Избрано 75 депутатов (70 – от партии «Единая Россия» и 5 – от ЛДПР). Председатель Государственного совета – В. Константинов.

Сформирован Совет министров Республики Крым, в который на сегодня входит 30 человек, из них 8 – женщины. По возрасту: до 40 лет – 5 человек; до 50 лет – 6; до 60 лет – 14; старше 60 лет – 5 человек. Возглавляет Совет министров С. Аксенов. Работает местное самоуправление.

Проводимые социологические опросы показывают, что подавляющее большинство крымчан поддерживают своих политиков и процессы, протекающие в Крыму. Одновременно отметим, идеальный образ политика и его современное воплощение имеют различия. Они выражаются в том, что требования к политикам республиканского и муниципального уровней и реальная деятельность политиков расходятся. Ряд политиков, как показывают события последнего года, ориентируются в профессиональной деятельности на личный и корпоративный интересы. В достижении успеха опираются на финансовый и административный, а не на личностный ресурс. Люди видят расхождение между задачами, которые призваны решать политики, и их управленческими способностями. Некоторые из них, оказавшись на политических должностях, проявили недостаточные, а в отдельных случаях низкие управленческие способности, извращенный нравственный облик и в конечном счете не смогли эффективно работать в новых условиях.

Изучение проблемы свидетельствует также, что ряду политиков представительной и исполнительной ветвей власти не хватает инициативности, новаторства и элементарного профессионализма. Не случайно Председатель Правительства России Д. Медведев, находясь в Крыму, отметил, что задача федерального правительства – не просто «залить» Крым деньгами, а в том, чтобы **развивать собственные источники** роста. Ведь строить можно по-разному. Можно применять старые, «убитые» технологии, создавать видимость изменений, заниматься в конечном счете самообогащением и т. п. Представляется, что такое отношение к делу крымчане не простят политике²².

Анализ рассматриваемой проблемы позволяет говорить, что на возникновение проблем и противоречий в политической деятельности в Крыму влияют разные факторы.

Во-первых, процесс рекрутации в политику происходит в обществе, которое почти четверть века находилось в иной социально-экономической и политической системе и переживало деградацию ценностного поля во всех сферах жизнедеятельности, в том числе политико-управленческой. Сложилась традиция – путь человека в политику определялся богатством, хитростью, удачей, личной преданностью вышестоящему политику, родственными связями. Эта традиция не могла способствовать селекции подлинных политиков, отбору на политические должности лучших. К сожалению, она сохраняется в известной степени и сегодня, способствуя тому, что процесс профессионализации вошедших в политику людей проходит противоречиво, ограниченно. Как известно, спецификой профессии политика является то, что это – вторая профессия, к ней не готовят в вузах, она начинается с назначения или избрания человека на политическую должность. До этого человек проходит подготовку по определенному профессиональному направлению, приобретает как профессиональный, так и жизненный опыт, «впитывает» господствующие в общественной среде ценности и нормы. Как показывает сегодняшняя практика, полученный опыт, в особенности его нравственный аспект, содержит серьезные изъяны. С ними человек входит в профессию политика, для которой эти изъяны в идеале недопустимы. Возникает противоречие между требованиями профессии политика к социально-нравственным и деловым качествам и реальной сформированностью этих качеств у вступающего в новую для себя профессию.

Во-вторых, контроль политических партий за процессом отбора кандидатов в выборные политические институты или на должности в системе исполнительной власти несовершенно. Требования со стороны партии сводятся преимущественно к тому, умеет ли кандидат публично выступать, доказал ли он свою лояльность партии и ее лидеру. Морально-нравственная составляющая личности будущего политика (которую, конечно, изучить сложнее), управленческие способности нередко остаются вне внимания руководства партии.

В-третьих, влияние гражданского общества на процесс рекрутации и профессионализации политиков в настоящее время является малоэффективным, механизм такого влияния пока не выработан.

В-пятых, роль политической науки как средства исследования политической деятельности и «врачевания» политиков принижена, рекомендации ученых игнорируются. Зачастую политические лидеры считают себя выше мнения ученых.

Указанные причины, на наш взгляд, способствуют тому, что в профессиональной группе политиков Крыма оказываются в том числе люди, не предрасположенные к политической деятель-

ности, имеющие, как показывает практика, явное рассогласование социально-нравственных, с одной стороны, и профессиональных (деловых) качеств, с другой. Процесс профессионализации этой части политиков протекает болезненно, его временные рамки увеличиваются. Общественная польза таких политиков невелика. Напротив, порой они наносят ущерб обществу, делу, которому призваны служить. Немалая часть вошедших во власть – и политиков, и чиновников – рассматривают занимаемые должности как источник обогащения, а не служения обществу; отдают предпочтение имитации функциональных обязанностей; публично демонстрируют аморальное поведение. Некоторые политики и чиновники уличены во взяточничестве и коррупции. Так, за период 2014 – август 2015 г. зарегистрировано около 700 поданных преступлений, из которых 17% связаны с нецелевым использованием бюджетных средств. От занимаемых постов были освобождены более 60 чиновников, в том числе из высших эшелонов власти²³. За этот же период по различным мотивам и основаниям ушли в отставку подавляющее большинство мэров городов и поселков Крыма, некоторые из них были осуждены.

Изложенное позволяет говорить о том, что в Крыму имеет место дефицит кадров политиков, общественная система республики испытывает потребность в управленцах нового поколения, сочетающих профессиональную компетентность и политическую культуру, культуру гражданскую и культуру нравственную.

Разрешить эту проблему будет не просто. В какой-то мере она будет решаться за счет приезжих из других субъектов Российской Федерации. Необходима программа формирования и подготовки резерва кадров, разработанная совместными усилиями органов государственной власти, местного самоуправления и общественных организаций. Цель программы – поднимать по социальной и властной лестнице неординарных людей, оказывая помощь в их профессиональном росте. Составной частью программы должно стать создание механизма отбора кадров в Крыму из числа наиболее пассионарных, патриотически настроенных, умных и энергичных молодых управленцев, юношей и девушек. Критерии отбора должны быть, скорее всего, комбинированными. Речь идет о работе с представителями и сторонниками политических партий, которые находят поддержку в крымском обществе, а также с активистами объединений гражданского общества.

Автор не разделяет подхода, когда молодого человека без серьезной проверки на начальных должностях поднимают на вершину, с которой существует большая вероятность «упасть». Нужно решительно отбраковывать недостойных от соблазна и обольщения властного места как можно раньше.

Для профессионального взросления необходимо моральное чистилище, в котором должны

принимать участие рядовые граждане, живущие в поселке, районе, городе и знающие этого человека. Следует отметить, что в современном демократическом обществе управление общественными процессами перестает быть исключительно прерогативой государства. В той или иной форме, в том или ином качестве в этот процесс вовлекаются другие субъекты, прежде всего структуры гражданского общества. Одной из них является общественная палата. Общественная палата Республики Крым должна стать своеобразным инструментом балансировки интересов в обществе путем: проведения общественной экспертизы проектов законов Республики Крым, а также проектов нормативных правовых документов органов исполнительной власти Крыма и проектов правовых актов органов местного самоуправления; осуществления общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти и органов местного самоуправления и т. п. Качество принимаемых политико-управленческих решений и их реализация является одним из показателей профессионализма, профессиональной культуры политика и его команды.

Таким образом, профессионализм как в прошлом, так и сегодня выступает одним из интегральных свойств субъекта политической деятельности. Это – сложная система профессиональных умений, навыков и обслуживающих их знаний, органично связанная с профессиональным самосознанием политика и позволяющая ему систематически и эффективно осуществлять возложенные на него должностные обязанности. Процесс профессионализации политиков в Республике Крым протекает противоречиво, что связано с рядом факторов, в том числе с влиянием недостатков прежней практики профессионального отбора политиков, с индивидуальным ресурсом социально-нравственного и профессионального развития лиц, занимающих политические должности, с отсутствием пока устойчивых традиций эффективной политической деятельности в современных условиях.

Разрешению противоречий процесса профессионализации политиков могут способствовать: учет в ходе избирательного процесса, а также при назначении на политическую должность как профессиональной предрасположенности, так и социально-нравственного развития личности; совершенствование пропорциональной избирательной системы – применение открытых партийных списков, а не закрытых, как практикуется сейчас; усиление влияния структур гражданского общества на процесс выдвижения индивидов на политические должности; освобождение от занимаемых должностей политиков, скомпрометировавших себя, и законодательное запрещение таким лицам занимать в последующем политические должности; создание крымского центра по подготовке, переподготовке и повышению квалификации политико-

управленческих кадров, акцентируя внимание при этом в учебном процессе на правовую и государственно-управленческую подготовку, а также ценностно-смысловой аспект политической деятельности. Важно, чтобы система повышения квалификации руководителей и специалистов носила перспективный характер.

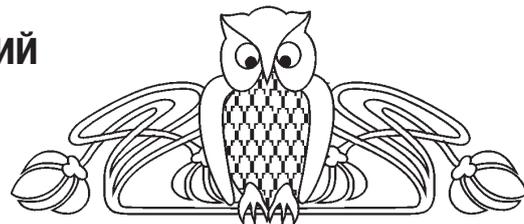
Примечания

- ¹ Платон. Политик // Платон. Сочинения : в 3 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Т. 3. Ч. 2. М. : Мысль, 1972. С. 57.
- ² См.: Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. / под общ. ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. С. 585–586.
- ³ Там же. С. 481.
- ⁴ Там же. С. 497.
- ⁵ Аристотель. Большая этика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. С. 296.
- ⁶ См.: Аристотель. Политика. С. 467.
- ⁷ Там же. С. 452.
- ⁸ См.: Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Ростов н/Д : Феникс, 1998. С. 102.

- ⁹ Там же. С. 109.
- ¹⁰ Макиавелли Никколо Ди Бернардо // 106 философов : Жизнь. Судьба. Учение : в 2 т. / сост. П. С. Таранов. Симферополь : Таврия, 1995. Т. 2. С. 110.
- ¹¹ Там же. С. 109.
- ¹² Макиавелли Н. Государь. С. 129–130.
- ¹³ См.: Энгельс Ф. Коммунисты и Карл Гейнцен // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М. : ИПЛ, 1955–1981. Т. 4. С. 268–285.
- ¹⁴ Маркс К. Кошут, Мадзини и Луи Наполеон // Там же. Т. 8. С. 410–411.
- ¹⁵ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 690.
- ¹⁶ Там же. С. 694–695.
- ¹⁷ Там же. С. 697–705.
- ¹⁸ Ильин И. А. О политическом успехе // Ильин И. А. Путь к очевидности. М. : Республика, 1993. С. 357.
- ¹⁹ Ильин И. А. О государстве // Там же. С. 260.
- ²⁰ Ильин И. А. О политическом успехе. С. 362.
- ²¹ См.: Егоров И. Боевики не пройдут // Рос. газ. 2015. 6 авг. С. 3.
- ²² См.: Кузьмин В. Будем наводить мосты // Рос. газ. 2015. 28 апр. С. 6.
- ²³ См.: Егоров И. Указ. соч.

УДК 328.36

ПОНЯТИЯ «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ» И «ИСЛАМСКИЙ РЕНЕССАНС» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: СООТНОШЕНИЕ СМЫСЛОВ И ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

Д. Г. Мирзаханов

Дагестанский государственный технический университет,
Махачкала
E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

В статье исследуется взаимосвязь современных процессов глобализации и политизации ислама. Автор выявляет причину, по которой в отечественном политологическом дискурсе отсутствует внятное объяснение причинно-следственной связи между глобализацией и политизацией исламских сообществ, а также их возрастающей субъектности в региональной и мировой политике. В статье доказывается, что в последние десятилетия у политических сообществ исламского мира появились политические и экономические ресурсы для продвижения в мировую и региональную политику собственных проектов будущего глобального мироустройства. За определением «ренессанс ислама» скрывается способность исламских сообществ к самостоятельному продуцированию и продвижению в политику собственных проектов глобализации. В противовес упрощенному либеральному взгляду на мир, исламский проект глобализации демонстрирует гораздо большее богатство смыслов, вкладываемых в трактовки ключевых социально-политических ценностей.

Ключевые слова: ислам и глобализация, феномен мусульманского ренессанса, самоопределение исламского мира, политизация и адаптация исламских сообществ.

The Concepts of «Globalization» and «Islamic Renaissance» in Academic Discourse: Correlation of the Meanings and Cause-consequence Interdependence

D. G. Mirzakhanov

In article studies a correlation of modern processes of globalization and islamic politization. The Author is clarifying why in Russian academic discourse lack of clear explanation cause-consequence interdependence between both globalization and politization of islamic communities as well as their rising influence in the regional and world policy. The paper argue that in recent decades political islam demonstrate of political and and economic resources for support their own genuine projects in term of the future global order. In opposite to simplifying liberal's position to the modern world, islamic project of globalization propose and demonstrate much more interesting and promising interpretation of the key political values.

Key words: Islam and globalization, phenomenon of Muslim renaissance, self-determination of islam world, politization and adaptation of islamic commutities.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-77-84

В ряду сюжетов, которыми занимается современная политическая наука, два привлекают особое внимание исследователей. Это глобализационные процессы в современном мире и ускорившийся в последние десятилетия процесс политизации и радикализации ислама. В публикациях, посвященных глобализации, в ряду наиболее опасных ее последствий и «вызовов» нередко фигурирует активизация исламского фундаментализма и радикализма в странах «третьего мира», а также в Европе и США. В исследованиях, посвященных нынешнему всемирному «ренессансу ислама», именно глобализация нередко фигурирует в ряду первых причин проявления этого феномена. По утверждению одного современного исследователя, «только сейчас ислам фактически стал поистине глобальной религией, а понятие исламского мира в определенной степени оторвалось от географического измерения»¹.

Однако такая причинно-следственная связь выглядит естественной и органичной до тех пор, пока исследователи просто называют одно – причиной, другое – следствием. Пока дело не доходит до самостоятельного анализа структуры и свойств этих процессов. Здесь обнаруживается, что те суждения и оценки, которые одни исследователи высказывают по поводу глобализации, не всегда согласуются с теми суждениями, которые другие высказывают по поводу нынешних трансформаций, происходящих с исламом.

Речь в данном случае идет не о каких-либо подвижках в доктринальной сфере, а об изменениях той роли, которую ислам играет в мировой и региональной политике. Дагестанский политолог Н. М. Вагабов, проанализировавший в своей докторской диссертации основные направления и тенденции в современных исследованиях по исламской проблематике, в частности, отмечает: «...несмотря на существенное число исследований в этой области, некоторые важные вопросы относительно политических событий во многих мусульманских странах, вызванных исламским возрождением, все еще остаются без ответов. В частности, не много работ посвящено тому, каким образом ислам вдохновил на политическую борьбу десятки миллионов людей для торжества религиозных идей и принципов. Причем в восприятии большинства граждан Запада религиозное возрождение в мусульманском мире выступает как явление архаичное и иррациональное»².

Иначе говоря, автор считает в равной мере характерным, как для науки, так и для массового сознания, дистанцирование проблематики политической факторности ислама от проблематики глобальных перспектив цивилизованного человечества. С другой стороны, тот же автор констатирует: «Значительная часть исследований, касающихся проблем глобализации, по-прежнему игнорирует религию, что может свидетельствовать о том, что субстантивные или институцио-

нальные формы общественного сознания некоторыми учеными рассматриваются как менее значимые и несущественные»³. Другой современный исследователь к этому добавляет: «...на Западе ислам в основном воспринимается как абсолютный противовес любой рациональной программе развития, как надстройка к “азиатскому способу производства”»⁴. Точно так же, как нечто очень далекое от «магистрального пути» развития современной политики, он воспринимается и некоторыми отечественными политическими аналитиками. «Идентификация ислама, – утверждает, в частности, И. М. Семашко, – как альтернативного проекта глобализации – продукт не столько мусульманских идеологов в ответ на вестернизацию, сколько западных идеологов для внутреннего использования и трансляции вовне»⁵.

Отчасти, вероятно, такую позицию науки можно рассматривать как ее отклик на состояние массового сознания. Последнему, по наблюдению Д. Б. Малышевой, доктора политических наук, ведущего научного сотрудника Центра проблем развития и модернизации Института мировой экономики и международных отношений РАН, свойственно то, что «в западном, да и в российском общественном мнении именно ислам прочно ассоциируется с экстремизмом и терроризмом»⁶.

Получается так, что формально наука признает факт связи между глобализацией и бурной политизацией ислама и ростом числа его последователей в современном мире (что, собственно, публицисты часто обозначают понятием «исламский ренессанс»). Но в то же время не стремится к выяснению и объяснению того, как в реальности такая связь складывается и функционирует. Она, скорее, множит сомнения у потенциального читателя политологических публикаций. Если фактор «исламского ренессанса» в политической жизни современных развитых и развивающихся государств действительно настолько значим, как на этом настаивают его исследователи, то можно ли называть глобализацию «глобализацией»? «Население земного шара, – отмечает украинский исследователь А. А. Кудин, – составляет в наши дни примерно 5,7 млрд человек, мусульман из них приблизительно одна пятая, то есть 1,7 млрд. В мире существует 44 государства, где большинство населения составляют мусульмане. Последние образуют пространство от атлантического побережья Африки до берегов Средиземного моря, включая Ближний Восток, до Ирана, Афганистана и границ Пакистана с Индией, далее к северу до Казахстана – самой северной мусульманской страны»⁷.

Если подходить к вопросу арифметически, то, заметим, 1,7 млрд – это никак не одна пятая населения Земли. Это значительно больше. Плюс верно отмеченная автором цитаты, приведенной выше, концентрация населения, исповедующего

ислам, а вместе с этим и иные, нежели на Западе, жизненные стратегии в отдельных обширных регионах земли и в государствах, являющихся влиятельными игроками в мировых политике и экономике. В свете этих цифр и возникает вопрос: можно ли приложить понятие «глобализация» к процессу, в котором по принципиальным соображениям морально-этического, политического, экономического и правового характера не готовы или не желают участвовать миллионы последователей ислама по всему миру? Либо они готовы участвовать, но на принципиально иных условиях, нежели те, которые им предлагают страны западной либеральной демократии.

Заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин филиала Дагестанского государственного университета Г. Н. Сеидова в своей публикации приводит высказывание на этот счет руководителя культурного представительства Посольства Ирана в Москве А. Э. Торкамана, который полагает, что «глобализация является новой формой колониализма, в новейшее время выступающей под лозунгом глобализации экономики, но с неизменной целью всестороннего господства над странами Востока»⁸. В той же публикации приведены и слова более известного в мировой политике государственного деятеля – в начале 2000-х гг. Президента Ирана С. М. Хатами – во время выступления на «Саммите тысячелетия» в ООН: «Глобализация не должна сводиться к созданию более обширных рынков сбыта и поглощению национальных культур одной господствующей культурой. Это станет возможным лишь тогда, когда общие подходы, интересы и законы, осуществляемые на основе равенства и справедливости, будут распространяться во всем мире во имя прогресса»⁹. А если к числу тех, кто сегодня не разделяет уверенности сторонников либеральной стратегии глобализации в том, что это единственный путь в будущее для цивилизованного человечества, добавить еще и Китай, то «глобализация» в качестве стратегии и реального процесса будет выглядеть как-то совсем не глобально.

Если принять во внимание все, сказанное выше, то станет понятной вероятная причина, по которой в дискурсе отечественной политической науки отсутствует внятное объяснение причинно-следственной связи между глобализацией и активной политизацией исламских сообществ, их возрастающей субъектностью в региональной и мировой политике, экономике, культуре и правовых отношениях. Вместо объяснения такой связи последняя констатируется как факт, априорно всеми исследователями и политиками признаваемый, а потому как бы и не требующий всестороннего самостоятельного анализа.

Такую связь, в принципе, отечественному исследователю действительно трудно логически объяснить, если он воспроизводит дискурс западной либеральной политической науки. Иначе

говоря, утверждает, что у современной цивилизации есть только один «магистральный путь», что в ее основе лежит только одно – либеральное – толкование «естественных» прав и свобод человека, «общечеловеческих» ценностей социального общежития, что будущий мир может состояться в политическом, экономическом и культурном смысле только как мир либерально организованных государств и обществ. Что, таким образом, «глобализация является объективной закономерностью развития современного мира... Движение капиталов, финансовых потоков, миграция людей и их социальная мобильность, массовая культура влекут за собой интенсивную интернационализацию общественной жизни поверх национальных границ и требуют растущей экономической, социальной и политической интеграции»¹⁰.

Структура этого идеологического по своей сути насилия над логикой научного исследования современным исследователям, в принципе, понятна. «Общее у большинства определений то, – пишут авторы статьи о современном глобализационном процессе и современном его научном понимании, – что глобализация рассматривается, во-первых, естественным и объективным, а во-вторых, позитивным процессом. Утверждается, что она “безальтернативна”, “необратима”, “определяется рыночными, а не государственными силами” и как бы подводит итог всей эволюции человечества, и эти утверждения очень многими в современной политической науке принимаются за некую аксиоматическую константу, не подлежащую ни обсуждению, ни анализу»¹¹. Другое дело, что противодействовать такому насилию отечественной политической науке достаточно сложно уже потому, что само ее становление в качестве отрасли научного знания происходило в предшествующие десятилетия в режиме приобщения исследовательского сообщества России именно к достижениям западной либеральной теории.

Даже с применением идеологического насилия глобализация и политический «ренессанс ислама» не сходятся и не могут сойтись между собой в либеральном политологическом дискурсе в качестве причины и следствия по одному простому обстоятельству. Чтобы они сошлись, необходимо признание либеральной политической наукой, вопреки логике ее методологических оснований, того факта, что развитие современного мира не может быть сведено к одной единственной стратегии, какой бы замечательной она ни выглядела.

Уже в прошлом веке нынешняя и не первая в мировой истории глобализация начиналась и до сих пор продолжается как конкурентная борьба в мировом масштабе многих проектов будущего. И не только, условно говоря, «христианского» и «исламского». Представляется, что либерально ангажированными политологами слишком по-

спешно из ряда конкурентов выведен советско-демократический проект. Советский Союз, как главный двигатель данного проекта, сошел с геополитической сцены. В политике многих современных государств, тем не менее, и не только на постсоветском пространстве, специфически советское понимание гражданами и элитами сути «общечеловеческих ценностей» продолжает оказывать значимое влияние на политический процесс. А это значит, что «советско-демократический ренессанс», в принципе, не менее вероятен при определенном стечении геополитических условий, чем «ренессанс исламский».

Распад колониальной и неоколониальной систем, охватывавший исторически значительную часть «исламского мира», на многие десятилетия вплоть до последнего времени сконцентрировал внимание и усилия политических и культурных элит стран «третьего мира» на решении иной задачи. Пока «западный мир» и «социалистическое содружество» разрабатывали и внедряли в практику свои либеральные и социалистические проекты, «третий мир» занимался выработкой уникальных национально-государственных идентичностей, спецификацией своей региональной и мировой политической и экономической субъектности. Это было важно и по причине стремления к государственному самоопределению шиитских и суннитских политических и религиозных сообществ. Собственно, нынешний всплеск активности исламского радикализма в мире правомерно, на наш взгляд, рассматривать как естественный элемент этого процесса. Потому, прежде всего, что поиск и конструирование (как это было и в западных странах в XIX столетии, когда образовавшиеся национальные буржуазные государства активно искали свои «национальные идеи») велись по всему существующему в наличии идеологическому спектру: от крайне правого до крайне левого его крыла.

Перед этой первоочередной задачей долгое время на второй план отступала задача соучастия в той «интернационализации общественной жизни поверх национальных границ», которая в сознании современных исследователей ассоциируется с «объективно реальной» стратегией глобализации. Тем более, что тогда и до сих пор отчасти в сознании исламских обществ такое толкование стратегии глобализации, в сущности, ни с чем хорошим, кроме западного колониализма и культурной вестернизации, не ассоциируется. В связи с этим вырисовывается еще одна линия причинно-следственной связи между процессами глобализации и «исламского ренессанса». О нынешнем, преимущественно либеральном тренде глобализации как причине пробуждения «мира ислама» к политическому творчеству можно говорить именно в том смысле, что она мотивировала разумность вложения исламскими сообществами современного мира

разнообразных ресурсов, накопленных в период становления суверенных национальных государств, в дело политического проектирования будущего мироустройства. Это, что выглядит разумным в геополитическом смысле, вложение средств и сил в гарантии того, что в будущей политике, культуре, экономике и праве не будет места каким-либо новым версиям колониальной политики, склонность к созданию которых в XX столетии проявили развитые страны либеральной демократии.

В последние десятилетия у политических сообществ исламского мира появились устойчивые политические и экономические ресурсы для участия в создании и продвижении в региональную и мировую политику собственных интересов развития и проектов будущего глобального мироустройства. И это, вероятно, самое важное в сущности того процесса, который усилиями современных публицистов получил наименование «исламского ренессанса». В качестве мировой религии и идейной основы базовых общественных практик значительной части населения Земли ислам никуда не исчезал, чтобы сегодня можно было бы буквально говорить о его возрождении как религии, как образа жизни и мировоззрения миллионов людей на Земле. Ислам был последние семьсот с лишним лет и остается мировой религией. Но сегодня в свете новых обстоятельств мирового политического процесса, связанных с глобализацией, стало более заметным то качество данной религиозной доктрины, которым ислам исконно обладал как мировая религия, – сформулированный «общечеловеческий» собственный проект будущего мироустройства. Причем (и в этом тоже состоит принципиальное отличие «исламского» проекта от проекта «западного», подразумевающего, что достигнутый развитыми странами уровень политических, экономических и правовых отношений, в принципе, достаточен и для будущего, и его принципиальное сходство с проектом советско-демократическим) будущего мироустройства обязательно иного, чем есть сегодня, более справедливого в основах своей организации, чем в настоящее время.

По сути, за определением «ренессанс ислама», если данным понятием обозначать меняющиеся параметры факторности данной мировой религии в мировом и региональном политическом процессе, скрывается именно эта, относительно недавно и довольно неожиданно для западного мира обратившая на себя всеобщее внимание способность исламских сообществ к самостоятельному продуцированию и продвижению в политику собственных проектов глобализации. Проектов, заметим, основанных (как и «западный» проект) на апелляции к «общечеловеческим» ценностям, но, что принципиально важно, с иным толкованием смысла этих ценностей. По справедливому наблюдению Г. Н. Се-

идовой, «главное и обоснованное требование мусульманского мира – перераспределение части мирового богатства, доходов ТНК и других корпоративных структур в пользу беднейшей части населения планеты. Жизнь настоятельно диктует необходимость ликвидации монополий “глобальных игроков” на ноу-хау и современное образование, высокие технологии, закрепление права отдельных наций и народов на самоопределение, свой язык, свою систему ценностей, культуру»¹².

Если таковую способность исламских обществ к самостоятельному проектированию своего и всего мира политического будущего рассматривать в качестве определяющего фактора и маркера «исламского ренессанса» в современном мире, то появляется логичное объяснение его связи с глобализацией как процессом. В методологии политического исследования тогда будет допустимым исходить из факта параллельной реализуемости сразу многих проектов построения будущего глобального миропорядка, среди которых условно лидируют «исламский проект» и «христианский проект».

Условно это лидерство потому, что оно не совсем объективный факт. Точнее было бы сказать, что оно есть факт, сконструированный в медийном пространстве по ходу осмысления либеральной западной политической наукой причин, по которым у якобы безальтернативного либерального проекта глобализации вдруг появляются какие-то весомые альтернативы. Согласно исследованиям последнего времени, в формировании основ мировоззрения и политической культуры современных обществ лидерство принадлежит вообще не мировым религиям. «Если сравнивать годовые темпы роста различных религий и мировоззренческих установок за последние сто лет, то на первом месте оказываются атеисты, во втором – агностики, на третьем – спириты, – утверждает Ю. Синелина, руководитель отдела социологии религии ИСПИ РАН. – Быстрее всего в 2000–2010 годах росло число даосов, бахаи и мусульман. Следует, правда, заметить, что темпы роста числа христиан пока не очень сильно отстают от мусульман – 1,35 и 1,8 соответственно. Характерные черты религиозных изменений в течение всего XX и начала XXI века – все большее разнообразие религий в условиях глобализации, плюрализация религиозной ситуации, приватизация и субъективизация религии, появление новых религиозных движений. Сама религия, формы ее проявления в обществе, деятельность религиозных институтов, принципы организации религиозных сообществ подверглись трансформации. У людей появляется возможность конструировать себе религию из тех символических систем, которые представлены на “религиозном рынке”, так называемая религия “a la carte”, или “лоскутная религия”, или “бриколаж”. Сегодня рынок религиозных симво-

лов принял глобальный характер, человек может выбирать компоненты практические из любой религии, религиозной практики»¹³.

К сказанному авторами строк, приведенных выше, следует добавить, что за всеми атеистическими и неатеистическими тенденциями в развитии современных обществ стоят более или менее оформленные и социально значимые проекты будущего мироустройства. Масштабы того «мира», которому данный проект предназначен, разными проектировщиками на индивидуальном и групповом уровне их политического бытия воспринимаются различно, и это сказывается на качестве самих проектов. Представляется, однако, совсем не случайным факт роста социальной популярности, с одной стороны, традиционных религий как основы конструирования проектов политического будущего, а с другой – популярности в качестве такой основы «лоскутных религий».

Традиционные мировые религии облегчают сегодня конструирование будущего тем, что предлагают конструкторам готовый и исторически многократно апробированный алгоритм решения проблемы будущих ожидаемых обществом изменений в политике, экономике и праве. Разного рода современные квазирелигии, напротив, соблазняют современного «человека политического», склонного к размышлениям о будущем мира, привлекая набором готовых для сборки «деталей» (своего рода «модулей», включающих типовые идеи и формы поведения), из которых любой современный человек по своему произволу может составить любую, даже самую невероятную с точки зрения показаний исторического опыта картину глобального будущего.

Это, на наш взгляд, действительно важная тенденция, олицетворяющая собой суть текущей глобализации, если смотреть на этот процесс шире, не ограничиваясь теми либеральными трактовками, которые сегодня доминируют в политической аналитике. В рамках этой тенденции проясняется еще одна линия причинно-следственной связи «исламского ренессанса» с процессом глобализации, если под таковым понимать нечто большее, чем только торжество либеральной идеологии и политической практики во всемирном масштабе. «Исламский ренессанс», если рассуждать диалектически, вероятнее всего, не состоялся бы как факт современной политики, если бы его противником, как это было на протяжении многих веком всемирной истории, были бы только мировые религии и те проекты будущего, которые они генерировали. Если бы все ограничивалось только тем, что, по верному замечанию автора, которого мы уже цитировали, «конец XX века для многих неожиданно ознаменовался возвращением религиозного фактора в политику и общественную жизнь. Наиболее заметным стало возросшее влияние ислама, но на междуна-

родной религиозной арене повсюду оказались на подъеме консервативные, традиционные и ортодоксальные движения. Это происходило в США (упадок основных направлений протестантизма и рост евангелических движений), в России (возрождение православия), в католических странах, в Израиле (возросшее влияние консервативного течения в иудаизме), в Индии (ситуация в индуизме и сикхизме)¹⁴.

Сам факт того, что начали ускоренными темпами трансформироваться все мировые религии, наводит на мысль, что главный вызов, породивший нынешний общий «ренессанс» и «исламский ренессанс» в том числе, существенно изменивший и ужесточивший глобальную и региональную конкуренцию между мировыми религиями за влияние на жизнь большинства современных обществ и государств, находится вовне сферы собственно межконфессиональных отношений. Этим вызовом, вероятно, является уже упомянутая тенденция к секуляризации и квазирелигиозной мотивации многих базовых ценностей и повседневных практик современных обществ, составляющая своего рода стержень всего процесса глобализации. Это, в сущности, тот мегапроект глобального будущего земной цивилизации, перед лицом которого и мировые религии сегодня развивают невиданную в прежние десятилетия политико-проективную активность.

В условиях, когда в обществе множится число людей, исповедующих постмодернистскую жизненную философию мыслительного и деятельностного произвола, проект будущего, освященный авторитетом какой-либо из мировых религий, оказывается гораздо привлекательнее для сознания нормального среднестатистического человека уже потому, что он историчен, легитимирован опытом многих поколений и этот опыт есть своего рода объективное подтверждение реализуемости данного проекта, своеобразная страховка от субъективного произвола. Такая возрастающая активность мировых религий создает уже иные, более жесткие условия конкуренции между ними в глобальном и страновом масштабах.

Возникает резонный вопрос: почему в этой глобальной конкуренции сегодня «исламский ренессанс» оказался вполне конкурентоспособным по отношению к «ренессансу христианскому»? Притом что за последним стоит значительный, исторически зафиксированный и теоретически осмысленный опыт использования религиозной доктрины для формирования в массовом сознании представлений о будущем мира. Это опыт крестовых походов, еретических движений, Реформации, религиозных войн, а также теологических университетских дискуссий. Иначе говоря, тому стороннику «христианского проекта глобализации», который бы решил вступить в дискуссию со сторонниками «исламского проек-

та», легко было бы апеллировать к истории как решающему аргументу в споре.

Проблема, как представляется, в том, что исторически «христианский проект глобализации», который еще в XIX в. развивался в русле формулирования и апробации консервативных, социалистических и либеральных его «редакций», к середине XX столетия, в ходе мировой «холодной войны» и антиколониальных движений в «третьем мире», сжался до одной только либеральной его редакции. Во многом такое сжатие явилось результатом выбора, сделанного «западными» католической и протестантскими Церквями в пользу именно либерального дискурса коммуникаций с обществом и государством. «Принципиальное положение католической социальной доктрины, – пишет отечественный исследователь, – признание прав и свобод личности, их естественно-правового основания»¹⁵. Что касается «западного» протестантизма, то «политические взгляды протестантов оказываются на первый взгляд довольно расплывчатыми и конъюнктурными, потому что большая часть евангельских пасторов и проповедников-миссионеров практически никогда не заявляет о своей политической принадлежности, открыто и прямолинейно не относит себя к числу сторонников демократии и не противопоставляет себя, таким образом, местной власти. В то же время в случае социально-политических конфликтов протестанты встают на сторону демократического способа разрешения разного рода проблем»¹⁶.

В таком сжатии при иных обстоятельствах могла бы быть заключена большая потенциальная энергия для конкурентной борьбы с оппонентами. Проблема в том, что у либерализма (как философской доктрины, взятой на вооружение современными христианскими обществами Запада), когда речь заходит о проектировании глобального будущего, обнаруживается существенный изъян. Либерализм достаточно индифферентен к проблеме поиска в вещах и идеях новых конструктивных смыслов. В его внутренней логике не предусмотрено будущего как принципиально иного по качеству состояния, к которому современным обществам и государствам имеет смысл стремиться. Вполне логично: если ныне достигнутое человеком состояние его прав и свобод есть состояние «естественное», то стремление к любому другому состоянию по необходимости следует признать «противоестественным» и ненужным. Работа над обновлением смыслов, когда речь заходит, например, о свободе, равенстве и толерантности, о национальных традициях и национальном суверенитете, в сущности, сводится к доведению этих прежних конструктивных смыслов до абсурда. Либерализм настраивает своих адептов на то, что будущее таит в себе некую угрозу благополучному существованию «обществ потребления». А потому, согласно пророчествам Ф. Фукуямы, «конец истории»,

как нежелание людей идти в развитии дальше указаний либеральной доктрины, есть наиболее естественное состояние современного цивилизованного человечества¹⁷.

В противовес такому упрощенному взгляду на мир, «исламский» проект глобализации сегодня демонстрирует значительно большее богатство смыслов, вкладываемых в трактовки ключевых социально-политических и социально-экономических ценностей и гораздо меньшую внутреннюю противоречивость, чем проект либерально-демократический и рыночный. Это особенно заметно на примере такой ключевой для современных сообществ в мире ценности, каковой является, например, «справедливость». Справедливости сегодня требует весь «третий мир»: и те в нем, кто пытаются найти лучшую долю на путях эмиграции в более развитые государства либеральной демократии с рыночной и богатой экономикой, и те, кто полагают, что нынешний порядок вещей изначально порочен, а потому ищет справедливости на путях террора.

В основе «западного» и «исламского» глобализационных проектов лежит дистрибутивное (распределительное) понимание «справедливости». Для «западного» проекта, однако, мера справедливости действий субъекта в политике, экономике и праве определяется его готовностью и способностью при распределении и перераспределении материальных и нематериальных благ не выходить за пределы, очерченные священным для либеральной идеологии принципом частной собственности¹⁸. Пределы, заметим, ставшие узкими для развития западных буржуазных обществ еще в XIX столетии, во времена европейских буржуазных и демократических революций. Для «исламского» проекта (а точнее было бы сказать – проектов, которые сегодня производятся на разных организационных уровнях и в разных регионах консолидации мусульманской уммы и создают сложные центр-периферийные отношения внутри мусульманского сообщества) характерно сегодня понимание «справедливости» как способности и готовности субъекта при распределении и перераспределении материальных и нематериальных благ руководствоваться соображениями ценности, достоинства личности, ее защищенности от угнетения и чьей-либо гегемонии¹⁹.

В настоящий момент нет смысла вести дискуссию о том, какой из ныне конкурирующих проектов будущего глобального мироустройства – «христианский» или «либеральный» – перспективнее для получения человечеством положительных результатов от современной глобализации. Мировая политика в ближайшей перспективе сохранит, вероятно, нынешнюю неустойчивую динамику, делающую предположения на этот счет очень приблизительными.

Более продуктивной в научном смысле выглядит постановка вопроса о способности того

или иного проекта адаптироваться к резко изменяющимся условиям взаимной конкуренции и к образам глобального будущего, которые сегодня определяют состояние массового сознания в разных регионах мира. Иначе говоря, о способности относительно долго поддерживать в среде своих адептов интерес к проектированию альтернативных стратегий и результатов глобализации. Пока что в сравнении с «христианским» и другими альтернативными проектами глобального мироустройства «исламский проект» демонстрирует более высокий уровень адаптируемости к меняющимся условиям политической жизни самых разных по уровню развития современных обществ и государств. Сказывается фактическая диверсификация проективной работы и разнообразие ее форм. Есть ареалы, в которых проективная деятельность делает акцент на таком ресурсе, как деятельность выдающихся исламских теоретиков и других теоретиков, которые несут их идеи в массы. Есть ареалы, в которых присутствует акцент на спонтанно происходящем в массовом сознании проектировании – таком, которое чаще всего заключается в упрощении религиозных догм до уровня требований обычной повседневной справедливости и находит себе опору в достаточно вольных трактовках Корана.

Взаимодействие этих двух уровней по вертикали и центров по горизонтали, собственно, создает видимый эффект достаточной самостоятельности «исламского возрождения» от тех процессов, с которыми сознание современных либеральных исследователей ассоциирует глобализацию. Это вполне закономерное впечатление, поскольку в настоящее время «исламское» проектирование будущего мироустройства действительно достигло высокого уровня внутренней ресурсной и организационной самостоятельности.

Примечания

- ¹ Мухаметов Р. Политическое самоопределение исламского мира в условиях глобализации. Влияние процессов глобализации на исламский мир. URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?783> (дата обращения: 13.11.2015).
- ² Вагабов Н. М. Ислам и глобализация современного мира : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Махачкала, 2005. С. 5 // Человек и Наука – библиотека диссертаций по гуманитарным наукам. URL: <http://cheloveknauka.com/islam-i-globalizatsiya-sovremennogo-mira> (дата обращения: 13.11.2015).
- ³ Там же.
- ⁴ Мухаметов Р. Указ. соч.
- ⁵ Семашко И. М. Современный исламский фундаментализм : «La revanche de dieu» и/или альтернативный проект глобализации? // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. 2011. № 1 (13). С. 105.

- 6 *Малышева Д.* Ислам в современном мире. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/2/maly.html (дата обращения: 13.11.2015).
- 7 *Кудин А. А.* Ислам в современном мире // Международный научно-исследовательский журнал. Философские науки. Март 2013. URL: <http://research-journal.org/philosophy/islam-v-sovremennom-mire/> (дата обращения: 15.11.2015).
- 8 *Сеидова Г. Н.* Ислам и глобализация : за и против // Журнальный клуб Интелрос «Век глобализации» № 1. 2013. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/g1-2013/18823-islam-i-globalizaciya-za-i-protiv.html> (дата обращения: 13.11.2015).
- 9 Там же.
- 10 *Вагабов Н. М.* Указ соч. С. 5.
- 11 *Павленко В., Штоль В.* Проект «глобализация : место и роль во всемирно-историческом процессе // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ-OBSERVER. 2013. № 4. С. 7. URL: http://observer.materik.ru/observer/N4_2013/006_026.pdf (дата обращения: 22.11.2015).
- 12 *Сеидова Г. Н.* Указ. соч.
- 13 *Синелина Ю.* Религия в современном мире. URL: <http://expert.ru/expert/2013/01/religiya-v-sovremennom-mire/> (дата обращения: 22.11.2015).
- 14 Там же.
- 15 *Каневский К.* Социальная доктрина Католической церкви // Рос. юстиция. 2003. № 4. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2003/12/d1475> (дата обращения: 24.11.2015).
- 16 *Лункин Р.* Протестанты и политические конфликты в Евразии : спасение души и управляемая демократия. URL: <http://www.keston.org.uk/russia/articles/gr24/03Lunkin.html> (дата обращения: 24.11.2015).
- 17 См.: *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/koniecistorii.txt> (дата обращения: 24.11.2015).
- 18 См.: *Роулз Дж.* Теория справедливости. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6642> (дата обращения: 20.11.2015); *Сорокина Ю. В., Малиновская Н. В.* Справедливость и право в современном философско-правовом дискурсе. URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=26&art=2536> (дата обращения: 03.10.2014).
- 19 См.: *Сеидова Г. Н.* Указ. соч.

УДК 316.356.2–058.862

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СЕМЕЙНОГО УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ (опыт Москвы)

А. В. Стукалова

Российский государственный социальный университет, Москва
E-mail: abcd271@yandex.ru

Выбрав актуальную и малоизученную политической наукой тему исследования, автор статьи анализирует деятельность московских региональных властей в области политики государственной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в частности, реализацию модели профилактики социального сиротства.

Ключевые слова: дети-сироты, опыт Москвы, политика государственной поддержки.

The Policy of State Support of Social Orphanhood and System Development of Family Placement of Orphans and Children Left Without Parental Care (the Experience of Moscow)

A. V. Stukalova

Selecting relevant and studied political science research topic, the author of the article analyzes the activity of the Moscow regional authorities policy of state support of children-orphanhood and children left without parental care, in particular the implementation of the model for prevention of social orphanhood.

Key words: orphans, experience of Moscow, policy of state support.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-84-88

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей (далее – дети-сироты), оказавшись в эпицентре кризисных процессов общества, нуждаются в особом внимании и поддержке государства и региональных властей, задача которых – формирование адекватных времени концептуальных подходов к интеграции этой категории россиян в общество.

За последние пять лет в Москве количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, но нашедших себе вторую семью, увеличилось на 42% (2010 г. – 12 665 детей, 2015 г. – 18 031 ребенок). В настоящее время в семьях воспитываются 87% всех московских детей-сирот. Доля детей-сирот, проживающих в интернатных учреждениях, сократилась с 25% в 2010 г. (4640 чел.) до 13% в 2015 г. (2682 чел.).

Только за последний год количество детей, состоящих на учете в региональном банке данных о детях-сиротах, сократилось на 20% – с 3735 до 2998. В 2015 г. в семьях воспитывалось 85% детей-сирот, а в детдомах 15%. В 2013 г. эти показатели составляли 80,6%, в 2012 г. – 78%, в 2011 г. – 75,3%, в 2010 г. – 74,8%¹.

За это время серьезно изменилась ситуация с обустройством детей-сирот. Положительная динамика в их устройстве наблюдается в столице благодаря внедрению новой модели профилакци-

ки социального сиротства и развития семейного устройства детей (далее – модель)². Организационно-правовые основы ее реализации разработаны с учетом Указов Президента Российской Федерации «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы»³ и «О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»⁴, столичными Законами «О социальном обслуживании населения города Москвы»⁵, «Об организации опеки, попечительства и патроната в городе Москве»⁶.

Один из важнейших – Закон «О наделении органов местного самоуправления внутригородских муниципальных образований в городе Москве отдельными полномочиями в сфере опеки и попечительства»⁷. Это позволяет решать проблемы сиротства, начиная с районных управ, органов опеки и попечительства и комиссий по делам несовершеннолетних до структурных подразделений городского правительства.

В Законе «О социальной поддержке семей с детьми в городе Москве»⁸ власти учли пожелания приемных родителей и законодательно упростили условия приема детей в семьи, существенно расширив круг людей, которые могут их усыновлять. Был изменен и принцип по подбору замещающих семей – от заявительного к активно-поисковому. Также утверждена концепция квалифицированного воспитания детей-сирот в приемных и патронатных семьях.

Московская практика ориентирована на сохранение и воспитание детей-сирот в биологических семьях, оказание им адресной помощи. И только если это объективно нереально, нужно решать проблему ребенка, не помещая его в государственное учреждение, а подобрать ему замещающую семью, приемных родителей или усыновителей.

Прогресс в развитии института усыновления очевиден. В 2015 г. число детей, воспитывающихся в безвозмездной форме опеки, составляет 8844. В семьях усыновителей воспитываются 4784 ребенка, в приемных семьях – 2824, что почти на 30% больше, чем по состоянию на 1 января 2014 г. Увеличилось количество детей-сирот, имеющих проблемы со здоровьем, устроенных в семьи москвичей: в 2014 г. на воспитание в семьи передан 31 ребенок-инвалид, за 11 месяцев 2015 г. этот показатель составил 65, а из организаций для детей-сирот на воспитание в семьи передан 751 ребенок, 324 возвращены в кровные семьи⁹.

Первоочередная задача модели в сфере семейного устройства сирот – сокращение количества детей, находящихся на воспитании в специальных учреждениях и недопущение вторичного социального сиротства, когда ребенок воспитывается в замещающей семье. Исторически сложилось, что в России детей-сирот передавали

для воспитания в государственные детские дома, социальные приюты и интернаты.

Московские власти вовремя поняли, что институциональная форма их защиты работает неэффективно. Прежде всего, не решается проблема успешности их социализации, да и затратность на содержание велика. Поэтому, чтобы преодолеть у таких детей социальную дезадаптацию, проводить профилактику их социальных отклонений, социальные службы используют принцип деинституализации – вывод ребят из сиротских учреждений на альтернативные семейные формы устройства, позволяющие им комфортно жить и нормально развиваться.

Департаменту социальной защиты населения города Москвы переданы в ведомственное управление 107 детских домов, школ-интернатов, коррекционных, специализированных школ и др. Около 7% ребят-сирот останутся в прежних учреждениях из-за тяжелых ограничений возможностей здоровья.

Что касается числа детей-сирот, проживающих в них, то оно сократилось с 25% в 2010 г. (4640 чел.) до 13% в 2015 г. (2682 чел.). Согласно проведенному департаментом социальной защиты населения мониторингу и оценочным данным, 35% воспитанников могут быть возвращены в кровную семью, а 58% переданы в семьи родственников или приемные семьи.

На базе переданных департаменту учреждений в 11 округах Москвы открыты многопрофильные центры семейного воспитания, основная задача которых заключается не в содержании детей, а в активной работе по возвращению их в кровные семьи, если это возможно, либо определению в замещающиеся семьи. Кроме того, на многофункциональные центры возложены полномочия по выявлению неблагополучных семей.

Центры – это не общие дома, в них созданы условия квартирного типа, трех-четырёхкомнатные. В каждой квартире вместе с «социальной мамой» проживают не более восьми детей. Здесь есть группы как постоянного, так и временного проживания с условиями, максимально приближенными к семейным.

Объединение учреждений позволило скоординировать их работу в одном ведомстве. В результате, с одной стороны, была выработана единая политика региональных властей по защите и поддержке детей-сирот, а с другой – создана целостная система, позволяющая проводить с ними индивидуальную воспитательную, профилактическую и реабилитационную работу.

В 26 центрах и 72 отделениях помощи семье и детям, 11 социально-реабилитационных центрах специалисты по социальной работе, педагоги, психологи, юристы и врачи проводят индивидуальную профилактическую работу с приемными семьями. В том числе помогают родителям в воспитании детей, трудоустроиться или пройти курсы переподготовки для освоения

профессий, в организации лечения от алкогольной и наркотической зависимости.

Кандидаты в замещающие родители проходят специальную подготовку. Здесь важно не только их желание взять на воспитание детей-сирот, необходимо в полном объеме пройти курсы и овладеть программой школы замещающих родителей. Сейчас по данной проблеме нет федерального закона, поэтому правительство Москвы представило в Государственную думу РФ проект федерального закона «Об обязательной подготовке замещающих родителей».

Но пока он не принят, столичные власти приняли Положение «О сопровождении семьи, принявшей ребенка на воспитание». И на основании этого в Москве действует 80-часовая программа подготовки будущих приемных родителей, а также эффективно работает договорная система оказания уполномоченными организациями (а их 83) консультативной, юридической, психологической, педагогической, медицинской и социальной помощи.

Чтобы успешно решать проблемы детей-сирот, столичные власти учли пожелания приемных родителей и законодательно упростили условия приема детей-сирот в семьи, существенно расширив круг людей, которые могут их усыновлять. Это очень важный момент в реализации модели профилактики социального сиротства.

Но не менее важны предусмотренные в модели инновационные формы и методы работы с детьми-сиротами. В частности, уникальный проект, касающийся имущественной поддержки приемных семей, воспитывающих детей-сирот, реализован департаментом социальной защиты населения. В 2014 г. участниками проекта стали 20 приемных семей, в которые были переданы 102 ребенка, а в 2015 г. уже 35 семей подали заявки на участие в этом проекте. Новация состоит в том, что такие семьи получают безвозмездно жильё.

Для приемных родителей, которые готовы взять на воспитание детей-сирот, депутаты Московской городской думы законодательно установили ограничения. Это должны быть семейные пары, состоящие в браке не менее трех лет. Причем возраст жены – не старше 45 лет, а мужа – не более 50. Что касается получения бесплатной квартиры, то и здесь есть особое условие – приемные родители должны взять на воспитание не менее пяти сирот, причем троих – старше десяти лет или которые имеют инвалидность. Квартиры они получают по договору безвозмездного пользования, и только после десяти лет имеют право оформить их в собственность.

Если происходит передача детей в приемные семьи, а не усыновление, то между ними и департаментом социальной защиты населения заключается гражданско-правовой договор, в котором предусмотрено выполнение конкретной работы по воспитанию ребенка на дому. Время работы

приемных родителей в случае отчисления соответствующих платежей в соцстрах засчитываются им в трудовой стаж. Москва – единственный регион, где эта льгота предоставляется.

В 2015 г. впервые в России московские власти в качестве эксперимента использовали социальный аутсорсинг – разместили детей-сирот, которые воспитывались в государственных детских домах, в негосударственные организации. Департамент социальной защиты населения на год выделяет каждой из них по 18 млн руб. Этот эксперимент был успешным и получил дальнейшее распространение. Сейчас правительство Москвы сотрудничает с десятью такими учреждениями, в которых воспитываются 150 ребят-шек-сирот от 4 до 12 лет.

Уникален и другой пилотный проект по постинтернатной адаптации сирот. Он рассчитан на воспитанников детских домов, достигших 18-летия, и направлен на обеспечение защиты их прав. Первый Центр социальной постинтернатной адаптации открыт в московском районе Западное Дегунино. Это жилой дом, где живут выпускники детских сиротских учреждений, в том числе дети-инвалиды, колясочники. До 23 лет их будут сопровождать психологи и воспитатели. Это поможет решить проблему с так называемым вторичным сиротством. Суть в том, что многие из них рано женятся, рожают детей и отдают их в детдома. Специалисты же сделают все, чтобы не допустить этого.

Модель предусматривает для родителей, воспитывающих детей-сирот, материальную поддержку. Это не только единовременное пособие, которое выплачивается при передаче ребенка (до 121 тыс. руб.), но и ежемесячные выплаты усыновителям, приемным родителям и патронатным воспитателям, а также выплата на содержание детей, воспитывающихся в замещающих семьях (по 15–25 тыс. руб.). Сумма выплат зависит от возраста, состояния здоровья и количества детей.

Кроме того, приемные семьи получают денежную компенсацию (35 500 руб.) за самостоятельно приобретенные путевки на совместный отдых с подопечными детьми, решен вопрос обеспечения бесплатным детским питанием детей до трех лет, воспитываемых в замещающих семьях. Дети-сироты и их приемные родители пользуются бесплатным проездом на всех видах городского транспорта.

Те семьи, которые взяли на воспитание детей-сирот, будут и дальше получать финансовую помощь от столичных властей. По словам мэра Москвы, в 2016 г. выплаты им будут проиндексированы. «Мы можем и должны морально и материально поддерживать семьи, которые берут сирот на воспитание. Что мы, собственно, и сделали, увеличив вознаграждение таким семьям в два раза, но прошло время, и стоит подумать об индексации этих выплат, этих вознаграждений, что мы сделаем в ближайшее время»¹⁰.

Рассматривая политику государственной поддержки социального сиротства и развития системы семейного устройства детей-сирот на примере Москвы, автор определяет социальную политику как *упреждающую и стимулирующую*.

По большинству показателей столица является лидером среди субъектов Российской Федерации, в частности, по объему и стандартам материальной социальной помощи детям-сиротам. Из городского бюджета на их поддержку ежегодно выделяется более 1,5 млн руб.

Для подготовки москвичей, желающих взять на воспитание детей-сирот, разработаны специализированные программы для школы приемных родителей. Особые полномочия получили от московских властей органы опеки для сопровождения приемных семей. Сформировали и банк данных кандидатов в так называемые замещающиеся родители. Этого раньше никогда не было.

Политика московских властей *эффективная*. Наблюдается тенденция увеличения количества детей-сирот, устроенных в семьи. Так, за последние два года в три раза возросло их число, а по сравнению с 2014 г. в два раза стало больше ребят, воспитывающихся в опекунских семьях. В детдомах не осталось ни одного семилетнего ребенка-сироты. А численность детей, устроенных в семьи, на 600 человек превышает количество вновь выявленных.

К тому же данная политика *целенаправленная*. Проблемами этой категории детей занимаются семь департаментов социального комплекса правительства Москвы, органы внутренних дел, опеки и попечительства. Их действия скоординированы и целенаправлены, что дает основание считать успешной реализацию политики социальной поддержки не только детей-сирот, но и их приемных родителей. В частности, решены проблемы подготовки замещающих семей, улучшилась работа специализированных профильных клубов, педагогических, медицинских и психологических служб.

Региональная модель поддержки детей-сирот является *корпоративной*. Это предполагает максимальную ответственность предприятий, благотворительных фондов, бизнес-структур, НКО и других акторов за судьбу сотрудников, воспитывающих детей-сирот. Им оплачивают медицинские услуги, они получают бесплатные путевки в санатории и дома отдыха и пользуются социальной инфраструктурой, а также услугами организаций, оказывающих психологическую, юридическую и педагогическую помощь.

Принцип солидарной ответственности московского сообщества за судьбу детей-сирот – один из основополагающих рассматриваемой модели. И поэтому она является *общественной и административной*. Основные общественные институты, осуществляющие политику их государственной поддержки, – правительство Москвы и Московская городская дума. Столич-

ные власти успешно добились того, чтобы эта политика была социально ориентированной, адресной, целенаправленной и перераспределительной. Финансовый механизм перераспределения – городской бюджет и городские социально-страховые фонды. В столице ежегодно почти 70% бюджета направляется на социальную поддержку москвичей, в том числе детей-сирот. Например, дополнительно к федеральным выплатам и компенсациям из городского бюджета им предоставляются льготы, они обеспечиваются одеждой и обувью, предметами первой необходимости, получают единовременные, ежемесячные и ежегодные денежные компенсации.

Что касается административной стороны модели, то она предполагает активное сотрудничество городских властей с бизнес-структурами. Побуждая их выполнять социальные функции, столичное правительство добивается положительного решения обязательного отчисления налогов в социальные фонды, выплаты зарплаты родителям или опекунам не ниже установленного уровня.

Региональная модель поддержки детей-сирот и развития системы их семейного устройства является также *стимулирующей*. Она реализуется не только потому, что в Москве высокий уровень экономического развития, но и благодаря многочисленной и качественной социальной инфраструктуре.

Ее создание – заслуга столичных властей. Но не только – здесь важна и позиция активно действующего гражданского общества. Московские власти верно определили принцип взаимодействия с организациями городского сообщества – их косвенное участие в решении социальных проблем детей-сирот. Им установили правовые, кредитно-финансовые и налоговые «правила игры». Созданы такие системы налогообложения и поддержки, которые взаимовыгодны для всех акторов сотрудничества. Например, выделяются из городского фонда помещения для их работы, причем аренда или стопроцентно оплачивается из столичного бюджета, или организации оплачивают ее по минимальной льготной цене. Выделяются субсидии после проведенных конкурсов социально значимых проектов и программ. А предприятия, бизнес-структуры и другие направляют вложения и инвестиции на реализацию городских социальных проектов и программ, касающихся в том числе детей-сирот.

Реализация модели рассчитана не на год или два, она *долгосрочная*. Сейчас московские власти реализуют 16 государственных программ («Социальная поддержка», «Столичное образование», «Столичное здравоохранение», «Жилище» и др.), в которых предусмотрено решение проблем семей, воспитывающих детей-сирот.

Анализируя политику региональной государственной поддержки социального сиротства и развития системы семейного устройства детей-сирот, автор делает следующие выводы.

1. Накопленный в Москве опыт развития семейных форм жизнеустройства детей-сирот может быть успешно использован в других российских регионах. Рассматриваемая модель характеризуется высокой эффективностью ее реализации.

2. Московская практика модели ориентирована на особое внимание роли биологической семьи в воспитании детей-сирот. Главным приоритетом московских властей и социальных служб является сохранение связей детей с кровной семьей. Это позволяет одновременно решить две проблемы – оказывать детям помощь, которую они получают в семье, и помогать быстро решать ее трудные жизненные ситуации.

3. Реализация модели обеспечивается на основе таких ключевых мероприятий, как проведение индивидуальной профилактической работы с семьями, находящимися в социально опасном положении; преобразование детских домов, школ-интернатов, реабилитационных центров, домов ребенка в центры содействия семейному воспитанию; появление новых форм работы с детьми-сиротами и их родителями, в частности, изменение подхода к подбору замещающих семей – вместо существующего преимущественно заявительного на активно-поисковый.

4. Без развития системы стимулирования, и не только материального, повышения социального статуса усыновителей, опекунов, приемных родителей, патронатных воспитателей невозможно решать проблемы рассматриваемой категории москвичей. Не будут решаться и задачи преодоления социального сиротства и развития семейных форм устройства детей-сирот, если не вовлечены в работу с ними организации, благотворительные фонды, НКО и бизнес-структуры и др.

УДК 32.019.52

ПРОБЛЕМА «ЭЛЕКТРОННОЙ СОВЕСТИ» В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С. В. Дубровская

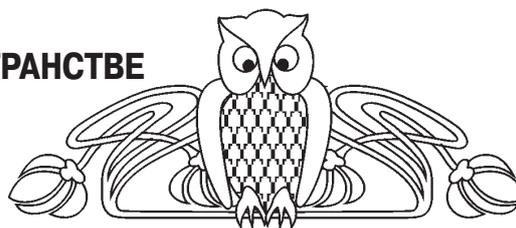
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: dubrik80@mail.ru

В статье дается характеристика понятия «электронная совесть». Рассматриваются примеры электронного взаимодействия населения и государственных структур. Приводится пример использования репутации как ключевого инструмента оценки общечеловеческих и профессиональных качеств индивида и организации.

Ключевые слова: «электронная совесть», интернет-портал «Госуслуги», репутация, «идеальная демократия».

Примечания

- ¹ См.: *Собянин С. С.* В Москве число детей-сирот увеличилось вполтину. URL: <http://www.mos.ru> (дата обращения: 17.11.2015).
- ² См.: Модель профилактики социального сиротства и развития семейного устройства детей. URL: <http://www.dszn.mos.ru> (дата обращения: 17.11.2015).
- ³ О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы : указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁴ О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей : указ Президента РФ от 28 декабря 2012 г. № 1688. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁵ О социальном обслуживании населения города Москвы : закон г. Москвы от 9 июля 2008 г. № 34. URL: <http://www.spravka@duma.mos.ru> (дата обращения: 17.11.2015).
- ⁶ Об организации опеки, попечительства и патроната в городе Москве : закон г. Москвы от 14 апреля 2010 г. № 12. URL: <http://www.spravka@duma.mos.ru> (дата обращения: 09.04.2015).
- ⁷ О наделении органов местного самоуправления внутригородских муниципальных образований в городе Москве отдельными полномочиям в сфере опеки и попечительства : закон г. Москвы от 26 декабря 2007 г. № 51. URL: <http://www.spravka@duma.mos.ru> (дата обращения: 01.05.2015).
- ⁸ О социальной поддержке семей с детьми в городе Москве : закон г. Москвы от 23 ноября 2005 г. № 60. URL: <http://www.spravka@duma.mos.ru> (дата обращения: 16.03.2015).
- ⁹ См.: *Дзугаева А. З.* Счастливое детство должно быть у каждого // Моск. правда. 2015. 16 нояб.
- ¹⁰ *Собянин С. С.* Указ соч.

A Problem of «Electronic Conscience» is in Modern Political Space

S. V. Dubrovskaya

Description of concept «electronic conscience» is given in the article. The examples of electronic cooperation of population and state structures are examined. An example of the use of reputation is made,

as a key instrument of estimation of common to all mankind and professional qualities of individual and organization.

Key words: «electronic conscience», Internet portal of State service, reputation, «ideal democracy».

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-88-92

В настоящее время в научной литературе сложилась определенная совокупность точек зрения о внутреннем порядке, структуре и сущности цивилизации. Поиск оптимальных и действенных ответов на вызовы XXI в. пытаются найти как российские, так и зарубежные исследователи. В качестве главных направлений выделяют материальную деятельность людей, социальную организацию и духовные начала. Как известно, степень развития каждого из этих элементов определяет общий уровень развития цивилизации.

Наиболее значимым является возникший и с каждым днем все более увеличивающийся перевес темпов развития материальной деятельности людей над уровнем их духовного развития.

Общеизвестно, еще со времен первобытно-общинного строя в обществе людей сформировалась субъективная система оценок, отношений, мнений, а также ожиданий, свойственная каждому индивиду. Это так называемая репутация или реноме. Уже изначально эта система была одной из первых и основополагающих нематериальных ценностей зарождающегося общества. Развиваясь и совершенствуясь вместе с цивилизацией, она не только дает предварительное представление о человеке, но и оказывает стимулирующее воздействие на его морально-нравственный уровень. Также репутация служит своеобразным социальным контролем, мотивируя индивида соответствовать актуальной системе культурных ценностей общества. Само понятие «репутация», или «деловая репутация», все чаще встречается в современном обществе среди крупных и мелких предприятий и организаций. Она становится частью не только культурного развития организации, но и его качественного уровня развития в других сферах деятельности человека.

Стоит отметить, что сам термин «репутация» (от лат. *reputatio* – счет, счисление) в словаре иностранных слов толкуется как создавшееся общее мнение о достоинствах или недостатках кого-либо, общественная оценка. В толковом словаре В. И. Даля данное понятие трактуется как «слава человека, добрая и дурная, как и чем кто слышет, общее мнение о ком то», в словаре же С. И. Ожегова «репутация» – это приобретаемая кем-нибудь общественная оценка, общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-нибудь; «деловой» – «относящийся к общественной, служебной деятельности, к работе»¹.

По нашему мнению, интересно проанализировать процесс реализации деловой репутации с точки зрения демократизации общества.

Общепризнано, что идеальным примером демократического типа государственного устройства является «афинская демократия». На практике афинский тип демократии не может быть реализован даже на уровне муниципальной власти. Причина кроется не столько в возросшей численности населения, сколько в специфике решаемых вопросов, требующих специальных, профессиональных знаний и умений, дефицит которых сегодня испытывает не только Россия, но и многие страны мира.

В XXI в. существующая форма так называемой представительной демократии не способна решать возникающие вопросы управления именно по причине своего непрофессионализма. Ошибки и упущения институтов представительной демократии вызывают раздражение и протест в обществе. Гражданин перестает чувствовать себя творцом и субъектом политики и права. Растут непонимание и напряженность во взаимоотношениях народа и ветвей власти. А, как известно, дефекты уважения и доверия образуют недуги правосознания и разлагают правопорядок, власть и государство. Кроме того, современные политические системы повсеместно порождают коррупцию, которая является одной из самых острых проблем планетарного масштаба. Подобное положение не может не вызывать озабоченности у политически активной части граждан.

Многие теоретики и политические практики многократно рассуждают на тему построения «идеальной демократии»². Существующие теории и модели демократии едины в том, что стремятся найти компромисс между управленческими и властными функциями государства и политическим участием граждан в управлении. Сегодня существуют все необходимые технические возможности для построения идеальной демократии на новом витке развития цивилизации, обусловленном глобализацией мира и достижениями научно-технического прогресса. Бурное развитие информационных и коммуникационных технологий глубоко проникает во все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и в сферу общественно-государственного управления. В современной России принято множество законодательных актов, направленных на развитие «электронной демократии». Создана целая сеть Многофункциональных центров (МФЦ), выделяются огромные бюджетные средства на организацию системы Универсальных Электронных Карт (УЭК). Существует немалое число интернет-порталов, например проект «Открытое Правительство», направленных на развитие интерактивного взаимодействия гражданина и государства. Некоторые порталы активно и конструктивно используют взаимодействие с пользователями и динамично развиваются (например «Единый портал государственных и муниципальных услуг»), другие имеют чисто формаль-

ную цель, существуют только в интернет-пространстве и мало взаимодействуют с реальными гражданами («Ваш контроль»; «Российская общественная инициатива», «Открытые данные Российской Федерации», «Оценка регулирующего воздействия», «Портал открытых данных», «Правительство России», «Портал государственных программ РФ», «Федеральный портал проектов нормативных правовых актов» и др.). Но несмотря на такое активное продвижение по пути развития «электронной демократии», результат взаимодействия власти и граждан крайне низок. Такая ситуация обусловлена не только человеческим фактором, но и отсутствием научной и методической базы «электронной демократии» в РФ. Сама идея развития открытости системы государственного управления, неоднократно обсуждаемая и поставленная на особый контроль президента, все же не так просто реализуема в масштабах нашей страны. Однако нельзя сказать, что продвижения совсем нет. Весьма обнадеживающие результаты получены в плане доступности и качества государственных услуг. Сегодня все более усовершенствуется и упрощается процедура оформления ряда юридических документов, выдачи паспортов, справок, оформления собственности и налогов. Но, к большому сожалению, о вовлечении граждан в обсуждение, принятие и контроль исполнения государственных решений пока не приходится говорить. Для этого необходимы эффективные инструменты, одним из которых могла бы стать так называемая «электронная совесть».

Само понятие «совесть» достаточно дискуссионным в науке было вчера, является сегодня и, скорее всего, будет обсуждаемо завтра. Многие мыслители, такие как И. Кант, Л. И. Петражицкий, Г. Дж. Берман, И. А. Ильин, В. В. Сорокин, рассуждали о сути понятия «совесть» с позиций нравственности, морали, этики, воспитания, веры и религии. Наиболее емкое понятие приводит И. А. Ильин – русское слово «совесть», не имеющее прямых аналогов в иностранных языках, в словарях разных лет определяется как разумение, понимание, знание, внутреннее чувство, глас Бога в душе человека. Российский исследователь В. В. Сорокин также делает акцент на том, что «совесть» – это внутренний свидетель и «судья первой инстанции» для наших поступков, который проверяет все наши действия и бездействия нравственным Абсолютом Божественного происхождения³. По нашему же мнению, сегодня, когда большая часть всех процессов лежит в области интернет-пространства, назрела необходимость использования новых технических возможностей во благо общества и государства. Одним из таких инструментов и может стать «электронная совесть». Именно она интегрирует сложившиеся морально-нравственные принципы в информационное поле повседневной жизни общества. Это послужит

качественным преобразованием существующего тысячелетия механизма культурно-исторического развития цивилизации. «Электронная совесть» предполагает, что в ее основе лежит «репутация» человека или организации. Стоит также отметить, что представление репутации в электронном виде делает взаимодействие индивидов в обществе более предсказуемым, безопасным и стабильным.

Некоторые элементы этой системы уже давно и успешно функционируют в сфере электронной интернет-коммерции. Но и здесь присутствуют бессистемность, разрозненность, условность идентификации, которые ограничивают безопасность и эффективность этих локальных элементов. По нашему мнению, «электронная совесть» может стать одним из инструментов современной демократии, базируясь на следующих элементах.

Базовым элементом «электронной совести» должна стать репутация, в основе которой лежит система отзывов и оценок, благодаря которым достигается высочайшая степень ее достоверности. Стоит также отметить тот факт, что репутация предполагается двух видов: общечеловеческая и профессиональная. Первая формируется на протяжении всей жизни в результате общения с другими индивидами. Общечеловеческая репутация может быть только одна и оцениваться по многим критериям, принятым в обществе для оценки морально-этического уровня индивида. Оценки и отзывы, формирующие общечеловеческую репутацию индивида, могут быть сформированы любым желающим. Профессиональная репутация заявлена индивидом в любой момент жизни и формируется в результате деловой активности по своей профессиональной деятельности. Критерии для ее оценки устанавливаются в зависимости от специфики заявленной профессии. Оценки и отзывы, формирующие профессиональную репутацию индивида, могут быть сформированы только по факту делового взаимодействия в данной сфере. Также выставленные оценки не могут быть изменены. Отзыв может быть дополнен в текстовом режиме. Регистрация в системе происходит исключительно через идентификацию личности. Таким образом, репутация у индивида закреплена на всю жизнь. Сама регистрация в электронной системе сугубо добровольная, на основе свободного выбора индивида. Повторная регистрация в системе исключена.

Нюансом, касающимся организации, является наличие корреляции между «электронной совестью» организации и профессиональной репутацией владельца. Также внутри организации применяются профессиональные репутации наемных работников в зависимости от исполняемых ими обязанностей.

Сама система может быть основана на распределенной базе данных Блокчейн (англ. Blockchain, block – блок, chain – цепочка), кото-

рая не подвержена коррупции и фальсификации. Однажды попавшая туда информация не может быть удалена или изменена. Вариант использования Блокчейн неоднократно обсуждался. Этот вариант перспективен, но с точки зрения применения для демократизации государства не очень интересен. По нашему мнению, использование уже существующего интернет-ресурса портала «Электронное правительство (Госуслуги)» и «Единой системы идентификации и аутентификации» (ЕСИА) является более целесообразным. Это обусловлено двумя причинами:

- во-первых, важно, что для организации отдельного ресурса системы «Электронная совесть» необходимо немалое количество бюджетных средств, техническая база, обслуживающий персонал, команда разработчиков, а в данных порталах этот ресурс уже есть;

- во-вторых, не будет дублирования на отдельном ресурсе ряда функций, уже имеющихся на портале «Госуслуги».

Не менее важным является и тот факт, что сегодня развитие портала «Госуслуги» идет быстрыми темпами, что подтверждается появлением в бета-версии портала вариантов обслуживания для юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иностранных граждан. Таким образом, охвачены все категории граждан государства. Это также является одним из эффективных условий внедрения системы «Электронная совесть».

По нашему мнению, не сложно предположить дальнейшее развитие портала «Госуслуги». Логично, если следующим шагом будет введение электронного документооборота при предоставлении государственных услуг. Например, если граждане желают провести сделку, требующую государственной регистрации, им нет необходимости собирать все справки и другую документацию, отстаивать в очередях в нескольких ведомствах, тратить время на бюрократические проволочки. В этом и подобных случаях достаточно будет зарегистрировать сделку через мобильное приложение на портале «Госуслуги», подписав документ электронно-цифровой подписью на съемном носителе или карте УЭК. У такой сделки много преимуществ:

- исключается коррупционная составляющая;
- соблюдается юридическая чистота сделки;
- сделка происходит одновременно с ее государственной регистрацией;
- у граждан нет необходимости отвлекаться от своей повседневной жизни на бюрократические процедуры;
- высвобождается часть персонала госучреждений, занятая обслуживанием и приемом граждан.

Так, граждане смогут с помощью мобильного приложения портала «Госуслуги» проводить любую сделку, даже не требующую государственной регистрации. При этом подобное дове-

рие и, соответственно, желание может быть вызвано несколькими причинами: во-первых, это возможность использовать систему «Электронная совесть», которая обеспечивает высокую степень доверия между контрагентами; во-вторых, фиксация самого факта сделки государством, что делает его доказанным при наступлении любых правовых последствий; в-третьих, по факту совершения сделки контрагенты могут в любое время оценить друг друга и написать текстовый комментарий.

Таким образом, формируется рейтинг деловой активности и благонадежности граждан. Сами оценки и отзывы формируют начальную репутацию индивида и обеспечивают интеграцию системы «Электронная совесть» в повседневную жизнь общества и государства. Это дает основу для более глубокого проникновения системы во все сферы жизни человека. Мотивация, основанная на выгоде, удобстве и безопасности, дает возможность повсеместного внедрения глобальной информационной системы «Электронная совесть». В том числе это может быть применимо к управлению государством, также становится возможным непосредственное влияние волеизъявления гражданина на политику государства. А это, в свою очередь, обеспечивает реальную легитимность решений властных структур, снижает уровень социальной напряженности в обществе и благоприятно сказывается на духовном комфорте граждан.

В качестве примера можно привести ныне существующие системы рейтинга в государственной сфере. Так, в проекте «Открытое правительство» существует портал «Ваш контроль», созданный в 2012 г. с целью сделать получение государственных услуг удобным и эффективным, приблизить их к нуждам и запросам граждан. Но он исключает возможность эффективной работы этой системы, поскольку никак не связан с реально работающим порталом «Госуслуги», а информация имеет чисто формальный характер. Структура подразделений госаппарата представлена только главными федеральными и региональными ведомствами. Никакие структурные подразделения и их сотрудники недоступны для оценки или отзыва о работе, хотя эта возможность конкретно указана в описании ресурса. Кроме того, отсутствует элементарная система идентификации как госслужащих, так и пользователей портала «Ваш контроль». Система оценок и отзывов только тогда станет работать эффективно и приносить пользу человеку и обществу, когда она будет интегрирована во все сферы жизнедеятельности. Также вполне могут оцениваться и услуги ЖКХ, все представители структурных подразделений любого уровня и ветви власти, СМИ и т. д. Это обеспечит возможность реальной политической, экономической и финансовой прозрачности государства и граждан.

Немаловажно и то, что система «Электронная совесть» предоставит возможность нанимать представителей для осуществления властных полномочий, основываясь не на манипуляциях сознанием, а на сформированном временем профессиональном рейтинге претендентов. Такое положение вещей обеспечит возможность управления государством талантливыми профессионалами, а не случайными людьми. Стоит отметить, что именно интерактивное взаимодействие гражданина и ветвей власти не только делает функционирование государства более эффективным, но и позволяет гражданину чувствовать себя творцом и субъектом права, что, в свою очередь, позволяет преодолевать дефекты правосознания и укрепляет государство.

Таким образом, дисбаланс темпов развития научно-технического прогресса и морально-нравственного уровня человечества неминуемо приводит к отрицательным последствиям. Система «Электронная совесть» – это наиболее простой, естественный и эффективный инструмент, способный закрепить и повысить морально-нравственный, культурный уровень человека

и общества, причем именно средствами научно-технического прогресса.

Примечания

- 1 См.: *Даль В. И.* Толковый словарь русского языка. Современное написание. М., 2014. С. 168 ; *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. Около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений. М., 2015. С. 265.
- 2 См.: *Семенова В. Г.* Некоторые аспекты взаимодействия законодательной и исполнительной властей в регионе (на примере Саратовской области) // Взаимодействие институтов власти и общества в сфере защиты прав человека : материалы VIII междунар. науч.-практ. конф. аспирантов, преподавателей, практических работников. Саратов, 2015. С. 174–178.
- 3 См.: *Ильин И. А.* Теория права и государства / под ред. В. А. Томсинова. М., 2008. С. 78 ; *Сорокин В. В.* Понятие совести в правовом измерении // Электронная юридическая библиотека «ЮристЛиб» : [сайт]. URL: http://www.juristlib.ru/book_6707.html (дата обращения: 24.01.2016).

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 329.17(470)

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

В. А. Калинин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: slaffka.kalinin@yandex.ru

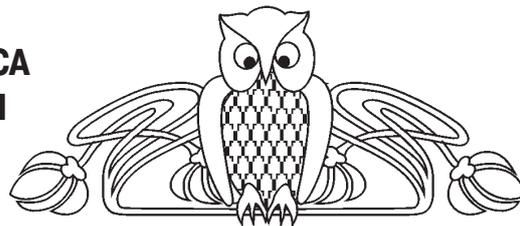
В данной статье изучается использование элементов русского национализма в дискурсе Всероссийской политической партии «Единая Россия». Анализируются причины «поворота» партии в сторону национальной тематики, основные особенности ее реализации в партийной деятельности, идеологическое содержание партийного дискурса, а также возможные последствия актуализации национального вопроса.

Ключевые слова: национализм, консерватизм, дискурс, партия, идеология.

Features of National Discourse in the Activity of the Political Party «United Russia»

V. A. Kalinin

This article explores the use of elements of Russian nationalism in the discourse of the Russian political party «United Russia». Analyzes the reasons for «rotation» of the party in the direction of the national subjects, the main features of its implementation in the activities of the party, the ideological content of the party's discourse, as well

as the possible consequences of the mainstreaming of the national problem in the country».

Key words: nationalism, conservatism, discourse, party, ideology.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-92-97

В современной России национальная проблематика стала частью официального политического дискурса, а также большинства политических партий. Истоки актуализации современного русского национализма можно найти и в кризисе идентичности, и в вакууме идеологии после развала СССР¹, равно как и в результате обострения проблемы нелегальной миграции.

Поскольку в Российской Конституции закреплена внеидеологичность власти, на передний план выходит дискурсивное содержание политики. В условиях, когда значительная часть населения недостаточно осведомлена о содержании программ политических структур, риторика партий приобретает особое значение. Потому необходим сравнительный анализ программ, дискурса и деятельности партий. Помимо этого, важно выявить

характер и функциональность национальной тематики в партийном дискурсе.

Ведущей политической партией страны является «Единая Россия» («ЕР»), которая имеет наибольшие возможности для трансляции национального дискурса в массовое сознание, поэтому при изучении данного вопроса ей необходимо уделить пристальное внимание. Важно подчеркнуть, что дискурс и деятельность «ЕР» не могут рассматриваться вне связи с государственными органами, провластными движениями и высказываниями высших должностных лиц в силу своего положения и роли в государстве.

Необходимо учесть, что в риторике «Единой России» предпочтение отдается терминам «патриотизм» и «консерватизм», «национализм» имеет негативные коннотации. Однако при актуализации запроса президент В. В. Путин заявил, что является «самым большим националистом»², тем самым обозначив новые грани коммуникационной приемлемости. Поэтому диагностика трансформации дискурсов партии, их соотношения с ее реальным политическим курсом, несомненно, представляет исследовательский интерес.

Также необходимо оговориться, что мы оперируем термином «национализм» в нейтральном ключе и исходя из того, что родственное ему понятие «патриотизм» имеет, скорее, эмоционально окрашенное отношение конкретного индивида к своей родине без оформленных программных установок, что, в свою очередь, говорит о его ненаучном характере. «Национализм» отражает именно политическую специфику идей такого рода, предполагает конкретные требования и целостное видение настоящего и будущего национального сообщества. Вид используемого национализма определяется исходя из того, на какой тематике был сделан акцент.

Также важно ответить на вопрос, является ли актуализация национального вопроса в современной России преимущественно результатом деятельности власти, либо это менее контролируемое явление. Если первое предположение верно, то этот политический курс может быть отвергнут, когда элита сочтет это необходимым.

Для понимания причин существенной трансформации официального политического дискурса и дискурса «Единой России» необходимо отметить, что корни современной российской власти и «партии власти» лежат в советской номенклатуре. В результате развала СССР представители ее части, пришедшие во власть, воссоздали в президентских и правительственных структурах присутствие им способы принятия управленческих решений, межличностных и групповых взаимодействий.

Вскоре пришло понимание того, что для удержания государственной власти и обеспечения незыблемости итогов индустриально-инфраструктурной приватизации необходимо поддерживать статус-кво во взаимоотношениях политико-экономических группировок элиты³.

Поэтому требовалось создание «партии власти», которая, помимо своих парламентских функций, выполняла бы структурирующую роль в отношении политической элиты на федеральном, региональном и местном уровнях.

«Партия власти» формировалась в несколько этапов. В 1993 г. на связь с президентской властью претендовали «Выбор России» и Партия российского единства и согласия. В 1995 г. было создано Всероссийское общественно-политическое движение «Наш дом – Россия». В 1999 г. образовалось уже несколько элитных блоков: «Отечество», слившееся со «Всей Россией», противостоявшее им на выборах «Единство», которые создали две фракции в третьем созыве Госдумы, а затем образовали в 2001 г. единую партию. Появившись, «Единая Россия» сразу получила поддержку всеми административными ресурсами на всех уровнях власти⁴, а отношения между партией и исполнительной властью приобрели вертикальный характер⁵.

Однако в процессе становления партии административные меры шли впереди идеологических. Главным кредо «ЕР» с момента ее возникновения была поддержка В. В. Путина. Этого было явно недостаточно для полноценного идейного наполнения партии. В 2007 г. сам Путин признавал, что в «Единой России» «пока нет устойчивой идеологии, устойчивых принципов»⁶.

Потому актуализировалось идеологическое обеспечение современной власти, стала поддерживаться дискуссия по идеологическим проблемам для определения характера власти и ее перспектив. В рамках этого поиска в отечественном интеллектуальном сообществе становились популярными концепции «просвещенного авторитаризма» и «авторитарной модернизации», возникла идея «либеральной империи». Наибольшую же известность получила предложенная В. Ю. Сурковым идея «суверенной демократии». Данные проекты активно популяризовались вместе с «евразийством», которое являет собой попытку обосновать установление «сильной власти» в России посредством имперского национализма и религиозности.

Весьма примечательно, что в идеологических поисках власть отдавала предпочтение гибридным концептам, эклектичным по своей сути. Это может объясняться стремлением получить максимальную поддержку в обществе, апеллируя сразу к противоречащим друг другу запросам различных социальных групп.

Инкорпорировать в свой дискурс элементы одного из наиболее популярных идейных направлений – национализма – и обеспечить максимальную управляемость им «Единая Россия» пыталась на протяжении всех 2000-х гг., однако до недавнего времени это не носило приоритетного характера.

Преимущественно после 2000 г. власть начала активно играть на консервативном поле, посылая сигналы своей близости разным группам населения. Фактически национал-консервативный

дискурс стал частью официального уже после парламентских выборов 2003 г., когда активно разыгрывалась националистическая карта.

После победы первого Майдана в Кремле обеспокоенность революционными настроениями вылилась, в частности, в создание патриотических молодежных проектов, которые до 2009 г. продолжали активно обращаться к ксенофобным и откровенно расистским практикам, что сопровождалось рядом скандалов. В 2007 г. «Единая Россия» начала кампанию под названием «Русский проект», в число информационных партнеров которого также входили радикальные националисты⁷.

Следующий этап, когда власть попыталась дать ответ на националистический вызов, начался после событий на Манежной площади, которые подняли статус и эмоциональный градус всех дискуссий об этничности, однако заявления первых лиц вскоре сошли на нет.

Выборная кампания в Государственную думу 2011 г. также характеризовалась активным использованием националистической риторики. Проблемы самоопределения постсоветской России и решение национального вопроса вышли на первый план.

В кампании по выборам Президента России 2012 г. основным кандидат В. В. Путин одним из первых изложил свое видение национального вопроса в отдельной статье. В ней источник межнациональных проблем усматривался в неэффективности работы государственных институтов и правоохранительных органов, отсутствии условий для адаптации мигрантов. Подчеркивалась необходимость формирования объединяющего мировоззрения и идентичности. Автор по отношению к России прибегал к понятию «цивилизации», а «великая миссия русских», по его мнению, – «объединять, скреплять цивилизацию»⁸. В документе весьма часто использовался термин «нация» (и производные) (51 значение), а также ряды слов «государство» (40), «народ» (20) и «этнос» (19).

Тем не менее, последующие события в Пугачеве и Бирюлево продемонстрировали тенденцию к эскалации этнонационалистических настроений и требовали более эффективного идеологического и административного ответа от власти.

На выборах мэра Москвы в сентябре 2013 г. все кандидаты активно использовали антимигрантские настроения, призывая к депортации мигрантов либо к жесткому регулированию их пребывания в России.

Но, несомненно, важнейшим фактором, обусловившим трансформацию официального дискурса, стал украинский кризис. В его рамках власть, как и ранее, подключила, в первую очередь, квазиидеологические и дискурсивные инструменты.

Украинский конфликт дал повод российской власти потеснить националистов на их идейно-политическом поле. В целом ей удалось перехватить

у неподконтрольных националистов инициативу, тем самым ликвидировав самую серьезную идейно-политическую альтернативу. Украинские события раздробили националистов, что закономерно привело к снижению их поддержки в обществе.

Наряду с этим впервые после развала СССР появились признаки того, что власть всерьез занялась мерами по идейной подготовке населения. Разрабатываются и реализуются новые программы, носящие внеконцептуальный характер, нацеленные на культивирование патриотических настроений. Параллельно с дискурсивными акциями осуществляются практические мероприятия, которые в значительной степени являются попытками внедрить квазиидеологические установки в сознание различных социальных групп. В рамках практических действий по взятию националистических настроений под контроль власть осуществляет и существенное ужесточение законодательства.

В условиях отсутствия внятной миграционной и национальной политики, несформированности эффективных общенациональных субъектов и подчинения практической политики корпоративным интересам государство само способствовало росту национализма, но теперь оно же использует этот национализм в своих интересах. Можно говорить о том, что власть преимущественно не решает возникающие внутривнутриполитические проблемы, а подавляет возможность их актуализации в медийном и политическом пространствах. Некоторое ужесточение миграционного законодательства не способно в корне изменить ситуацию.

Кризис на Украине способствовал формированию общего дискурсивного поля в российской официальной политике, выстраиваемого при эксплуатации консервативного и националистического дискурсов, которые в различных пропорциях используют все силы политического спектра России. Прежде всего, это касается «системной оппозиции», которая вместе с «Единой Россией» выступила единым фронтом на акции, посвященной Дню народного единства.

Характеристики этого национал-консервативного дискурса сводятся к противопоставлению российских ценностей западным, наличию изоляционистских тенденций. Также наблюдается упрощение официального языка, который ориентируется, прежде всего, на внутреннее употребление. Активно эксплуатируется образ врага: внешнего (США, которые пытаются перекрыть мир под себя и использовать Россию в своих интересах, препятствовать ее развитию) и внутреннего («пятая колонна», действующая в интересах иностранных правительств).

Президент все активнее позиционирует себя как защитника традиционных морали, нравственности и семьи, а на международной арене – как «мирового лидера консерваторов», защитника суверенитета государств. Заявка на глобальность темы обеспечивает легитимность данного квазиидеологического проекта и поднимает его

уровень за рубежом. По мере того как официальный политический дискурс становится все более консервативным и националистическим, рациональная компонента в нем неизбежно снижается, отчетливо прослеживаются мистицизм, иррационализм, мессианизм, подчеркивается этническая и культурная исключительность. Высказывания первых лиц приобретают мифотворческий характер. К примеру, из уст первого лица звучали такие выражения, как: «хаотическая тьма»⁹, «аморальный интернационал»¹⁰, «медведь не отдаст своей тайги»¹¹, «генный код»¹², «культурный код», «русский народ менее прагматичный и расчетливый, чем представители других народов, но шире и щедрее душой», «человек русского мира, прежде всего, думает о том, что есть какое-то высшее моральное предназначение»¹³, «для России Крым имеет огромное цивилизационное и сакральное значение»¹⁴, «Просто мы сильнее... всех. Потому что мы правы. Сила в правде. Когда русский человек чувствует правоту, он непобедим»¹⁵ и др.

Акцент в дискурсе на поддержание порядка и стабильности в обществе, осуждение экстремизма, революционных настроений, несомненно, говорят о «правой» идейно-политической ориентации дискурса, его консервативном характере.

Стоит отметить, что на 11-м съезде «Единой России» в 2009 г. был принят программный документ, в котором идеология партии обозначалась как «российский консерватизм». Однако применительно к «ЕР» можно говорить о том, что термин «консерватизм» носит скорее внеидеологическое наполнение в силу отсутствия его целостной парадигмы. Фактическое отсутствие идеологической работы в «Единой России» подменяется ситуативными акциями и симулякрами. Не издается партийных идеологических работ, что компенсируется лояльными властью интеллектуалами, создающими необходимый идеологический продукт, а партийные функционеры ссылаются на него в своих выступлениях.

Консерватизм можно рассматривать как классическую идеологию либо как принятие политическими субъектами статуса-кво в обществе и политической системе. Последнее понимание, в свою очередь, отражает проводимый «ЕР» курс. Отношение к существующему положению вещей выдается за полноценную идеологию. Идейная база данного «консерватизма» не подкреплена посылом консервации. В обществе отсутствуют реально действующие традиции, высока степень атомизации. Партия своим дискурсом, скорее, продуцирует «общие политические ценности», но сама является внеидеологичной.

Попытка создать силу, объединяющую разнородные элиты, носит двойственный характер: с одной стороны, создаются фундамент и пространство для выработки согласованных решений, с другой – принятие этих решений и выработка непротиворечивого проекта развития страны откладываются. Потому «ЕР» в перспективе не спо-

собна самостоятельно выработать полноценные идеологические концепции. Соответственно, отсутствие идеологии говорит о техническом характере партии и ее зависимости от решений первых лиц государства.

Партия в своих документах избегает конкретики. Как партийный, так и бюрократический дискурсы в целом крайне эклектичны. Речь политиков и программные документы строятся так, чтобы они не поддавались однозначному толкованию. В целом партия ориентирована на консолидацию политических сил вокруг центра и встраивания в систему, а не на изменение конкретных политических институтов.

Контент-анализ понятий, используемых партией в 2007 г., показал, что «Единая Россия» активно обращалась к ряду «российская нация / российский народ». Ряд «русская нация / русский народ» встречался в основном в выступлениях, а также во внутривыборных и экспертных дискуссиях. Также был наиболее распространен имеющий позитивное смысловое наполнение ряд «единство», «целостность», «терпимость». Для характеристики негативных явлений в сфере межэтнических отношений «Единая Россия» использовала понятийный ряд «национализм», «экстремизм», «нацизм» / «фашизм», «расизм», «ксенофобия», «рознь»¹⁶.

Проведенный нами контент-анализ текстов предвыборных программ партии на выборах депутатов Государственной думы шестого созыва и на выборах Президента РФ 2012 г. показывает, что наиболее популярным рядом слов в обоих случаях было «государство», за ним следовали «народ» и «нация». Таким образом, партийные документы составлены с преимущественным использованием государственного (имперского) национализма, подчиняющего интересы людей задачам укрепления и поддержания могущества государства. При этом данный национализм носит внеконцептуальный и дискурсивный характер.

Примечательно, что первые лица «ЕР» ситуативно прибегают в своих публичных выступлениях к элементам этничности. Но в целом этническое в партийном дискурсе подчинено государственническому и имперскому. Имперский национализм был интегрирован в официальный политический дискурс в силу его удобства с точки зрения поддержки центральной власти в России. Ориентация на выработку «особого пути» является оформлением безальтернативности сложившегося в России порядка. Религиозность в связке с консервативным и имперским националистическим дискурсами также выступает как фактор укрепления государственной власти.

Заложенные противоречия в партии отражает ее структура, а именно – наличие платформ, преобразованных из ранее созданных клубов. Их создание было обусловлено стремлением полнее отразить интересы интегрированных во властную вертикаль групп и одновременно представить все

основные дискурсивные течения в российской политике.

Среди прочих наиболее активно авторитарно-националистический дискурс продуцирует Патриотическая платформа. Например, ее куратор Ирина Яровая назвала изучение иностранных языков в школе в текущем формате «угрозой нашим традициям». Также представителями «патриотического крыла» «Единой России» было предложено разогнать Высшую школу экономики и радио «Эхо Москвы», вернуть во все школы хоровое пение и отказаться от слова «демократия», а, по мнению Яровой единственным оплотом, противостоящим агрессивным устремлениям Запада, остается Россия, которая «всегда шла по пути объединения, чести и веры»¹⁷. Также она заключила, что множественность мнений ведет к зомбированию, а единая точка зрения, озвученная с детства, – к формированию здорового с нравственной точки зрения россиянина¹⁸.

Важно отметить, что государственный национализм пока не поляризует общество. Политизация национального вопроса приводит к конкуренции по его оптимальному использованию для достижения успеха на выборах. Вместе с тем установление полного контроля над националистическими течениями представляется маловероятным. Так, есть запросы на либеральный и этнический виды национализма, но нет их адекватного представительства. Потому их дальнейшая судьба будет зависеть от силы и популярности власти, которые обратно пропорциональны возможностям внесистемных националистов.

Нынешний поворот государства к национальному вопросу открывает для власти возможность обвинять в фашизме ее оппонентов, а также помогает завуалировать недостатки в проводимой политике. В силу преимущественной управляемости данным вопросом власть может использовать его и как фактор разрушения консолидации массовых протестов.

Власть одновременно как противостоит росту националистических настроений, так и способствует им. За счет своей риторики она ускоряет формирование информационного поля, в котором может начаться рост фрагментированных низовых этнонационализмов, столкновение которых друг с другом неизбежно.

Пока же реальные последствия использования элементов националистического дискурса можно усмотреть в дальнейшем дроблении националистического электората. В силу этого независимые, организованные и сплоченные националистические движения отсутствуют в настоящее время.

«ЕР» может быть идеологически идентифицирована как «центристская» в национальном и политическом вопросах в силу неопределенности позиции и наличия нескольких различных платформ внутри партии, однако сегодня ощутимо выделяется дрейф «вправо». Но можно ли говорить о

долгосрочном характере данного поворота? Вероятно, при сохранении внешнего давления власть будет продолжать обращаться к национальной тематике. Но полностью трансформироваться в национал-консервативную силу «ЕР» не сможет, так как это противоречило бы ее административной роли в существующей политической системе.

Последовательная линия невыгодна власти, поскольку это приведет к дестабилизации сложившегося баланса интересов. Поэтому можно говорить о том, что национализм в официальном политическом дискурсе и дискурсе «ЕР» играет вспомогательную роль. Вышеуказанное в очередной раз свидетельствует о том, что действия власти ситуативны и исходят из политической конъюнктуры. Из этого следует, что оформленное решение национального вопроса, равно как развитие политической системы и социально-экономической сферы, невозможно в рамках сложившегося статуса-кво.

Также маловероятно реформирование самой «Единой России». Хотя в партии и осуществлялись попытки ребрендинга и расширения внутрипартийной демократии, в целом в деятельности «ЕР» можно отмечать разнонаправленные тенденции. «Партия власти», пребывающая в жесткой зависимости от исполнительной власти и почти лишенная внутренней автономии, является широкой коалицией различных элитных группировок. Неизбежные конфликты между группами интересов оказались встроенными в единую политическую вертикаль и остаются «тлеющими» внутри нее, поэтому дестабилизация политической системы может прийти изнутри самой власти, так как здесь ресурс может столкнуться с ресурсом. Надежды на изменение такого положения есть, но они связаны преимущественно с изменением целеполагания президентской власти в области развития политической системы.

В условиях экономического кризиса и гражданской войны на Украине открытым остается вопрос, сможет ли политический режим в России продолжить балансировать в состоянии данного неустойчивого равновесия.

Примечания

- ¹ См.: *Вилков А. А.* Идеологический фактор формирования российской политической идентичности // Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / редкол.: И. С. Семенов (отв. ред.), Л. А. Фадеева (отв. ред.) [и др.]. М. : ИМЭМО РАН, 2011. С. 157–162.
- ² Путин посчитал себя «самым большим националистом в России». URL: <http://lenta.ru/news/2014/10/24/newputin/> (дата обращения: 25.10.2014).
- ³ См.: *Белковский С. А.* Сущность режима Путина. М. : Алгоритм, 2012. С. 113.
- ⁴ См.: *Нисневич Ю. А.* Вертикаль никуда : Очерки полити-

- ческой истории России : 1991–2008. М. : Аспект-Пресс, 2010. С. 18.
- ⁵ См.: Феномен многопартийности в российском обществе. Саратов : Научная книга, 2006. (Сер. «Монографии»). Вып. 9)
- ⁶ Макаренко Б. И. Постсоветская партия власти : «Единая Россия» в сравнительном контексте. URL: <http://polisnew.isras.ru/files/File/2011/1/4.pdf> (дата обращения: 10.05.2015).
- ⁷ См.: Кожневникова Г. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2007 году. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2008/02/d12582/> (дата обращения: 20.08.2015).
- ⁸ Путин В. В. Россия : национальный вопрос. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 30.08.2015).
- ⁹ Путин противопоставил традиционные ценности «хаотической тьме». URL: <http://lenta.ru/news/2013/12/12/tradition/> (дата обращения: 12.12.2013).
- ¹⁰ Путин призвал защитить Россию от «аморального интернационала». URL: <http://lenta.ru/news/2013/12/12/inter/> (дата обращения: 12.12.2013).
- ¹¹ Путин дал на Валдае урок консерватизма в политике. URL: <http://itar-tass.com/politika/1531748> (дата обращения: 10.06.2015).
- ¹² Путин : Есть страны, которые не могут жить по общим
- лекалам демократии. URL: http://ria.ru/valdaiclub_tenth_anniversary/20130919/964444199.html (дата обращения: 04.07.2015).
- ¹³ Путин : Русский народ шире душой, чем представители других народов. URL: <http://ria.ru/politics/20140417/1004339422.html> (дата обращения: 17.04.2014).
- ¹⁴ Крым имеет для России сакральное значение, заявил Путин. URL: <http://ria.ru/politics/20141204/1036533683.html> (дата обращения: 04.12.2014).
- ¹⁵ Иванов М., Хамраев В. Владимир Путин противопоставил внутреннее внешнему. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2617822> (дата обращения: 24.11.2014).
- ¹⁶ См.: Леонов Ю. С. Сравнительный контент-анализ понятий, употребляемых российскими парламентскими партиями для описания межнациональных отношений, и их смысловое наполнение. URL: <http://www.teoriapractica.ru/-2-2012/sociology/leonov.pdf> (дата обращения: 20.04.2013).
- ¹⁷ Подосенов С. Патриоты «Единой России» против демократии. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2014/10/31_a_6284789.shtml (дата обращения: 01.11.2014).
- ¹⁸ См.: Кудрявцева Е. Искомое русские. XVIII Всемирный русский народный собор погрузился в национальную идентичность. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2607516> (дата обращения: 17.11.2014).

УДК 323.2

ОСОБЕННОСТИ ВИРТУАЛЬНЫХ ФОРМ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

Р. И. Шарапов

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: robertsharapov@mail.ru

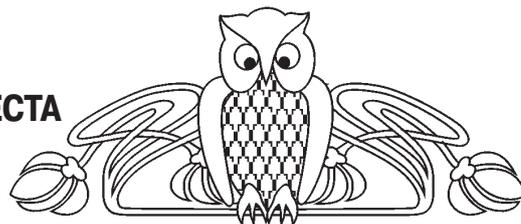
В данной статье рассмотрены виртуальные формы современных политических протестов, их отличительные черты, а также сделана попытка определить их влияние на уровень национальной и международной безопасности. Политизация информационно-коммуникационной среды в современном обществе является неоспоримым фактом. Помимо публикаций новостей политического содержания и их обсуждения в виртуальном пространстве появились и протестные политические действия.

Ключевые слова: политический протест, глобальная сеть Интернет, информационно-коммуникационные технологии, социальные сети, блоги, сообщества, группы, DDoS-атаки, сетевой принцип организации.

Distinctive Features of Virtual Forms of the Modern Political Protest

R. I. Sharapov

This article describes virtual forms of modern political processes, their distinctive features as well as it makes an attempt to determine their on national and international security. Politicization of the information and communication environment in modern society is an indisputable fact. Besides publications of news of the political contents and their

discussion in virtual space there were also protest political actions.

Key words: political protest, global Internet, information and communication technologies, social networks, blogs, communities, groups, DDoS-attacks, network principle of the organization.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-97-101

Различного рода протесты сопровождают жизнь общества постоянно и повсеместно. От восприятия индивидуумами и социальными группами этих протестов во многом зависит характер протекания последних, способы их локализации и возможные последствия.

В последние годы в различных странах мира существенно выросло количество политических протестов. Современные политические протесты отличаются формами, социальным составом протестующих, инструментами их организации, самим механизмом возникновения и дальнейшего распространения, что объясняет актуальность исследования их особенностей. Организация различных видов социальных протестов лежит в основе всех «цветных революций» последних

десятилетий. По мнению А. А. Вилкова, важнейшей предпосылкой их технологического обеспечения стало внедрение «Всемирной сети и повсеместно используемой мобильной связи»¹.

Обратимся к дефинициям политического протеста, которые до сих пор вызывают споры исследователей. Многочисленные зарубежные и отечественные исследователи феномена политического протеста (Дж. Дженкинс, Б. Кландерманс, А. И. Соловьев, В. В. Сафронов, С. В. Поздняков и др.) сходятся в том, что, прежде всего, политический протест является формой выражения несогласия (возражения), направленного против имеющейся власти. Далее можно выделить два основных расхождения в трактовках политического протеста. Первое касается численности участников политического протеста – ряд исследователей считают, что политический протест может быть как индивидуальным, так и групповым, другие определяют политический протест только как групповое проявление недовольства действиями власти².

Второе расхождение фокусируется вокруг конвенциональности политического протеста. Так, исследователи политических протестов придерживаются двух точек зрения: одни относят протесты к неконвенциональным акциям, всегда сопряженным с насилием и угрозой власти; другие же считают, что протест может существовать и в виде конвенциональной акции, не несущей угрозы правящему режиму.

По нашему мнению, протест, являясь сложным и многогранным явлением, может иметь как индивидуальную, так и групповую форму, быть в рамках закона, а также преступать его. Протест представляет собой одну из форм политического участия индивида или группы в политическом процессе государства конвенционального или неконвенционального характера. Главной особенностью протеста является обращение к власти с сообщением о своем недовольстве, а конечной целью – оказание влияния на решения, принимаемые существующим режимом.

Достижение цели современных политических протестных движений, на наш взгляд, обеспечивается наличием значительных финансовых возможностей (накопленных за период благополучных 2000-х гг.), а также появлением такого «нового» вида СМИ, как глобальная сеть Интернет.

И если в отношении понимания роли финансов в организации протестов вопросов не возникает, то феномен влияния сети Интернет на поведение общества в целом, а также его роль в политических протестах в частности являются предметом пристального изучения политологов современности.

Социальные движения, в том числе и протестные, используют следующие преимущества сети Интернет:

- быстроту коммуникаций (только в сети Интернет возможно одновременное интерактивное общение аудиторий в режиме онлайн, независимо от их численности);
- относительно точное измерение эффективности обратной связи (наличие таких инструментов, как «лайки», «расшаривания», «посты» и т. д., позволяет точно определять количество вовлеченных в коммуникацию участников);
- возможность мобилизации целевых аудиторий и профессиональных сред (группировки в сообщества по интересам в сети Интернет позволяют точно оказывать воздействие на нужную аудиторию);
- применение мультимедийных технологий и других (использование фото- и особенно видеоформата позволяют психологически усиливать воздействие на участников коммуникации).

Отличительные особенности сети Интернет по сравнению с другими видами «старых» СМИ мы сгруппировали в табл. 1.

Появление уникальной скоростной и гибкой интернет-среды, представленной текстовым, аудио- и видеоформатами, агрегирующей информацию, в том числе социально-политического содержания, из бесчисленного множества

Таблица 1

Сравнительная характеристика коммуникационных возможностей сети Интернет и традиционных видов СМИ

Характеристика	Пресса	Радио	ТВ	Интернет
Работа в режиме реального времени	–	–	–	+
Отсутствие географических границ	–	–	–	+
Нулевая стоимость обращения	–	–	–	+
Использование фото	+	–	+	+
Использование видео	–	–	+	+
Широчайший охват	–	–	+	+
Возможность доступа с разных устройств	–	–	–	+
Ограниченный объем сообщения	+	+	+	–
Контроль со стороны государства	+	+	+	–

источников и от разных носителей, существенно облегчило ее глобальное распространение, изучение, перекрестную проверку достоверности и обсуждение. На этом фоне появились новые формы политических протестов, называемые виртуальными. В обществе феномен переноса движения сопротивления в киберпространство получил название «хактивизм» и представляет собой синтез политической активности и использования интернет-технологий³.

На сегодняшний день отсутствует четкая классификация виртуальных форм политического протеста, большинство исследователей относят к ним протестную активность в социальных сетях Интернета и блогосфере, а также совершение кибератак с целью выражения протеста, имеющего политический подтекст.

Среди наиболее популярных социальных сетей, используемых для ведения протестной активности, можно выделить: Facebook, Twitter, YouTube, Odnoklassniki, Vkontakte и т. д., благодаря которым граждане получают большую свободу для самовыражения и обмена информацией.

Например, в социальной сети «ВКонтакте» в результате запроса по слову «Политика» в разделе «Сообщества» было найдено 4789 сообществ. Наиболее многочисленными являются группы «Русское оружие, Армия России Новороссия Политика» (202 480 участников), «Политика без купюр» (161 207), «Международная военная политика» (113 949), «Острая политика» (86 660), «Мне реально нравится Путин!» (76 222 участника) и многие другие.

В сети Facebook группы, найденные по слову «Политика», имеют гораздо меньшую численность (от 8493 участников в группе «Горячие новости Украины» и меньше).

В сети Odnoklassniki в результате запроса по слову «Политика» в разделе «Группы» на тот же момент времени было найдено 648 групп, наиболее многочисленной из которых является «Новости Украины и Мира. Политика, общество, мнения» (115 208 участников).

Как показала современная практика реализации политических протестов, информационный и мобилизационный ресурс социальных сетей и микроблогов может быть использован определенными силами в деструктивных целях, в частности, посредством распространения в Сети призывов к организации форм общественного протеста и политического неповиновения. Одну из таких ролей социальные сети сыграли, например, в ходе «арабских революций», когда Facebook и Twitter выступили одним из важных инструментов мобилизации граждан к публичному выражению протеста. В ходе турецких беспорядков в 2013 г. («турецкого лета») феноменального уровня достигло использование сервиса обмена микросообщениями (до 140 символов) Twitter.

Наиболее популярным ресурсом блогосферы, где активно ведется политическая протест-

ная деятельность, является LiveJournal («Живой журнал»). Ярким примером использования с целью выражения политического протеста блога в «Живом журнале» является блог российского оппозиционера Алексея Навального. Позиционируя себя в качестве гражданского активиста и борца за справедливость, он в своем блоге открыто обвинил действующую в России власть в злоупотреблениях. Тем самым оппозиционер расширил аудиторию вовлеченных в протест за пределы митингов, охвативших с конца декабря 2011 г. ряд городов Российской Федерации в связи с несогласием отдельных граждан с результатами последних парламентских и президентских выборов. При этом популяризации блога Алексея Навального и росту числа его сторонников в большей степени способствовало обсуждение его интернет-комментариев в традиционных средствах массовой информации, причем не только российских, но зарубежных. В итоге эти и другие факторы в определенной мере повлияли на рост протестного потенциала российских граждан и дискредитацию действий российских властей, в связи с чем данное явление получило название «блоггерского эффекта» Алексея Навального.

Наиболее известной и активной в мировом сообществе группировкой, действующей в протестных целях, является группа хактивистов «Anonymous», совершающих кибератаки на веб-сайты государственных структур и крупных компаний посредством их взлома и DDoS-атак.

Термин «анонимус» (от англ. *anonymous* – анонимный) используется для обозначения групп интернет-пользователей без постоянного состава и членства, осуществляющих всевозможные протесты и другие акции в Интернете. Действия, приписываемые данной группировке, осуществляются неидентифицируемыми лицами, которые используют термин «anonymous» (анонимы) в качестве атрибутики. С «Анонимусом» прочно ассоциируется ряд сайтов, среди которых – имиджборды, такие как 4chan и Futaba, связанные с ними вики-сайты и ряд интернет-форумов⁴.

У «Анонимусов» нет лидеров, начальников или вдохновителей, они полагаются исключительно на коллективную силу отдельных участников, действующих таким образом, что совокупный эффект приносит пользу всему сообществу. Стать членом группы может любой желающий.

Основным протестным «оружием» группы Anonymous является проведение так называемых DDoS-атак, в результате которых блокируются или выводятся из строя («ложатся») онлайн ресурсы (сайты) различных политических ведомств и персоналий.

В качестве наиболее яркого примера DDoS-атак, реализованных группой Anonymous, можно привести блокировку доступа к сайту сенатора

Либермана, странице и личному e-mail Сары Пэйлин, сайту адвоката, представляющего двух шведок, по обвинению в изнасиловании которых Ассандж был арестован, сайту шведского правительства и прокуратуры. Все эти действия были ответной реакцией на заморозку счетов Джулиана Ассанджа (основателя обличительного портала WikiLeaks). Данное мероприятие получило название «Операция Расплата».

Также нападению со стороны группировки Anonymous подвергались сайт британской организации Home Office (НО), отвечающей за безопасность и порядок внутри страны, сайты социальных служб США, включая ресурсы по предотвращению преступности и предоставлению социального жилья, сервис обмена микросообщениями Twitter, платежный сервис PayPal и др.⁵

Обычно продолжительность DDoS-атак является кратковременной (до 48 часов), тем не менее, само действие не проходит незамеченным и способно вызвать гнев (в случае раскрытия личных данных) и недовольство (из-за сбоев в работе сайтов) огромного числа пользователей.

Таким образом, с одной стороны, под воздействием «новых медиа» и социальных сетей активно формируется глобальное гражданское общество, обеспечивается транспарентность мировых процессов, интенсифицируются международные связи. С другой стороны, Интернет превращается в ключевой ресурс продвижения интересов как государств, так и ряда других акторов международной среды, в том числе террористов, экстремистов, членов организованных преступных группировок, которые посредством использования данных технологий могут манипулировать общественным мнением, проводить хакерские атаки, что чревато социальной, экономической и политической дестабилизацией, подрывом основ не только национальной, но и международной безопасности в целом.

Такие последствия виртуальных протестов аналогичны последствиям, вызываемым протестами в среде офлайн, что позволяет говорить о схожих направлениях воздействия виртуальных и реальных протестов.

Далее рассмотрим отличительные черты виртуального протестного движения.

Одной из главных черт современного протестного движения является сетевой принцип его организации. Сетевые гражданские структуры представляют собой новую форму организации общественных движений, предполагающую отсутствие вертикали власти, строгой дисциплины, быстроту передачи необходимой информации, в том числе и с использованием компьютерных и мобильных технологий.

Еще одной важной отличительной чертой виртуального протестного движения является разнородность его участников: ими становятся граждане самого разного происхождения и возраста, многие из которых ранее заявляли о своей аполитичности и которые никогда ранее не участвовали в акциях протеста (бывшие обыватели).

Также, по нашему мнению, к особенностям виртуального протестного движения можно отнести обязательное наличие у его участников хотя бы минимальных знаний современных компьютерных и мобильных технологий. Данный факт позволяет довольно точно определить пул потенциальных участников виртуальных протестов.

Еще одна особенность, присущая виртуальному протестному движению, заключается в способности оказания небольшой группой лиц, не обладающих существенными материальными ресурсами, определенного политического влияния посредством использования глобальной сети Интернет.

Вышеизложенный анализ современных форм виртуального политического протеста позволил выделить их основные достоинства и недостатки (табл. 2).

Таким образом, мы провели анализ виртуальных форм политического протеста, к которым относятся протестная деятельность в социальных сетях и блогосфере, а также хактивизм. По сравнению с протестами в реальной жизни, виртуальные протесты отличаются меньшей затратностью на организацию, более широкими географическими возможностями, а также боль-

Таблица 2

Основные плюсы и минусы виртуальных форм протеста

Плюсы	Минусы
Отсутствие географических границ	Высокая неоднородность участников протестов по политическим взглядам, присутствие большого числа обывателей
Высокая скорость распространения информации	Преимущественно локальные проявления протестной деятельности
Возможность целенаправленной мобилизации нужных слоев общества	Слабые возможности для массовой мобилизации
Низкие финансовые и людские затраты на организацию протеста	Отсутствие возможности вовлечения населения, не имеющего доступа к сети Интернет
Отсутствие возможности нанесения физического вреда лицам, против которых направлен протест	Отсутствие непосредственного контакта протестующих с властью

шей разнородностью и низкой организованностью своего состава.

В силу названных особенностей, а также оторванности виртуального протеста от властных структур, эффективность (достижение конечной цели) виртуального протеста на данный момент невозможна без выхода в реальность.

Примечания

- ¹ Вилков А. А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 68.
- ² См.: Jenkins J. S., Klandermans B. The Politics of Protest. Comparative Perspectives on State and Social Movements. Univ. of Minnesota Press : UCL Press. 1995. P. 6 ; Поздняков С. В. Политический протест : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2002 ; Соловьев А. И. Политология : Политическая теория. Политические технологии. М. : Аспект-Пресс, 2001 ; Сафронов В. В. Потенциал

протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 4. С. 9.

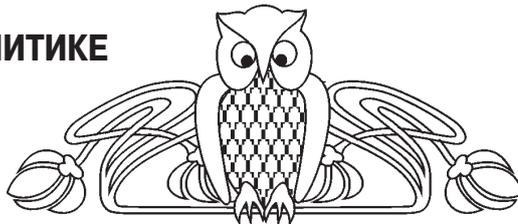
- ³ См.: Гуманитарные проблемы современности : человек и общество / С. В. Голикова, О. М. Горева, И. В. Гурьянов [и др.]. Кн. 22. Новосибирск : Изд-во ЦРНС, 2014.
- ⁴ См., например: Форум «Русские справки». URL: <http://fiks-ru.net/forum/7-32-1> (дата обращения: 03.09.2015).
- ⁵ См.: Твиттер : никто не пострадал от атаки Anonymous // Портал HardWare, 13/08/2012. URL: http://www.hwp.ru/news/Twitter_nikto_ne_postradal_ot_ataki_Anonymous_103261/ (дата обращения: 15.11.2015) ; Шум А. Сайт организации Home Office был атакован хакерами из Anonymous // Портал HardWare, 09/05/2012. URL: http://www.hwp.ru/news/Sayt_organizatsii_Home_Office_bil_atakovan_hakerami_iz_Anonymous_102609/ (дата обращения: 09.10.2015) ; 51-летний активист Anonymous сознался в осуществлении DDoS-атак на сайты социальных служб // Портал СекьюритиЛаб, 11/02/2015. URL: <http://www.securitylab.ru/news/471119.php> (дата обращения: 10.10.2015).

УДК 261.7

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

А. Г. Шестакова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: ashestakova@mail.ru

Вопрос об актуальности религиозного фактора в жизни современного общества то и дело поднимается как в средствах массовой информации, так и в научной периодике. Однако зачастую в массовом сознании и в научном дискурсе религиозный фактор ассоциируется только лишь с исламским терроризмом либо эмиграцией из исламских стран. В то же время христианство отесняется на второй план. Такой контекст существенно упрощает тему, искажая тем самым картину мира. В настоящей статье анализируется суть этого феномена.

Ключевые слова: христианская демократия, социальная рыночная экономика, символическая политика, постмодерн, «золотой миллиард», современный колониализм.

Religious Factor in World Politics

A. G. Shestakova

The question about the relevance of religion in modern society now and then rises in the media and in scientific periodicals. However, often the religious factor is associated only with Islamic terrorism or the emigration from the Islamic countries in the public mind and in the scientific discourse. At the same time, Christianity is supplanted by the wayside. This greatly simplifies the context of the theme, thus distorting the picture of the world. This article analyzes the essence of this phenomenon.

Key words: Christian democracy, social market economy, symbolic policy, postmodern, «golden billion», modern colonialism.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-101-105

Согласно исследованию одного из наиболее авторитетных средств массовой информации США, канала FoxNews, обнародованному в декабре 2012 г., на данный момент «люди, не принадлежащие ни к одной религии, составляют третью по численности группу в мире после христиан (2,2 миллиарда человек) и мусульман (1,6 миллиарда человек)»¹. Авторы аналитического репортажа размышляют о том, насколько жив еще «дух христианства». Думается, что этот вопрос возник не только вследствие масштабной секуляризации, охватившей западный мир в последние двести лет. Причина в том, что изменился сам мир, в котором современные мировые религии специфическим образом реализуют свою функцию руководства общественно-политическим развитием.

Формирование глобальной экономики по принципу «метрополии – колонии», ставшее причиной появления так называемого «золотого миллиарда», приводит к нарастанию напряжения в отношениях между (условно) развитыми и развивающимися странами. Для примера: в 1989 г. на долю 20% населения Земли, жителей наиболее богатых стран, приходилось 82,7% валового мирового дохода, в то время как на долю 20% беднейшего населения планеты (развивающиеся страны, или так называемый «третий мир») – 1,4%. Число голодающих и страдающих от не-

доедания превысило к концу XX в. 1 млрд чел. В 1990-е гг. от 12 до 18 млн жителей планеты ежегодно умирали от голода². Поскольку маловероятно, что богатые страны внезапно и добровольно снизят уровень жизни своих граждан, для того чтобы «выровнять» положение со странами «третьего мира», постольку можно утверждать, что в будущем мир ожидает возрастание ожесточения между «метрополиями» и «колониями».

В то же время современные «колонии», как правило, являются странами с преобладанием (в той или иной степени) верующего населения, вследствие чего к суровой необходимости борьбы за выживание прибавляется замешанное на строгих религиозных нормах презрительное отношение к «продавшим душу богачам». Общество развитых стран воспринимается странами «третьего мира» как погрязшее в разврате, аморальное, безнравственное. Это толкает социумы современных «колоний» к консолидации, концентрации на нормах религии, подчас преувеличенной «традиционализации»: в этом видится спасение наций, находящее свое отражение как в сохранении исторических, культурных, этнических традиций, так и в отстаивании государственного суверенитета.

К этому добавляется демографический спад в развитых странах, старение наций «золотого миллиарда», что вызывает необходимость обращения к рабочей силе «молодых» наций «третьего мира». В свою очередь, это создает проблему иммиграции, в том числе нелегальной, в результате которой возникают этнокультурные анклавные внутри развитых стран, выступающие в роли «пятой колонны».

Одновременно общество «золотого миллиарда» идеологически не представляет собой монолита. Духовный кризис, вызванный разочарованием в действительности постмодерна, кардинальной сменой общественно-политических ориентиров, дискредитацией демократии, год от года усугубляется. Страны западной цивилизации скрепляло сначала христианство, затем потребность отпора общему врагу, т. е. коммунизму. На данный момент христианство «ушло в тень» по причине, о которой далее будет сказано, коммунизм схватку за мировую гегемонию (во всяком случае, пока) проиграл. Выдвинуть же сколько-нибудь убедительный альтернативный миф Запад еще не сумел.

Наука закономерно реагирует на эти меняющиеся условия существования мировых религий и соответствующим образом составляет акценты и в данном предмете. С одной стороны, религии как системы мировоззрения в целом и религиозные объединения в частности признаются на сегодняшний день одним из важнейших субъектов мировой политики, что отражается в некоторых программных документах международных форумов и симпозиумов. В частности, текст «Родосской декларации» гласит: «...религии

способны играть особо важную роль в выделении духовных и гуманистических ценностей, напоминая людям об их ответственности за общее благо человечества и противопоставляя их обществу, пронизанному лишь стремлением к обогащению и потреблению»³. Как отмечают авторы коллективной монографии «Универсальные ценности в мировой и внешней политике», «религии и религиозные структуры рассматриваются в качестве посредника стратегических гражданских инициатив... Подобная установка предполагает признание ведущей роли религиозных организаций в определении реальных политических приоритетов...»⁴ В последние двадцать лет мы видим, как при обсуждении тех или иных социально-политических прецедентов религиозный фактор напрямую называется *causa causarum*. В этих случаях религия как бы выходит на первый план, либо ее умело «выводят из тени», потому что далеко не всегда декларируемый *casus belli* является действительным. «Разыграть религиозную карту» нередко стараются в целях достижения наибольшего политического эффекта либо в оправдание свои действиям.

Религиозный фактор становился определяющим или объявлялся таковым в большинстве военных конфликтов новейшего времени. В частности, 26-летняя гражданская война в Шри-Ланке, одна из самых затяжных и кровопролитных в истории послевоенного мира, была вызвана противостоянием буддистов-сингалов и индуистов-тамиллов⁵. Причем это как раз тот случай, когда собственно религиозные аргументы используются лишь в качестве лозунгов, в то время как суть самого конфликта состоит в борьбе за ресурсы. Незатухающим является индо-пакистанский конфликт, в основе которого – столкновение интересов мусульманской и индуистской элит. Особенную остроту конфликт приобретает с учетом того факта, что и Индия, и Пакистан являются ядерными державами. Впрочем, некоторые обстоятельства разрывания конфликта позволяют увидеть в нем своеобразное продолжение «холодной войны» – в соответствии со своими стратегическими интересами Россия регулярно снабжает военной техникой Индию, в то время как Пакистан столь же регулярно «дотируется» Соединенными Штатами Америки. Известен до сих пор нерешенный сербо-албанский конфликт, в основе которого, кроме геополитических причин, лежат также и религиозные. Показательно, что М. Олбрайт, по собственному признанию, будучи всю свою жизнь уверенной в том, что религия давно отошла на задний план в мировой политике, на закате своей политической карьеры вынуждена была кардинально поменять свои убеждения: «Мне казался совершенно невероятным тот факт, что в преддверии XXI века католики и протестанты Северной Ирландии никак не могут прийти к миру и согласию, а в Южной Азии буддисты и мусульмане не оставляют по-

пыткок расквитаться друг с другом за старые грехи. Хотелось надеяться, что все это – отголоски прошлого, непросвещенного времени, а не признаки грядущих столкновений. Совершенные 11 сентября атаки террористов на Центр международной торговли заставили меня понять, что я, скорее всего, заблуждалась. Как и многим другим специалистам в области внешней политики, мне пришлось пересмотреть некоторые мои взгляды на перспективы мирового развития с учетом тех новых реалий, которые все громче заявляют о себе в последнее время»⁶.

С другой стороны, сегодня и наука, и публицистика значительно сузили ракурс рассмотрения религиозного фактора. Для массового сознания все многообразие факторных свойств мировых религий фактически оказалось сведено к исламскому терроризму и исламской эмиграции. Поэтому контекстом большинства материалов, посвященных этой теме, является исламофобия и попытки поиска выхода из тупика – столкновения цивилизаций Востока и Запада. При этом проблемы собственно христианства отходят на задний план как не представляющие актуальности. Однако такое сужение предмета исследования существенно упрощает проблему. В связи с этим представляется чрезвычайно интересным выявить причины, которые привели к формированию искаженной картины мира.

Религия может рассматриваться как ментальная основа, некий генератор стереотипов, повинующимся которым, живет общественное сознание. В этой своей ипостаси религия далеко не всегда, если не сказать – никогда, не воспринимается обществом как источник тех или иных паттернов. Как правило, общество воспринимает стереотипизированные формы поведения и анализа окружающей действительности как нечто само собой разумеющееся, объясняя это «правильностью», «разумностью», либо «традицией», «обычаем». Религиозные нормы являются частью морального кодекса современной цивилизации. Ими настолько пронизан ментальный мир человека, что он повинуется им, зачастую даже этого не осознавая. Как писал Э. Дюркгейм, «менее заметно, что она [религия] не ограничилась обогащением человеческого ума известным числом идей, а внесла вклад в формирование самого этого ума. Люди в значительной мере обязаны ей не только содержанием своих познаний, но также и формой, в которую эти познания отлиты»⁷. Именно вследствие этих своих свойств религия была и остается сегодня фактором тех процессов, в которых относительная стабильность морального кодекса цивилизации начинает конфликтовать с высокой подвижностью и нестабильностью прагматических интересов ее развития. Одно из ярких проявлений факторности религии в политической жизни современных развитых обществ состоит в том, что она позволяет динамично развивающимся социально-политическим системам

избегать перекоса в сторону сугубо прагматических интересов и мотиваций развития и тем стабилизирует динамику политического процесса.

В этой связи не выглядит случайностью то, что идея, согласно которой следование религиозным нормам в политике и экономике может вывести государство и общество на качественно новый уровень благосостояния, была выдвинута европейцами после Второй мировой войны. В послевоенном мире политические партии, чьи программы так или иначе опирались на христианский базис (формально или реально), приобрели очень большой вес. Наиболее влиятельными партиями в 1940–1990-е гг., т. е. на протяжении полувека, являлись блок ХДС/ХСС в Германии, Народно-республиканское движение во Франции (самораспустилось в 1967 г., на его базе возникло несколько христианских партий всего политического спектра), Христианско-демократическая партия Италии, Партия национального действия Мексики, Христианско-демократическая партия Чили. В ФРГ и Италии христианско-демократические партии в первое послевоенное двадцатилетие возглавляли правительства. Интересно подчеркнуть, что именно эти страны, для которых последствия Второй мировой войны были наиболее катастрофическими по сравнению с другими западноевропейскими государствами, показали миру беспрецедентный пример «экономического чуда».

Франция, Западная Германия, Италия, Латинская Америка – в этих странах и регионах христианско-демократическим блокам симпатизировали миллионы людей. Можно сказать, что на протяжении всего периода строительства в Европе welfare state его архитекторами были политики, позиционирующие себя как христианские деятели. Столь широкому признанию способствовали программные требования этих партий, отвечающие духу времени: в частности, звучали призывы к расширению демократических свобод, введению государственного регулирования экономики (что неизбежно влекло за собой повышение уровня жизни населения через различные социальные программы) и т. д. Людвиг Эрхарт, один из лидеров ХДС и творец «экономического чуда» Германии, ввел в экономическую и политическую науку новое понятие – «социальная рыночная экономика», как альтернативу принципу «laissez-faire». Теория социально ориентированных политико-экономических процессов в настоящее время признается многими аналитиками в качестве наиболее эффективного механизма поддержания высокого уровня жизни при одновременном сохранении общественного спокойствия и солидарности нации. В той или иной степени основные постулаты теории Л. Эрхарта до сих пор применяются в государствах-экономических гигантах, таких, например, как Швеция и Япония.

Известно действие «католического фактора» в Латинской Америке, где отдельные священни-

ки (в частности Камилло Торрес) становились «революционерами в сутанах», возглавляя акции протеста и борьбу за права человека. Латиноамериканская «теология освобождения» представляла собой своеобразный сплав евангелических, социалистических и коммунистических идей. Ее программный документ, «Манифест епископов третьего мира», был поддержан в 1968 г. 800 священнослужителями Латинской Америки. Идеи «теологии освобождения» нередко поддерживались христианско-демократическими правительствами латиноамериканского региона. Например, в 1967 г. правительство Эдуардо Фрея приняло закон об аграрной реформе, предписывающий экспроприацию помещичьей земли сверх лимита за выкуп. По итогам действия этого закона было экспроприровано 3,4 млн га помещичьих земель и организовано на них 910 кооперативов с участием 29 тыс. семей⁸. Благодаря экономическим реформам Э. Фрея Чили стала одной из высокоразвитых стран Латинской Америки.

В США религиозные группы приобрели широкую популярность в 1980-х гг. Особенно активной среди них была организация «Моральное большинство» во главе с проповедником Джеффри Фолуэллом⁹. Представители «Морального большинства» упрекали демократов в доведении защиты индивидуальных прав личности до абсурда и нарушении норм морали и нравственности. «Морально-этическая оппозиция» имела настолько большой политический вес, что сумела заблокировать несколько аморальных, по мнению ее членов, поправок к Конституции.

Сегодня же, когда европейские общества столкнулись с угрозами исламизации извне, за счет миграционных потоков из стран «третьего мира», и с угрозами роста исламофобии у собственных граждан, разрушающими единство гражданских обществ изнутри, христианское вероучение политиками и политическими аналитиками, а также значительной массой граждан не воспринимается в качестве той точки опоры, которая позволяет решать практические проблемы и реагировать на быстроменяющиеся внешние и внутренние угрозы, не выходя за рамки этического кодекса цивилизации. Это происходит оттого, что ограничительной линией в современной политике выступают не христианские ценности, а так называемые общечеловеческие ценности. Они переключаются между собой по отдельным позициям. Но, в сущности, это два вполне самостоятельных феномена, порожденных давней и недавней историей европейского мира, которые в течение минувшего столетия постепенно сливались в сложную и противоречивую мотивацию либерально-демократической политики.

В XX в. произошло парадоксальное событие: либерализм, с которым христианство боролось на протяжении всего XIX столетия, стал частью идейного базиса христианства XX в. Два идейных врага, образно говоря, «перевари-

ли друг друга» и создали некую квази-религию, которая в полной мере христианством уже не является, однако воспринимается массовым сознанием сегодня именно как настоящее христианство. На деле же либерализм, как и христианство в свое время, стал фабрикой образов и символов, ориентируясь на которые, современный человек не только определяет, что хорошо, а что плохо, но и строит свою повседневность. То есть либерализм стал частью мифологии современной цивилизации. Как писал Х. Ортега-и-Гассет, «сегодня самый махровый реакционер в глубине души сознает, что европейская идея, которую прошлый век окрестил либерализмом, в конечном счете и есть то непреложное и неизбежное, чем сегодня стал, вольно или невольно, западный человек»¹⁰. Либерализм, «запряганный» в христианстве, самим своим примером призывает страны «третьего мира» – «делай как мы». И сейчас «третий мир», по сути, не делает ничего особенного, всего лишь стараясь подражать примеру Европы – т. е. пытается идти проторенным европейцами путем религиозного обоснования ключевых экономических и политических ценностей к той же цели – обществу благосостояния. Те же, кому не терпится пройти этот путь быстрее – эмигрируют в Европу. Причем исламские ценности представлены в этом процессе как ценности «общечеловеческие» точно в той же мере (для «третьего мира»), в какой либерализм в качестве «общечеловеческих» склонен представлять ценности христианские (в западных странах). Исламский мир делает ту же работу над религиозными мотивациями политики, которую некогда проделали европейцы, только глобализация заставляет его торопиться и делать эту работу интенсивнее и агрессивнее.

В XX в. европейцы убедили себя и весь остальной мир, что цивилизованная политика становится принципиально другой: из отстаивания интересов она превращается в отстаивание ценностей. Согласно доминирующему сейчас мнению, цивилизованная политика – это политика ценностей и всего, что их символизирует. Отсюда – акцент в европейской политике на публичном манипулировании разного рода символами свободы, толерантности, равенства. И более того, по мнению политологов, традиционные геополитические факторы, такие как территория, военная мощь, экономическая сила и демографический потенциал, в условиях общества постмодерна уступают свое первенство нематериальным феноменам: исторической памяти, нравственному капиталу и т. п.: «...“сдвиг парадигмы” в большой степени связан с растущей значимостью понятия “мягкой силы” – фактора..., обеспечивающего способность определенной страны оказывать влияние на поведение других стран»¹¹. Это обстоятельство требует изменения форм политической деятельности, которое отображается в сходном поведении со-

временных политиков и шоуменов. Вынужденные действовать в рамках заданной рамками постиндустриального общества системы координат, политики зачастую используют в своем поведении знаки, свойственные ранее только людям искусства и кумирам масс-культуры: «Символы повелевают»¹². Многими аналитиками отмечается порой даже нарочитая символичность современной политики, которую трактуют как «“власть наречения”»: за возможность обязательного установления наименований, понятий и интерпретаций. <...> политико-символический акт есть не столько отвлечение и симуляция, псевдо-и эрзац-политика, сколько незаменимый способ политического управления»¹³. Однако наполнение этих символов, т. е. собственно мифологию, современная культура черпает по-прежнему из христианства.

Эту идею политики как манипулирования символами позаимствовали исламские радикалы, создав символическое государство ИГИЛ и осуществляя политическое участие символическими террористическими акциями, казнями, информационными атаками на медиа-пространство. Естественно, что в условиях конкуренции двух моделей символической политики внимание публицистов и исследователей концентрируется, в первую очередь, именно на том, что ярче всего символически характеризует политические успехи и поражения той и другой стороны: на успехах исламских террористов и успехах европейских спецслужб.

Однако при сходе политических механизмов действия ислама и христианства как основ мировоззрения двух культур между ними есть и существенное различие. На Востоке функцию генератора и хранителя ценностей выполняет умма – т. е. все сообщество верующих. Таким образом, религиозный фактор предстает в качестве результата политической активности общества. В Европе, напротив, функцию генератора и хранителя ценностей на себя взяло государство. В Европе религиозный фактор в массовом сознании – это состояние государственного законодательства о культурах, в первую очередь. В результате все, что имеет отношение к влиянию христианства на современный социум, исследователями воспринимается через призму государственной политики. В то же время все, что касается ислама, воспринимается через призму политического участия общества или его частей. Тем самым христианство и ислам, как две части единого религиозного фактора, в предметном

поле науки разведены по противоположным полюсам.

Именно поэтому исследователи не находят в исламе как общественно-политическом построении государственнического представления, коррелирующего с либеральными, а на самом деле – с христианскими государственническими представлениями. Они находят в исламе то, что противостоит их европейским представлениям о связи религии с государством – и по сути, и по форме. Соответственно, исследователи закономерно видят в исламе угрозу государственно-христианским устоям европейской политики и концентрируют свое внимание на исследовании антигосударственных проявлений исламизма, т. е. на исследовании исламского радикализма и террора.

Примечания

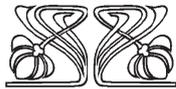
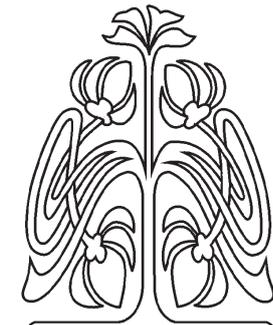
- 1 Losing our religion? URL: <http://video.foxnews.com/v/2054776564001/> (дата обращения: 19.12.2014).
- 2 См.: История новейшего времени стран Европы и Америки : 1945–2000 гг. : учебник для студентов вузов / под ред. Е. Ф. Язькова. М. : Простор, 2003. С. 375.
- 3 Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций». Родосская декларация 2009 года. URL: <http://www.ageev.net/2009/10/mirovoj-obshhestvennyj-forum-dialog-civilizacij/> (дата обращения: 30.11.2015).
- 4 Универсальные ценности в мировой и внешней политике / под ред. П. А. Цыганкова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 65.
- 5 См.: Чужие войны / под ред. Р. Н. Пухова. М. : Центр анализа стратегий и технологий, 2012. С. 11–28.
- 6 *Олбрайт М.* Религия и мировая политика : пер. с англ. М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. С. 24.
- 7 *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни : Тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения : антология : пер. с англ., нем., фр. / сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М. : Канон+, 1998. С. 184.
- 8 См.: История новейшего времени стран Европы и Америки... С. 222.
- 9 Там же. С. 285.
- 10 *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М. : Искусство, 1991. С. 338.
- 11 Символическая политика : Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс : сб. науч. тр. М. : ИНИОН РАН, 2012. С. 94.
- 12 Там же. С. 72.
- 13 Там же. С. 47.

ХРОНИКА

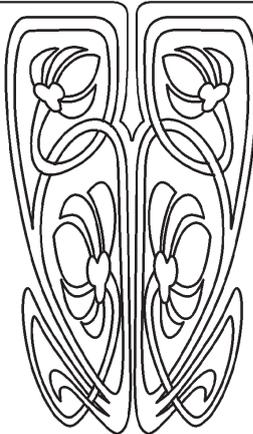
СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ НАУЧНОГО СЕМИНАРА САРАТОВСКИХ ОТДЕЛЕНИЙ РОП И РАПН «ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО В РОССИИ: ПОСТСОВЕТСКИЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВА» (3 февраля 2016 г., кафедра политических наук юридического факультета ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государствен- ный университет имени Н. Г. Чернышевского»)

Участники семинара: Байниязова З. С., канд. юрид. наук, доцент; Барашков Г. М., канд. полит. наук, доцент; Бахлов И. В., д-р полит. наук, профессор (г. Саранск); Бердникова Е. В., канд. полит. наук, доцент; Вестов Ф. А., канд. юрид. наук, профессор, Вилков А. А., д-р полит. наук, профессор; Изергина Н. И., д-р полит. наук, профессор (г. Саранск); Логинов А. В., д-р полит. наук, доцент (г. Саранск); Матвеев Р. Ф., д-р полит. наук, канд. юрид. наук (г. Москва); Мирзаханов Д. Г., канд. филос. наук, доцент (г. Махачкала), Митрохин В. А., д-р ист. наук, профессор; Решетников В. Я., канд. юрид. наук, доцент; Сергеев С. Г., канд. полит. наук, доцент; Тогузаева Е. Н., канд. юрид. наук, доцент; Фаст О. Ф., канд. юрид. наук, доцент; Федотов А. С., д-р полит. наук, профессор; Чернышов А. Г., д-р полит. наук, профессор (г. Москва); Шестов Н. И., д-р полит. наук, профессор; Шошин С. В., канд. юрид. наук, доцент.

Шестов Н. И. Уважаемые коллеги! Рад приветствовать вас на теоретическом семинаре, который мы уже не первый раз проводим на кафедре политических наук Саратовского государственного университета. Активное рабочее ядро семинара, как обычно, составляют члены Саратовских отделений РАПН и РОП. Вместе с тем, как это тоже у нас давно практикуется, мы пригласили для участия в семинаре наших коллег – юристов, специалистов из других городов и вузов, с которыми у нас давно налажено научное сотрудничество. Я имею в виду наших коллег из Москвы и Саранска. Они представили к семинару свои тезисы и доклады. На этот раз формальным поводом собраться стал выход в свет в одном из столичных издательств научной монографии наших коллег, Федора Александровича Вестова и Ольги Федоровны Фаст «Правовое государство: теоретическое проектирование и современная политическая практика» (М., 2015). Реальным же поводом обсудить вопросы теории и практики правового государства в современной России является, конечно, нынешнее нарастающее кризисное состояние российской политики и экономики. Обществу интересен не сам по себе кризис. Даже на веку нынешнего поколения российских граждан этот кризис не первый и, вероятно, не последний. Обществу интересно, как в кризисной ситуации поведет себя государство, которое, в сущности, есть исторически данный ему инструмент решения разного рода кризисных внутренних и внешних проблем. Государство у нас правовое и социальное – так прописано в первой и седьмой статьях ныне действующей Конституции. Но реализовать свой правовой и социальный характер оно может очень по-разному. Может, как в 90-е гг. прошлого века, отпустить общество с его проблемами в «свободное плавание», дистанцироваться от общественных проблем и интересов. А может, как в кризисе первого десятилетия века

ПРИЛОЖЕНИЯ

нынешнего, возглавить преодоление кризиса. И тогда очевидно, что наполнение смыслом понятий «правовое государство», «социальное государство» будет определяться не столько буквой Конституции, сколько логикой политических и экономических процессов. Сегодня государство демонстрирует готовность взять на себя лидерство в деле выхода из кризиса. Это означает, что оно будет меняться. В какую сторону возможны эти изменения? Предлагаю этот ключевой вопрос обсудить как раз на сегодняшнем семинаре. Слово, с вашего позволения, коллеги, я предоставляю авторам монографии.

Вестов Ф. А. Уважаемые коллеги, я возьму на себя ответственность выступить от имени нашего небольшого авторского коллектива и обратиться ваше внимание на несколько важных, на мой взгляд, сюжетов. Во-первых, в Конституции РФ записано, что Российское государство является правовым государством. В то же время аналитики – юристы и политологи, а также публицисты – постоянно обсуждают пути и способы превращения «исторически сложившегося» авторитарно-бюрократического Российского государства в государство «правовое». Так оно есть на самом деле у нас, это «правовое государство»? Или же это только более-менее отдаленная перспектива? Создается впечатление, что когда отечественные специалисты обсуждают проблему правового государства, определяют степень ее актуальности, решенности и решаемости, они имеют в виду в качестве предмета своего теоретизирования очень разные «правовые государства». В монографии мы исследовали общность и различие юридических и политологических подходов к этому вопросу. Объединяет юристов и политологов убеждение, что Российское государство исторически устроено «неправильно» и его необходимо «исправить». А исправить его можно только одним способом – сделать «правовым». «Правовое государство» – это государство устроенное «правильно». Эта позиция и нашла свое отражение в Конституции.

Проблема в том, что и политологи, и юристы в своем понимании «правильности» переустройства нашего государства не идут дальше рецептов, выписанных политике «западной» политической и правовой мыслью прошлых столетий. Юристы убеждены, что для исправления государства достаточно исправить законы. Политологи же считают необходимым исправление вместе с законами всей системы функционирования административных институтов и, главное, их отношений с общественными институтами. Дальше этого отечественная теоретическая мысль не движется.

Второй вопрос напрашивается сам собой. Почему достижения «мировой», а по сути, «западной» политической мысли становятся тупиком для отечественной теории государства? В монографии ответ на этот вопрос: на протяже-

ние всей истории обсуждения вопроса о «правильном» устройстве правового государства политическая и юридическая мысль ориентировалась не столько на изучение структуры, функций, ресурсообеспеченности, конкретных интересов государственных институтов, сколько на «идею» государства. На ту «идею настоящего и правильного государства», которая проявит себя в будущем, если сегодня приложить к этому определенные нормотворческие и организационно-политические усилия. Такой ход «мировой» теоретической мысли делал ее зависимой от политико-идеологических представлений о государстве, обществе и их взаимоотношениях. Эта зависимость научного подхода от идеологии в вопросе о «правильном» устройстве «правового государства» в полной мере в последние два столетия была унаследована и отечественной политической мыслью.

В результате современные отечественные исследователи больше дискутируют на предмет «идеи правильно устроенного Российского государства», чем пытаются отследить реальные и конкретные изменения в его системных и динамических характеристиках, в его внутренних и внешних проявлениях активности. Особенно тех, которые обнаружили себя в последние десятилетия в связи с усилением тенденций к глобализации политических и правовых норм цивилизованного общежития и которые есть исходное современное условие для проектирования будущих состояний российской государственности.

Третий сюжет, который представляется мне важным для научного обсуждения, – это проблема методологии «системного» исследования правового государства. С моей и Ольги Федоровны точки зрения, «системность» государства заключается не в системности представлений о нем теоретиков, а в фактической способности государства системно реагировать на внутренние и внешние вызовы и риски его функционирования. Именно у такого государства есть перспектива быть признанным массовым сознанием и сознанием политической элиты в качестве «правильно» организованного, «разумно» руководящего общественной жизнью при помощи юридических и административных действий, а значит, и в качестве «правового». Причем такое признание не зависит напрямую от соответствия государственной политики показаниям либеральной, консервативной либо социалистической теории. Поэтому в монографии мы попытались выявить изменения в структуре и функциональности современного Российского государства. Такие, в которых проявляется его способность к системному реагированию на внешние и внутренние угрозы и риски и которые по этой причине находят отклик в массовом сознании российских граждан и делают легитимной в их глазах разнообразную активность государственных институтов. В рамках этих изменений образуется тот

фактический материал, из которого уже сегодня постепенно складывается в массовом сознании и сознании политической элиты проект «правового государства» как условной цели, к которой направлена совместная политическая, экономическая, правовая и культурная деятельность государственных и общественных институтов.

Есть тенденция, которая, вероятно, будет определять очертания проекта «Российского правового государства». Государство в обеспечении внешней безопасности и внутренней стабильности делает ставку не столько на законы и на активность институтов гражданского общества, на политическую и правовую сознательность граждан (как это предусматривает либеральная теория правового государства), сколько на дееспособность «силовых структур» (армии, полиции, органов государственной безопасности и фискальных служб). Это смещение по большей части находит поддержку в массовом сознании граждан и в сознании элит. В этой сфере происходит концентрация правовых, административных, экономических и культурных ресурсов государственной политики. Это возрастание политического и юридического влияния «силового блока» государства уже сегодня воспринимается многими обществами современного мира как атрибут «правильно» устроенного государства.

Четвертое. Такое смещение акцентов в функционировании государственного механизма создает проблему кризиса «правового государства» как одной из главных ценностей современной цивилизации.

Консерватизм, либерализм и социализм, другие классические идеологии делили и делят общества и государства на постоянно противоборствующие политические лагеря. Они привносят многочисленные культурные расколы в сами социальные структуры. В противовес этому идея правового государства и практические шаги в направлении его создания действительно объединили сегодня многие государства и народы в их совместном движении к более разумному мироустройству. Эти идея и исторический опыт стали цивилизационной ценностью.

В то же время, как никакая другая традиционная ценность, правовое государство сегодня оказалось под давлением общего кризиса традиционных политических ценностей в Старом и Новом Свете. Если государство нужно лишь для того, чтобы распределять бюджетные средства между бизнесом, трудящимися и теми многочисленными слоями населения в развитых странах, которые существуют на социальные пособия, то является ли оно ценностью? Если правовое государство не находит со своими гражданами общего языка на почве закона и для защиты от террористов, активизирующегося криминала и других многочисленных внутренних угроз идет на расширение полномочий своих силовых структур, является ли оно той же ценностью, что прежде?

Если государство, прежде занимавшее ключевые позиции во всей системе внутренних и внешних социальных коммуникаций, сегодня делает шаги в направлении превращения в «электронное государство», если оно проявляет готовность стать «лишь одним из» многочисленных игроков в пространстве современных информационных коммуникаций, то может ли оно по-прежнему претендовать на особое отношение граждан к своим полномочиям и интересам?

С другой стороны, как в современную систему цивилизационных ценностей впишется в ближайшем будущем, допустим, «правовое государство», основанное на доминировании в политике и праве интересов и компетенций силовых структур? Не приведет ли проектирование развития «правового государства» в этом направлении в России и некоторых других странах к разрушению целостности ценностных оснований современной демократической политики как таковой?

Мы в монографии предлагаем подходить к поиску ответов на эти вопросы с той точки зрения, что сама по себе идея и практика «правового государства» есть идея и практика цивилизационного эксперимента, который некогда начался и, вероятно, будет продолжаться достаточно долго. К числу его участников присоединилась и Россия. Основная проблема российской версии этого эксперимента состоит в том, что в современной России вектор работы государства над своим усовершенствованием вполне согласуется с общественными ожиданиями от государственных административных и силовых институтов большей функциональности, но не вполне согласуется с общественными же представлениями о справедливости и морали. Эти представления по ходу либерально-демократических реформ в нашей стране оказались сильно идеологизированы. Общественное сознание не всегда способно соотнести действия государства, движимого соображениями системного реагирования на внешние и внутренние угрозы и вызовы, со смыслом тех или иных идеологических установок. По причине чего часть общества видит в действиях государства справедливость там, где другая часть ее не видит. Это мешает делу консолидации общества в вопросе, превращается ли нынешнее Российское государство в «правильное», которое может быть признано массовым сознанием «правовым»? Сторонники либерального подхода, жестко критикующие современное состояние правового государства в России, акцент делают на том, что оно, в первую очередь, должно обеспечивать негативные права и свободы граждан во всех их проявлениях, не обосновывая правовые гарантии его социальной функциональности. В условиях России такая модель воспринимается многими гражданами как социальный регресс не только в сравнении с Советским государством (взявшим на себя всю совокупность социальных обязательств), но и в

сравнении с большинством развитых демократических стран мира, ставших на путь соединения функциональных характеристик правового и социального государства. Противники этого подхода настаивают на том, что без поддержки государства права и свободы граждан остаются только декларацией в мире, полном угроз и рисков. По этой причине государство, с их точки зрения, должно действовать в защиту интересов граждан максимально решительно, в том числе и неправовыми средствами.

Политическая наука может повлиять на этот выбор и способствовать в самоопределении элиты и общества в целом в отношении стратегии формирования правового государства в России, если ей удастся объяснить элите и обществу основной императив: будущие конфигурация и качество российского «правового государства» будут определяться не конфликтующими между собой научными теориями и идеологическими представлениями о «правильной политике», а способностью политической элиты создать устойчивую систему реагирования на внутренние и внешние угрозы и риски, возникающие перед государством и обществом.

Вилков А. А. Обсуждаемая монография вызывает несомненный научный интерес в силу продолжающихся дискуссий о том, что собой представляет современная российская политическая система и Российское государство – авторитарное отклонение от сформулированного в начале 1990-х гг. проекта демократического и правового государства или постепенная институционализация самобытной модели, опирающейся на конкретные и очень специфические российские условия.

В основном согласен с теми критическими аргументами авторов, которые раскрывают несостоятельность слепого заимствования западноевропейской либерально-демократической модели правового государства, которое привело к тому, что значительная часть теоретически выверенных норм, принципов и ценностей, перенесенных на российскую почву, работают плохо либо не работают вовсе. Однако в связи с тем, что мы обсуждаем монографию, посвященную проблематике соотношения теоретического проектирования и политической практики правового государства в современной России, хочется высказать несколько соображений, касающихся методологии подобного рода. Речь идет о том, что нередко критические рассуждения по поводу неприменимости слепого копирования теорий, сформулированных на основе западноевропейского опыта, не заканчиваются обоснованием отечественного варианта решения той или иной проблемы политического развития. В результате остается открытым вопрос (в нашем случае по отношению к институтам правового государства), что же делать с критикуемыми институтами: заменять радикально на принци-

пиально иную идеально-типическую модель (как это было с советской моделью пролетарской демократии и социалистического права)? Либо же признать, что политическая практика функционирования государственных институтов в современной России ничего общего не имеет с нормами и принципами правового государства и нуждается в радикальном переформатировании в соответствии с классическими либеральными принципами? В партийно-идеологическом пространстве РФ можно найти программы по реализации обозначенных вариантов, но каждый из них несет в себе потенциальную опасность новых революционных потрясений, а с учетом обострения международных отношений и утраты суверенитета современной России. Поэтому более оптимальным видится методологический посыл, нацеливающий на поиск новых принципов и механизмов функционирования существующих и конституционно закрепленных институтов правового государства в современной России.

Как представляется, авторы своей монографией задают вектор для широкого спектра конкретных исследований для теоретического обоснования базовых основ правового государства и демократии в современной России. Сюда входит оптимальный политический дизайн разделения властей и механизмов сдержек и противовесов, основные формы контроля за властью со стороны институтов гражданского общества и отдельных граждан, расширение социально-политической и социально-экономической функциональности местного самоуправления, эффективная избирательная и партийная системы и др. Главная проблема большинства данных институтов состоит в наличии возможностей для имитации их деятельности. То есть речь идет об изменении правовых условий их функциональности, на практике обеспечивающих закрепление на конституционном уровне предназначение.

Бахлов И. В. Проблемы проектирования правового государства и специфики его реализации в современной политической практике актуальны не только с позиций широкого теоретического политико-юридического обсуждения, но и в плане выявления возможностей приложения интересного авторского подхода к оптимизации модели правового государства в России.

Концептуализация идеи правового государства осуществляется давно, и спектр различных мнений, подходов и оценок – от политико-философских до инструментально-технологических – чрезвычайно многообразен. В русле заданной авторами монографии дискуссии отметим, как представляется, наиболее существенные атрибуты правового государства как неотъемлемого элемента более широкого понятия «конституционное государство» и как закрепленного Конституцией РФ (ст. 1) принципа конституционного строя. Во-первых, это развитая и непротиворечи-

вая правовая система, основанная на отсутствии пробелов в действующем законодательстве с недопустимостью их восполнения подзаконными нормативными актами и на жесткой иерархии правовых актов по их юридической силе с признанием верховенства основного закона – Конституции. Во-вторых, это эффективная судебная власть, причем степень ее эффективности напрямую зависит от уровня реальной независимости при принятии решений от иных ветвей власти. В-третьих, это наличие институтов общественного контроля за реализацией властных функций и осуществлением государственной политики в различных сферах. К таким институтам чаще всего относят независимые (от прямого государственного вмешательства) средства массовой информации/коммуникации, некоммерческие общественные организации, созданные и действующие с целью представительства и защиты социально значимых прав и интересов граждан. В определенной степени к ним можно отнести общественные палаты федерального и регионального уровней, хотя они и создаются при участии государственной власти.

Совершенно справедливо авторы работы критически отмечают ориентацию политической и юридической мысли на поиск «идеи настоящего и правильного государства», зависимость научного подхода от идеологии в вопросе о «правильном» устройстве «правового государства». В этом смысле наиболее убедительными и логично выстроенными представляются следующие разделы монографии: 4-й, в котором осуществляется концептуализация представлений о политико-правовых условиях функционирования власти в правовом государстве; с 8-го по 10-й, где выделяются и характеризуются инструменты и механизмы функционирования правового государства.

Представленная для обсуждения монография, несомненно, внесет значительный вклад в дальнейшее развитие дискуссии о путях совершенствования конструкта «правовое государство», может быть рекомендована к активному использованию в практике преподавания политико-юридических дисциплин, на ее основе могут быть сформулированы рекомендации для органов государственной власти и институтов гражданского общества.

Матвеев Р. Ф. Уважаемые коллеги! Хочу поделиться с вами своими мыслями о европейском опыте создания и функционирования правовых государств и о том, что из этого опыта в итоге вышло: «правовое государство» или же «произвол закона». Прежде казалось, что теоретически и практически вопрос решен раз и навсегда: в странах Запада существует правовое государство, критерии которого четко установлены, а в СССР и союзных с ним странах преобладает «тоталитаризм». «Тоталитаризм» потерпел историческое поражение, а вот восторжествовало ли «право-

вое государство»? На этот вопрос политическая наука сегодня не может дать однозначно утвердительного ответа. Мешает, в первую очередь, состояние самой «нео»-либеральной политики. «Правовое государство» в либеральной теории всегда выступало и выступает противовесом вседозволенности, узурпации и монополизации власти, права, ценностей кем бы то ни было. В том числе это правило распространяется и на сферу международных отношений, в которой «правовые государства» выступают выразителями и защитниками интересов «свободных наций». Однако именно такая узурпация и монополизация политической власти в глобальном масштабе фактически состоялась после распада мировой социалистической системы. Произошла массивная концентрация политической власти на одном, либеральном «полюсе» современной политики. Понятие «однополярный мир» стало синонимом понятия «политическая вседозволенность». Вседозволенность во всем: от приглашения в свои страны эмигрантов вопреки интересам собственных граждан до «наказания» целых государств санкциями и подстрекательства региональных и международных конфликтов.

Возникло противоречие системного свойства в понимании того, что такое «правовое государство». Наука сегодня пытается сгладить это противоречие. Показательны исследования, которые публикуются в научных центрах таких организаций, как Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, Европейский Центральный банк, Еврокомиссия, Совет Европы и, естественно, НАТО. Немало трудов, подготовленных в названных центрах, получили поддержку структур Организации Объединенных Наций. Для этих публикаций характерно следующее.

Во-первых, оцениваются не реальные институты и процессы, а представления о них того или иного эксперта, авторитет которого принимается без всякой аргументации. Этот прием позволяет оставлять в стороне явления реальной политики, которые не согласуются с упомянутыми представлениями. Фактически это ведет к доминированию в политической аналитике «субъективной методологии», когда мнение исследователя о свойствах его научного предмета признается более важным, нежели реальные свойства этого предмета, обнаруживающие себя в его связях с окружающим миром, в изменениях, которые он исторически претерпевает. Теория политики как научная дисциплина становится инструментом навязывания обществу и элитам субъективных оценок и концепций как той «реальности», которая только и существует «на самом деле».

Во-вторых, «закон» представлен в качестве некоторой сущности, которая существует вне зависимости от решения каких-либо учреждений и изменений в процессе общественной жизни. Даже если эти учреждения и принимают «закон»,

если в жизни что-то противоречит «закону», последний оказывается выше всей этой реальности. Возникает иная правовая и политическая парадигма: высший «законотворец» порождает законы, а «законы» формируют институты публичной власти, управляют ими и обществом. Именно эта парадигма стала исходным принципом при создании Евросоюза.

В-третьих, исследователи не стремятся к дискурсивной четкости своих суждений о «правовом государстве». Они не уточняют, в каких случаях они ведут о нем разговор как о реальности, а в каких случаях – как об идеале, политической ценности. Этот прием позволяет исследователям проблематики правового государства не афишировать перед читающей публикой того обстоятельства, что «правовое государство» в тех параметрах, которые содержатся в теоретической литературе, нигде в современном мире не существует. Реально существуют лишь разнообразные и не всегда успешные приближения к этому идеалу. Юридический же закон – это реальность. Его можно прочесть и ощутить на себе его действие. Поэтому во всех определениях правового государства на первое место ставятся не права и свободы гражданина, а «иерархия законов», которые следует соблюдать именно потому, что они – *законы*. В этих концепциях гражданине не признаются источником власти. Они, как и институты государства и общества, – объект некоей *высшей власти*, находящей свое выражение в *господстве закона*. А потому должны этому «закону» слепо подчиняться.

В-четвертых, в основе современных либеральных теоретизирований о государстве лежит мысль о «законе» как о проявлении некоторой высшей воли, которая управляет людьми и самим государством («закон выше государственных институтов»). Отсюда один шаг к оправданию нынешних призывов ликвидировать «национальные государства» как устаревшие структуры. Нынешние национальные государства самим своим существованием напоминают, что за каждым действующим законом скрываются права гражданских большинства и меньшинства. А это значит, что «закон» не абсолютен, он становится на сторону одних, вопреки интересам других. Это наглядно продемонстрировал нынешний миграционный кризис в Европе.

В-пятых, рассуждения о важной роли «правового государства» фактически обосновывают ненужность государства как такового. Дело дошло до того, что во многих официальных документах Евросоюза термин «государство» применяется только к США и некоторым членам ЕС. Другие же государства называются «неуправляемыми территориями» или «юридическими пространствами». Здесь верховное «законотворчество» принадлежит Еврокомиссии, издающей обязательные для всех национальных государственных институтов директивы.

Это к вопросу о природе «тупика» в вопросах правового государства, в который развитие европейской юридической и политической либеральной мысли завело мысль отечественную.

Митрохин В. А. Хотел бы подискутировать с уважаемым Рональдом Федоровичем относительно «вины» либеральной «западной» политической мысли в наших сложностях с пониманием «правового государства» вообще и «российского правового государства» в частности. Их мысль создала соблазны, но не их вина, что наши теоретики соблазнились экспериментами, связанными с попытками «подрихтовать» жизнь под привлекательную теорию или схему, чем изобилует российская история. Здесь можно вспомнить и мучительные попытки «просвещенного класса» адаптировать европейский марксизм под российскую действительность. Весьма показательным явился драматический опыт Временного правительства по преобразованию политической системы в 1917 г., результатом которого стало окончательное крушение государства и приход к власти радикальных политических сил. Авторы монографии, в чем я с ними солидарен, убедительно доказывают на фактическом материале недопустимость заикливости исследователя на идеально-типических схемах. Именно такая заикливости и побуждает отечественных исследователей впадать в «либеральный соблазн». Мне понятна и близка мысль авторов монографии, что имеет место в мировом масштабе рост силовой составляющей мировой и внутригосударственной политики. Я бы сказал, что происходит это в определенной мере циклически. Здесь не будет лишним вспомнить, ставшие нарицательными имена Петра Великого, Наполеона, Бисмарка, обустроивавших границы влияния своих стран и народов «огнем и мечом». В какой фазе такого цикла сегодня находимся мы с вами – другой вопрос.

Федотов А. С. Обсуждаемая сегодня проблема, конечно, является злободневной, дискуссионной и, главное – живой проблемой. В монографии прекрасно показано различие между феноменом «правового государства» и его идеальными моделями, т. е. четко проведено разграничение между реальностью действительной и реальностью виртуальной, между реальной жизнью и теоретической конструкцией. Одним словом, книга, безусловно, является серьезным научным вкладом в юридическую и политологическую мысль современной России. Но в настоящей дискуссии хотелось бы выйти за строгие рамки содержания монографии и обратиться к проблемам, которые, на мой взгляд, во многом определяют содержательную интерпретацию как понятия, так и практического функционирования правового государства в современном мире. В первую очередь, это касается нашего восприятия процессов глобализации, поскольку большинство авторов исходит из того, что право-

вое государство выступает важнейшим инструментом современного цивилизованного общества. В нашем общественном сознании, к сожалению, доминирует представление о глобализации как о некоем объективном, наподобие природного, явлении. Действительно, интеграция и интернализация современного мира – это проявление его объективных системных свойств. Но в целом этот процесс не является бессубъектным. И если встать на позиции выявления и анализа глобальных субъектов, то глобализация превращается в вестернизацию, ход и развитие которой жестко подчинены интересам этих глобальных субъектов, фактически интересам стран ядра современной мир-системы. Иначе говоря, глобализация не только объединяет человечество в нечто единое, но и разрушает ценности и социокультурные основы иных цивилизаций, в том числе и российской. В этом контексте понятие «правовое государство», о котором сами авторы монографии пишут, что его идея в современных развитых обществах заменила прежние классические идеологии, во многом является доминирующей идеологией, при помощи которой англо-саксонские ценности и институты внедряются по всему миру. То, что понятие «правовое государство» предстает в первую очередь в качестве идеологии, не является чем-то уникальным. На мой взгляд, все базовые понятия социально-гуманитарных наук еще с середины XX столетия приобрели четкую идеологическую окраску, поскольку стали инструментами идеологической борьбы двух социально-экономических систем. Эволюция научных понятий в идеологии хорошо показал еще Л. Г. Ионин на примере понятия «права и свободы граждан». Когда оно, это понятие, из партикулярного и особенного стало трактоваться как универсальное и всеобщее. Поэтому, когда мы оперируем подобными понятиями, нельзя забывать и об этой их стороне. И еще один важный момент, на мой взгляд, связан с пониманием того, что как бы ни превращалась в теоретических работах реальность в постмодернистскую «текущую реальность», она остается реальностью и должна быть однозначно интерпретирована большинством. И вот с этим авторы обсуждаемой монографии отлично справились.

Шошин С. В. Мне близок антиглобалистский и антивестернистский пафос высказываний уважаемого профессора Федотова. Я только хотел бы внести некоторые уточнения в его тезис о тотальности вестернизации современных политических проектов и процессов. Есть, например, определенное влияние на отечественную правовую мысль опыта Китая. Есть смысл в связи с этим поставить и обсудить вопрос об актуальности для России экзаменационной и контрольной ветвей власти, характерных для истории развития и существования Китая. Интересным в указанном аспекте может оказаться и опыт Израиля, в котором с 1949 г. результатив-

но действует Государственный контролер как представитель контрольной ветви власти. Это все институты правового государства, на факт существования которых мы редко обращаем свое внимание. Несправедливо, что сформулированная еще Сунь Ятсеном «Конституция пяти властей» до сегодняшнего дня не стала настольной книгой ни отечественных политологов, ни конституционалистов. Значительное внимание, уделенное в тексте монографии проблемам взаимодействия с силовыми структурами, вполне актуально с точки зрения теории государственного управления. Особенно при полемике о сущности трансформации во времени (и пространстве) законодательного регулирования активного (и пассивного) избирательного права у военнослужащих срочной службы в условиях современной Российской Федерации. Несомненно, военнослужащие срочной службы должны обладать и активным, и пассивным избирательными правами в полном объеме. Сегодня интересным может оказаться и вопрос о степени правомерности и потенциальной возможности предоставления соответствующих избирательных прав и иностранным гражданам, проходящим военную службу в Российской Федерации. Указом Президента РФ теперь предоставлена возможность прохождения военной службы в РФ иностранным гражданам. Для меня как юриста понятно, что в монографии нет исчерпывающих рекомендаций относительно того, как привести в должный вид наше государственное законодательство. Но многие правовые и политические болевые точки нашей государственной системы авторы нащупали.

Барашков Г. М. В высказываниях коллег прозвучала близкая мне проблема отношений «правового государства» и «гражданского общества». Немало суждений на эту тему я обнаружил и при прочтении монографии. По этой причине хотел бы поделиться с вами, коллеги, некоторыми соображениями. Я согласен с Федором Александровичем и с Роальдом Федоровичем, что если подвести некую черту под теоретические изыскания и объяснения феномена правового государства и попытаться сформулировать некое общее представление о нем, то под правовым государством мы, прежде всего, будем понимать верховенство закона или верховенство права, подчиненность деятельности верховных органов власти стабильным законам или судебным решениям, равенство всех перед законом. Я согласен, что это не есть хорошо ни для теории, ни для практики. Но тогда, чтобы поправить положение, необходимо ответить на следующие вопросы:

– как происходит воплощение принципов правового государства в конкретной политико-правовой действительности, прежде всего в нашей стране?

– какова роль политических институтов в процессе реализации функций правового государства?

– есть ли заинтересованность и желание у правящего политического класса в построении правового государства?

Как представляется, идея правового государства в нашей стране во многом носит имитационный, декларативный характер. И это объясняется не только культурно-историческим развитием, архетипами правовой и политической ментальности наших граждан и не столько тем, что западные образцы политической организации на новом месте начинают работать по-другому, а во многом нежеланием правящей элиты внедрять и культивировать идеи и ценности правового государства и гражданского общества, потому что это подразумевает жизнь по закону, а не по понятиям, и делением властных полномочий с институтами гражданского общества.

Отсюда, не воспитывается, не прививается уважение в равной мере ни к гражданским правам, ни к закону, к законопослушности, которое бы являлось моральной и культурной ценностью общества наряду с гражданскими правами. Более того, на практике неисполнение закона, его игнорирование в тех или иных вопросах, неподсудность становятся чуть-ли не показателем статусности того или иного гражданина, показателем принадлежности к власти преобладающим, его гражданской состоятельности. Вот тут перекосы в понимании логики развития гражданских отношений в России оказываются камнем преткновения и на нашем пути к правовому государству.

Сергеев С. Г. Хотел бы продолжить тему реального и имитационного в нашей современной российской политической и правовой жизни, затронутую в предшествующем выступлении. Я бы выделил две основные точки зрения современных специалистов на то, что есть «правовое государство»: назовем их условно «идеалистическая» и «реалистическая». «Идеалисты» в целом говорят о том, что правовое государство – это государство, где господствует Право, повседневным выражением которого выступает закон, перед которым все равны – и граждане, и общественные объединения, и государство. Здесь Право выступает неким мериллом и гарантом, а также инструментом справедливости. «Реалисты» полагают, что правовым государством следует считать то, которое выполняет свои управленческие, регулирующие по отношению к обществу функции путем установления обязательных к исполнению норм, облеченных в форму законов, и достижения исполнения этих норм гражданами и обществом.

Конечно, и в первом, и во втором случаях мы имеем дело с упрощением имеющихся позиций. Но это дает нам возможность отделить взгляды уровня высокой теории от осмысления практического состояния государства. В том числе понять, где имеет место имитация, а где добросовестное намерение элит и общества продвинуть политический и правовой процессы

вперед. Хотя в действующей Конституции РФ и записано, что Российская Федерация является правовым государством, это утверждение не следует абсолютизировать. И если, следуя за методологией «реалистов» в отношении нынешнего положения, можно согласиться с характеристикой государства как правового, то как быть с очевидным кризисным состоянием государства в 1993 г., когда оно было названо правовым, но ни «теоретически», ни «реалистически» таковым не являлось? А ведь норма Конституции РФ действовала тогда ровно так же, как действует сейчас. Получается, что само понятие «правовое государство» по-разному понимается и наполняется в разные этапы жизни государства.

На наш взгляд, «правовое государство» сегодня – это не имитация. Это некий конструкт, чертеж, который может стать более или менее подробной, но все же схематичной основой для построения здания государства. В то же время это некая целевая установка для тех, кто строит здание (общество), и особенно для тех, кто руководит его строительством (правящая элита). И не надо удивляться или возмущаться, что зарубежные архитекторы и инженеры указывают нам на недостатки получающегося здания и его несоответствие ими придуманным характеристикам: сам конструкт имеет явно зарубежное (западное) происхождение, и если мы его воспринимаем/воспроизводим, то по умолчанию заимствуем и предъявляемые к нему требования, которые обеспечивают соответствие даваемому определению – «правовое государство». Не надо пытаться вкладывать какой-то иной смысл в чужое определение – надо предлагать свое. Необходимо иметь смелость отказаться от чужих стандартов, а не пытаться их корректировать, тем более что их авторы явно не согласны на такую корректировку. До тех пор, пока коллективный Запад будет являться референтной группой, мы будем обречены на доказывание соответствия того, что у нас получилось, тому, что не нами задумано.

В своем докладе Федор Александрович озвучил очень продуктивную, на мой взгляд, мысль об «идее настоящего и правильного государства». Но должного разделения идеи и реальности не произвел. Хотелось подчеркнуть, что политико-идеологические представления о государстве, обществе и их взаимоотношениях имеют право быть идеологичными и даже утопичными. Это несколько не снижает их ценности, поскольку в этом случае определяется «каким мы хотим видеть наше государство». А вот изучение структуры, функций, ресурсообеспеченности, конкретных интересов государственных институтов дает нам ответ на вопрос «каким мы видим наше государство?». Вряд ли стоило противопоставлять эти два подхода, поскольку они решают разные задачи – первый создает образ желаемого будущего, а второй нацелен на рефлексию уже имеющегося.

Любое государство имеет в основе какую-то идею, в соответствии с которой осуществляется государственное строительство. Но задуманное и осуществленное не обязательно совпадают. Наиболее для нас понятный и показательный пример – Советское государство: каким оно задумывалось в теории и каким оно получалось на практике. Относительно современной России вполне допустимо считать, что строительство правового государства совсем не обязательно должно было бы привести к построению такого – по крайней мере, в привычном западном понимании.

В конечном итоге только российское общество может и должно решать, каким быть его государственной организации. Вряд ли стоит привязываться к каким-либо теоретически выведенным умозрительным схемам вроде правового или социального государства. Авторы монографии в целом правы, когда говорят о фактической способности государства системно реагировать на внутренние и внешние вызовы и риски его функционированию в качестве критерия оценки такого государства. Но вряд ли можно с ними согласиться в том, что такая фактическая способность позволяет определить государство как «правовое». И даже признание массовым сознанием и сознанием политической элиты государства в качестве «правильно» организованного, «разумно» руководящего общественной жизнью при помощи юридических и административных действий недостаточно для его идентификации в качестве «правового».

Дело в том, что здесь авторы монографии вступили в область конвергенции наблюдаемой практики и имеющейся теории. Оставив прежнее понятие, они сделали попытку примерить на него совершенно иные критерии, определяющие государство как «правовое». Тем самым был порожден конфликт смыслов. «Правильная» организация и «разумное» руководство общественной жизнью при помощи юридических и административных действий не являются достаточными для того, чтобы государство считалось правовым референтной группой, т. е. Западом. Для этой группы по-прежнему верховенство практически мистического Права, равенство всех субъектов перед законом, приоритетность прав и свобод человека и ограниченность государства Правом будут являться определяющими.

Каким образом может быть разрешена данная коллизия? Думается, двумя способами. Первый – наиболее радикальный – заключается в том, чтобы отказаться от рассмотрения концепта «правовое государство», по крайней мере, применительно к России. Взамен ему можно предложить, например, «народное государство», «государство согласия» или «гармоничное государство». В таком случае следует определить его основные критерии, в число которых будут включены «правильная организация» и «разум-

ное руководство общественной жизнью», которые в таком случае авторам следует развернуто объяснить и фундаментально обосновать.

Второй – компромиссный – способ заключается в том, чтобы оставить в качестве объекта исследования правовое государство, но предложить комплекс поддающихся замеру критериев, которые позволят определить степень того, насколько государство является правовым. Подобные подходы широко применяются в сравнительной политологии. При этом способе верховенство Права, равенство всех субъектов перед законом, приоритетность прав и свобод человека и ограниченность государства Правом должны быть сохранены как ключевые критерии правового государства. Но наряду с ними могут быть введены «правильная организация» и «разумное руководство общественной жизнью». Проблема заключается в том, как корректно измерить предлагаемые величины для проведения сравнения и шкалирования результатов. Следовательно, неизбежно встанет вопрос разработки методик замеров. Именно он может стать перспективным направлением исследования тематики правового государства и придаст спору «идеалистов» и «реалистов» осмысленное содержание – первые сформулируют значимые критерии, а вторые смогут предложить, как их измерить.

Байниязова З. С. Уважаемые коллеги! Не вдаваясь глубоко в теоретические рассуждения, я хотела бы сказать несколько слов в порядке оценки большого труда, проделанного Федором Александровичем и Ольгой Федоровной. Представленное монографическое исследование является необходимым плацдармом для дальнейшего научного анализа идеи правового государства. Особый научный интерес представляет первый раздел монографии «Правовое государство как проблема XXI века», в котором подчеркивается, что, «несмотря на различные подходы к пониманию природы и функций государства у представителей разных наук и разных идеологических направлений, осмысление перспективы политики государственного строительства так или иначе было соотносено с концепцией правового государства» (с. 8). Проведенный в монографии подробный анализ существующих теоретических представлений о правовом государстве приводит авторов к выводу о том, что «существует объективная потребность в системном осмыслении проблем правового государства» (с. 11). Авторы в этих целях широко используют возможности системного подхода, подчеркивая, что «системный подход дает возможность не только изучать специфику теоретического осмысления коммуникативности между властью, обществом и личностью, но и способствовать концептуализации реальных процессов всей совокупности межсубъектных и субъектно-объектных отношений, которые образуются между государственной властью и формирующимся гражданским

обществом, а также личностью в современной России, в систему правового государства с фокусированным полезным результатом» (с. 21).

Вполне обоснованной является позиция авторов о том, что проблема формирования и развития правового государства остается одним из приоритетных направлений развития современного Российского государства. В монографии аргументируется положение о том, что «правовое государство должно выполнить роль системообразующего начала преобразований, от которого в значительной степени зависит нормативное закрепление реальных возможностей для подключения к данным процессам российских граждан. Без создания необходимых правовых предпосылок и гарантий их эффективного участия в процессах модернизации невозможно раскрытие модернизационного потенциала общества в целом» (с. 16).

В целом следует подчеркнуть, что данное монографическое исследование отличается актуальностью исследуемой проблемы, умением авторов в системном виде изложить важные вопросы, связанные с осмыслением идеи правового государства.

Чернышов А. Г. Уважаемые коллеги! Свою позицию по обсуждаемой проблеме изложу тезисно. В современных условиях, с учетом возрастания роли глобального фактора в общей повестке дня, чрезвычайно важна постановка проблем, связанных вообще с понятием «государство», пониманием основ функционирования в текущем контексте национальных, суверенных государств. В этой связи дискуссия о реальности существования такого явления, как правовое государство, актуальна, чтобы ответить на вопрос о векторе возможного дальнейшего развития как собственно государственных образований, так и общества в целом. В связи с этим возникает потребность дать ответ на ряд существенных проблем и свою интерпретацию.

Первое. Об идеале, утопии и реальности существования правового государства. Реальное – значит, нужны конкретные примеры государств и их типизация по определенным характеристикам; утопично-идеальный образ, который существует лишь в головах ученых и теоретических дискуссиях как один из возможных вариантов развития в будущем.

Второе. Если в понятие «правовое государство» вкладывается априори мысль о верховенстве закона, то нужно понимать, какого закона (законов) и, собственно, над чем? Современная практика показывает, что законы пишутся не в интересах всего общества и защиты прав граждан. Они создаются, как правило, как проявление чьих-то клановых, корпоративных интересов. Тогда насколько такой подход позволяет говорить о том, что: а) формируется общее правовое поле для всех без исключения, без изъятия («закон что дышло») и б) можем ли мы вообще ставить во-

прос о подчинении и исполнении гражданами всей совокупности законов, которые вводятся в повседневный оборот группой лиц и далеко не всегда отражают интересы большинства («неисполнение законов – норма жизни»)?

Третье. Важно провести четкие различия между формально существующими государствами с точки зрения наличия и функционирования на их территории конкретных законов и реальным мафиозно-клановым вариантом их исполнения, при котором вне существующих правовых норм действуют значительные пласты жизни, конкретные субъекты и даже институты. Когда в основе таких «правовых государств» вполне мирно уживается деятельность «телефонно-денежного права».

Четвертое. Правовое с точки зрения какого права: международного или национального? Это чрезвычайно важно для современного развития событий, когда «лодка» политики качается между приоритетом международного права над национальным и, наоборот, ставится на повестку дня вопрос о возможности неисполнения международных правовых норм при определенных условиях.

Пятое. Когда речь ведется вообще о праве как таковом, важно оценить роль нравственного императива. В настоящем либеральном формате понимания «правового» государства он как бы отсутствует. И оказывается, что закон превращается в некий жупел, защищающий своим «мечом» лишь избранных, а большинству создающий лишь «прокрустово ложе» для обязательного подчинения. В этой связи трудно найти какие-то аналогии с реально функционирующим демократическим государством, в котором право защищало бы и оберегало право личности от самой государственной машины.

Изергина Н. И. Уважаемые коллеги! В монографии Ф. А. Вестова и О. Ф. Фаст поставлен вопрос о проектировании правового государства как непременном процедурном элементе грандиозного цивилизационного эксперимента. Эта тематика мне близка, поскольку свою докторскую я писала по опыту и методологии такого проектирования в русской консервативной политической мысли. Проблема проектирования правового государства является составной частью теоретизирования в области модели демократии для современной России. Оно основывается на различных методологических подходах – механическом и органическом. Различия между ними четко провел Иван Ильин в работах, посвященных постсоветскому развитию России. В том же стиле, как мне представляется, строится и теоретический подход, реализованный в монографии.

Согласно механическому (формальному) – суть демократии во всеобщем формальном равенстве и всеобщей борьбе друг с другом за власть ради собственных интересов под флагом общей пользы. Иначе говоря, в формаль-

ной демократии не учитывается качество желаний, планов единомышленников и намерений голосующих. То есть право голоса может стать правом перетягивания общего одеяла на себя. В формальной демократии государственный интерес состоит из суммы частных интересов. В ней нет, по мнению Ильина, «духовно верной меры свободы». Она безразлична к внутренней несвободе человека, к добру и злу. Путь формальной демократии, как показывают социологические исследования, не согласуется с традиционной ценностной системой российского общества, с современными ожиданиями и запросами россиян на «правильную» демократию.

В основу проектирования «правильной» демократии должна быть положена органическая точка зрения, исходящая из обновления демократического принципа в направлении отбора лучших и политического воспитания. Неудавшийся отбор во власть лучших людей приводит к развалу государства или к его строительству сверху, без участия народа. При этом подходящая система голосования в каждой стране должна быть выработана своя.

Политическое воспитание означает воспитание настоящего гражданина – того, кто думает об общем, о государственном деле: об общей безопасности жизни, о национальной армии, честной полиции, правом суде, образовании, культуре, правопорядке, гарантиях личных прав и т. д. Политическое воспитание призвано сформировать в народе умение правильно строить свое государство на базе здоровых национальных традиций. Органическая демократия основывается на самобытности народа, его способе чувствовать, думать, желать и действовать. Основная духовно-творческая сила русского человека – любовь и вера, без которых он, по мысли Ильина, «неудавшееся существо». Россиянин, чтобы стать ответственным участником демократического строя, должен поверить в то, что российская демократия строится любовью, правом, справедливостью и свободой. Российская демократия не может быть безжалостной, где слабых и неэффективных обязательно добивают, без сочувствия к ближнему. Это против традиций русского народа. Поэтому правовое государство в современной России в восприятии народа неразрывно связано с социальным государством и его принципами: экономической свободой человека, ответственностью государства за обеспечение благополучия своих граждан, социальной справедливостью и солидарностью общества, участием работников в общественной и государственной жизни.

Помимо традиции, связь правовых и социальных характеристик государства вытекает из объективной взаимообусловленности свободы, справедливости и других принципов социального государства с правом и правосознанием. Право – это порядок, договор, органи-

зованность, господство, а правосознание – воля к порядку, единению, верность, свободная лояльность. Правильное правосознание должно основываться на правильных понятиях о свободе и справедливости. Право – мерило действующей свободы и гарантия ее осуществления. Свобода возможна только под законом и через закон, а законная свобода будет полнее при опоре на здоровое правосознание. Последнее есть воля к законопослушанию, умение соблюдать свои и чужие полномочия, обязанности и запреты. Правосознание, исходящее из воли к духу и добру, перестраивает социальную жизнь людей на принципах «духовного самоуправления, чувства собственного достоинства, уважения, доверия и справедливости».

Источником государственного правосознания Ильин считает национальное чувство. Он выделяет ряд особенностей русского правосознания: неформальность, свободу от мертвого законничества, тягу к живой справедливости, наивную недисциплинированность в бытовых основах, тягу к анархии. Отсутствие здорового правосознания в народе превращает демократический строй в «решето злоупотреблений и преступлений». С воспитанием государственного правосознания «на основах христианско-братской солидарности и патриотизма» связывал философ всю будущность России, ее государственное и политическое обновление в направлении органической демократии.

Основной вывод из изложенного в том, что органическая методология обеспечивает синергию нормативно-ценностного и эмпирического подходов в проектировании правового государства для современной России.

Логинов А. В. Спасибо, коллеги, за предоставленную возможность пусть заочно, но участвовать в вашем научном мероприятии. Я хотел бы высказаться в продолжение обсуждения методологической проблематики правового государства, поднятой в докладе Нины Ивановны Изергиной.

Можно согласиться с позицией авторов монографии, согласно которой «отечественные специалисты обсуждают проблему правового государства, определяют степень ее актуальности, решенности и решаемости, они имеют в виду каждый свое “правовое государство”», поскольку идеологемы, подобные «правовому государству», «гражданскому обществу», «социальному государству», в теоретическом аспекте всегда носят абстрактно-отвлеченный характер, наполняясь предметно-практической конкретикой в процессе реализации. Данное обстоятельство формирует довольно широкое пространство для теоретических обобщений и политических реформ.

Сама же рефлексия о «правильном» и «неправильном» правовом государстве, отраженная в подходах политологов и юристов, во многом

основана на нормативном подходе, суть которого состоит в обосновании политического и правового идеала, способствующего устойчивости той или иной политической системы. В этом смысле нормативная природа идеологии правового государства в теоретическом аспекте конвенциональна.

Мы полагаем, что в аспекте практического воплощения принципов правового государства продуктивно рассуждать, принимая во внимание два ключевых аспекта. Во-первых, *динамический аспект*, который демонстрирует нам, как происходит процесс воплощения принципов правового государства применительно к конкретной политико-правовой действительности во времени. И, во-вторых, *функциональный аспект*, который показывает нам роль политических институтов в процессе реализации функций правового государства в контексте «обеспечения устойчивости политической системы к внешним и внутренним вызовам и рискам».

Авторы монографии справедливо подчеркивают заметную ангажированность отечественных юристов и политологов, которые при понимании природы правового государства по-прежнему во многом связаны ориентацией на достижения «западной» политической и правовой мысли предшествующих столетий. Данное обстоятельство, очевидно, связано с преимущественно «западным» происхождением рассматриваемой теории.

На наш взгляд, для ответа на вопрос о том, почему «достижения “мировой”, а, по сути, “западной” политической мысли становятся тем тупиком, в котором останавливаются и не получают развития подходы к проблеме правового государства отечественных юристов и политологов, несмотря на их существенное различие», было бы полезным акцентировать внимание авторов монографии на соотношении идеалов «закона» и «правды», характерных для древнерусской политической мысли. Можно предположить, что от различий содержательных характеристик данных понятий – «жить по закону» и «жить по правде» – берет свое начало многоликость и даже нередко диаметрально противоположность «правильных» пониманий и осмыслений рассматриваемой идеологии в традициях российского общества.

Другая проблема заключается в том, что историческая «невыстраданность» идеи правового государства приводит к тому, что на практике сама идея несет имитационный характер. Для того чтобы уйти от укоренившейся в России практики имитации результата воплощения идеи правового государства, необходимо начать с «вычитывания» исторических, эволюционных стадий ее развития применительно к российским реалиям. На данном пути необходимо сделать акцент на обнаружении несущих элементов «памяти разной глубины» с целью резонансного

соединения идеалов «правды» и правового государства. В таком теоретическом ракурсе сама идея правового государства будет сориентирована не на переделку «неправильной» природы, а на диалог и сотрудничество с ней. Иными словами, на практике должно иметь место не насильственное, а пробуждающее и стимулирующее воздействие, которое согласуется с собственными тенденциями исторического развития и архетипами правовой и политической ментальности. По поводу реализации самой идеи правового государства отдельные представители синергетики высказывают вполне обоснованные опасения. Пытаясь использовать западные образцы правовой государственности, следует принимать в расчет тот факт, что всякая социальная среда таит в себе собственные, отвечающие ее природе, формы организации. Внутренним тенденциям сегодняшней российской среды могут не соответствовать западные образцы, предполагающие достаточно высокий уровень экономического и демократического развития, развитые качества взаимной ответственности и доверия внутри социальных групп и в обществе в целом.

Тогузаева Е. Н. У меня, коллеги, как и у многих выступавших прежде товарищей, самые положительные чувства вызвала постановка авторами монографии на первый план вопроса о соотношении права и морали в системе «правового государства». Совершенно справедливо рассуждения авторов о соотношении норм права и морали, а также акцент внимания на том, что законодательство РФ закрепляет возможность воздействия норм морали на право в нескольких отношениях: право охраняет определенные фундаментальные нормы морали, а с другой стороны, юридическая система РФ выстроена в соответствии с определенными принципами, природа которых носит неоднозначный и не до конца юридический характер, что позволяет их обозначать как «результат юридизации этических постулатов» или в общем как «единение права и морали». Авторы рассуждают о неоднозначности принципов права, их «абстрактном» и «универсальном» характере, доказывая читателю, что принципы права носят безусловный характер и сближаются с моральными максимами.

Несмотря на ясность и разработанность в юридической науке принципов права, авторы смогли обозначить имеющуюся проблематику, поставив на разрешение весьма интересные вопросы. Остается не до конца понятно, однако, при прочтении монографии, насколько жестко принципы права детерминируют правоприменительную, правотворческую и иную правовую деятельность вообще? Можно ли, руководствуясь моральными соображениями, ограничивать ту или иную сферу общественных отношений? Возможно, даже если ответы будут отрицательными, это было бы интересным направлением в поиске того проекта правового государства, ко-

торый подошел бы для современной и будущей России?

Бердникова Е. В. Коллеги, спасибо за приглашение к участию в научном семинаре. Особое место в теоретических рассуждениях, содержащихся в монографии, отводится анализу роли и места силовых структур в правовом государстве. Думается, что силовые структуры являются неотъемлемым элементом любого государства, обеспечивая своей деятельностью стабильность политической системы, начиная с охраны общественного порядка и заканчивая безопасностью всего государства. Однако при всей очевидной функциональной значимости данных органов всегда существовала и существует вероятность неограниченного и неконтролируемого усиления их ресурсного потенциала, что в большинстве случаев негативно сказывается как на развитии гражданского общества, так и на неизбежной авторизации взаимодействия государства и личности. В этом контексте авторами совершенно справедливо акцентируется внимание на исследовании гражданского контроля над силовыми структурами как ограничительном механизме, нивелирующем их политизацию и закрытость, а также наступлении ряда других негативных последствий, препятствующих развитию правового государства.

Мирзаханов Д. Г. Для меня проблематика правового государства особенно актуальна в связи с особенностями этноконфессионального состава населения России и объективной потребности создания нормативно-правовых условий для реализации своих социокультурных особенностей представителей различных российских народов. Это особенно важно с учетом все большей политизации исламского фактора в мировой политике и современной России. Как представляется, только в рамках правового оформления отечественных моделей самоорганизации исламских общин можно противостоять тем негативным тенденциям, которые наблюдаются во всем мире в виде распространения радикально-экстремистских направлений ислама. История России и СССР дает хороший материал для интеграции различных форм совместного жительства представителей различных конфессий и этнических групп. Главный ориентир – не обособленное и замкнутое сообщество, а возможность полноправно реализовывать свое культурное своеобразие на основе взаимного уважения к культуре и религии представителей других этнических групп. Правовые условия для такого развития в значительной степени уже имеются, однако на практике их реализация осложняется многими факторами. Ключевое значение имеет противоречие между нормативно закрепленными ценностями и принципами и реальной действительностью, которая вызывает резкое неприятие своей социальной несправедливостью в самых различных сферах общественной жизни.

Альтернативой чаще всего и становится ориентация на ислам и его нормы.

Решетников В. Я. Актуальность монографии и тех проблем, которые мы собрались обсудить, не вызывает сомнения. Идея правового государства вместе с идеей гражданского общества в определенном смысле заменила большинству развитых современных обществ прежние классические идеологии, а сама по себе идея правового государства и практические шаги в направлении его создания объединили сегодня многие государства и народы в их совместном движении к более разумному сосуществованию. Вместе с тем в современном мире далеко не всегда правовое государство находит со своими гражданами общий язык на основе закона, позволяя себе для защиты от угроз террористов, активизируясь в криминала и других многочисленных внутренних угроз идти на расширение полномочий своих силовых структур, предоставляя последним более широкие полномочия, чем это было ранее.

Особый интерес в представленной монографии вызывает подход авторов к идее гражданского контроля над силовыми структурами правового государства в условиях модернизации. Рассмотренная концепция, подкрепленная большим фактическим материалом, теоретическими положениями отечественных и зарубежных ученых в области государства и права, убедительно подтверждает необходимость и возможность многообразия видов контроля над силовыми структурами государства. В данном контексте авторы справедливо отмечают, что гражданский контроль над силовыми институтами мыслится как сложный и непрерывный социальный процесс определения места и роли вооруженных сил и иных структур в демократическом обществе. В монографии авторами подробно исследованы и раскрыты проблемы комплексности видов гражданского контроля над силовыми структурами, включающими субъективный и объективный характер. Лично меня убедили аргументы авторов, что парламентский контроль является наиболее эффективным видом гражданского контроля за силовыми структурами в государстве, включающим в себя организацию и проведение депутатских расследований, парламентские слушания, заслушивание отчетов, докладов и сообщений руководителей исполнительной власти, вопросы и запросы депутатов к должностным лицам исполнительной власти.

Хаугиев Ш. М., соискатель (г. Ульяновск). Абсолютно согласен со старшими коллегами, которые подчеркивают недопустимость сугубого заимствования западных рецептов для строительства постсоветских политий, включая региональный уровень политического процесса.

Анализ переходного общества предполагает в нашем случае применение теоретических положений, связанных не с реализацией демо-

кратического проекта, а с уточнением природы политического режима. Ожидания скорой и неизбежной победы демократии в посткоммунистической России породили целый ряд методологических проблем и ложных ожиданий. Они были описаны в одной из новейших публикаций российского политолога Лилии Шевцовой, которая отметила, что «безоговорочная вера в то, что Россия при Ельцине встала на путь демократии, позднее помешала нам в полной мере осознать авторитарную эволюцию российской власти». На мой взгляд, концепт «политический режим», используемый учеными в различных контекстах – начиная от конституционных моделей и кончая формами правления, мог бы помочь нам приблизиться к лучшему пониманию трудностей реализации идеи правового государства. Однако критерии, изложенные в рамках государственно-правового подхода, являются скорее определятельными и трудно применимы для понимания процесса политического перехода, при котором правила игры могут быстро меняться. Я рассматриваю политический режим как совокупность средств и методов, с помощью которых правящие элиты осуществляют экономическую, политическую, идеологическую власть в том или ином сообществе. Как представляется, данный подход индивидуализирует и уточняет основные признаки политического порядка. Таким образом, мое понимание трудностей становления правового государства в России связано с пониманием переходного характера отечественного социума, в котором главной категорией является неопределенность.

Шестов Н. И. Уважаемые коллеги! Сегодня на семинаре были озвучены достаточно различные научные подходы к такому предмету, как «правовое государство». Это не только вполне естественное различие юридических и политологических подходов, но различия в опредмечивании «правового государства», которые наблюдаются и внутри научной корпорации юристов, и внутри сообщества политологов. Возможно, нам, даже как специалистам одного профиля, трудно договориться по такому важному для на-

ших наук предмету потому, что мы плохо себе представляем, что такое «государство вообще». Во всяком случае, представляем это себе гораздо хуже, чем, скажем, наши предшественники – советские исследователи. Для них «государство» было достаточно ясным предметом в рамках классового подхода. Причем ясным не только на уровне функций, но и сути. Либеральный тренд, который сегодня продолжает господствовать в отечественных гуманитарных науках, сосредоточивает наше внимание на функциях государства, тогда как суть остается за кадром. Именно по этой причине, как мне представляется, мы в теории правового государства постоянно спотыкаемся о принципиальное препятствие. Мы говорим, что «правовое государство», это то, в котором все организовано по закону. Но ведь, в принципе, организация общественной жизни по закону, в противовес ее организации по обычаю, это функция любого государства, государства как такового. А по сути-то: чем отличается в этом случае «правовое государство» от «государства вообще»? Есть ли качественное различие в одних и тех же функциях, чтобы можно было видеть в «правовом государстве» олицетворение политического и правового прогресса? Этот момент мы как раз плохо себе представляем, хотя потребность в таком представлении, как показало обсуждение на нашем семинаре, присутствует. Возможно, проблемы «правового государства» вызывают у отечественных исследователей такой живой интерес потому, что таким образом они пытаются вернуть себе устойчивость и четкость понимания того, что вообще такое государство в качестве ключевого элемента политической системы, каким оно, в принципе, может и должно быть с точки зрения интереса современных обществ к жизни безопасной, обеспеченной, проектируемой. Потому что без этого невозможен в принципе системный взгляд на политику и абсурдны попытки прогнозировать политику и управлять ею.

Еще раз хочу поблагодарить всех, кто очно и заочно принял участие в нашем теоретическом семинаре. Всем спасибо!

«СОВРЕМЕННАЯ ФОРМУЛА ЗАБОТЫ: КОНСОЛИДАЦИЯ ИДЕЙ И РЕСУРСОВ» (обзор Всероссийской научно-практической конференции)

26 февраля 2016 г., в Саратовском университете состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Современная формула заботы: консолидация идей и ресурсов». Организаторами форума стали социологический факультет и факультет психологии Саратовского государственного университета.

В конференции приняли участие ведущие ученые Саратовского государственного медицинского университета им. Разумовского, Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А., Саратовского социально-экономического института РЭУ им. Г. В. Плеханова, Поволжского института управления им. П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Саратовской государственной юридической академии, Саратовского государственного аграрного университета им. Н. И. Вавилова. Было зарегистрировано свыше 80 человек.

Конференцию открыли декан факультета психологии СГУ Л. Н. Аксеновская и декан социологического факультета СГУ С. Г. Ивченков.

В своем приветственном слове Людмила Николаевна сказала о том, что ученые двух факультетов уже давно готовились к организации совместного проекта. Поиск области взаимных научных интересов привел психологов и социологов к теме заботы, которая сегодня является одной из наиболее перспективных областей междисциплинарного сотрудничества. Психологи традиционно вносят свой вклад в развитие этого тематического направления путем разработки психотехнологий заботы о себе. А сотрудничество с социологами обещает расширение и обогащение пространства теоретического осмысления темы заботы о себе и выход на совместные исследования ученых двух факультетов.

Приветствуя участников конференции, С. Г. Ивченков отметил, что «гуманитарный поворот» к человеку, его жизненному миру, ценностям и интересам означает широкое использование компаративных и междисциплинарных подходов, в русле которых и проходит данная конференция.

Первый доклад «Социальные изменения как активный фон в рассуждениях о заботе» был сделан заведующей кафедрой социологии социальной работы, доктором социологических наук, профессором М. Э. Елютиной. Она выделила и проанализировала различные формулы заботы, как те, что содержатся в античном философском наследии, так и современные. В фокусе ее внимания – социальное конструирование практик заботы. М. Э. Елютина проанализировала изменения экономического, силового и социального ландшафта Европы, в том числе и России, которые проецируются, с ее точки зрения, на

конструирование современных практик заботы, наполняя их новым содержанием.

Декан факультета психологии СГУ, заведующая кафедрой общей и социальной психологии Л. Н. Аксеновская выступила с докладом «Сотеринг как технология заботы о себе: в защиту автаркии». Она отметила, что забота о себе в той версии, в которой ее описали Мишель Фуко и Пьер Адо, зародилась как «культура себя» в эпоху Античности и связана с именами Сократа, Платона, римских стоиков. Целью заботы о себе являлась самореализация, а следствием – достижение автаркии (самообладания) и атараксии (бесстрастия). Психологическая технология сотеринга опирается на эту идеологию. Полемизируя с другими учеными, Л. Н. Аксеновская отметила, что забота о себе становится инструментом биополитики только в случае искажения базовой концепции *sua sui*. Психологический механизм искажения связан с идеей Бога, а преодоление фукианско-агамбенской коллизии «биополитика-танатополитика» возможно с помощью перехода на концепт «сua политика» и активного развития психотехнологий заботы о себе типа сотеринга.

Научный руководитель Института филологии и журналистики СГУ, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, доктор филологических наук, профессор В. В. Прозоров представил доклад на тему «Забота о себе в речевом жанре взаимного поиска согласия». Валерий Владимирович изложил свою интерпретацию заботы, на материале особого речевого жанра показал значимость готовности на терпеливое и деликатное выстраивание взаимных отношений.

О. В. Костина, профессор кафедры философии Саратовской государственной юридической академии, доктор философских наук, в своем выступлении говорила о ценностной природе заботы, определяемой в проективном пространстве культуры как мире конечных целей и смыслов. Забота как озабоченность далеким формирует, по мнению О. В. Костиной, не усеченные контексты и альтернативные утилитаризму логики существования человека в культуре.

В докладе профессора кафедры истории философии и политологии Саратовского социально-экономического института РЭУ им. Г. В. Плеханова, доктора философских наук И. И. Гусевой были выявлены ракурсы заботы в контексте новой онтологии социального. Было подчеркнуто, что в современном дискурсе социально-гуманитарных наук отдельное, индивидуальное становится принципом, организующим социальную действительность, раздвигая рамки классической субъект-объектной парадигмы и формируя

фундамент новой, постклассической рациональности. Возвращая ценность индивидуального в структуру научной рациональности, стратегии микроанализа, по мнению докладчика, реализуют заботу о бытии в действиях самих индивидов.

Заведующая кафедрой культурологии философского факультета СГУ, доктор философских наук, профессор Е. В. Листвина, рассмотрев проблему заботы в обществе потребления, выделила несколько форм заботы, актуальных в XX в.: забота о себе, забота об обществе, забота общества о своих членах. Констатируя тот факт, что в обществе потребления во второй половине XX в. явно выделился крен в сторону заботы о себе, об индивидуальном материальном и психологическом комфорте, Е. В. Листвина отметила, что в настоящее время такая формула заботы претерпевает качественные изменения, все больше подвергаясь влиянию характерного культурного, ментального наполнения. В настоящее время акцент делается на специфике культурного содержания представлений о заботе.

С. В. Климова, профессор кафедры экономической социологии, рекламы и связей с общественностью Саратовского социально-экономического института РЭУ им. Г. В. Плеханова, представила доклад «Форматы коммерциализации благотворительности в постсоветской России». В своем выступлении она обратила внимание на архетипические основы социальной защиты как институционализированной системы заботы, трансформацию благотворительности в

рыночные формы социального обслуживания и социального предпринимательства в современной России.

На мероприятии прозвучали доклады, затрагивающие практики заботы в эколого-нравственном аспекте, эрготерапевтический подход в социальной работе с пожилыми и инвалидами, поддержку эмоционального благополучия ребенка раннего возраста, образы заботы в культурных традициях, феномен заботы: психантропологический аспект, культурный ресурс феномена заботы, формы заботы об окружающей среде, инновационный потенциал личности в контексте заботы о себе. Интерес слушателей вызвали выступления Андрея Солодко, клирика храма Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, о практиках духовного попечения о людях с нарушениями слуха, а также кандидата социологических наук, доцента кафедры социологии социальной работы СГУ Е. И. Уфимцевой о практиках заботы РПЦ.

Закрывая конференцию, профессор М. Э. Елютина выразила уверенность, что поднятые участниками темы будут развернуты в публикациях в сборнике по материалам конференции. Она привлекла внимание к интеграции усилий в решении проблемы «сбережения человека» в теоретическом, практическом и экзистенциальном измерениях.

*Л. Н. Аксеновская,
М. Э. Елютина*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андропова Ю. Э. – аспирант кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Andronova.91@inbox.ru

Бабаян И. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Менеджмент туристического бизнеса», директор Социологического центра, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: innabv@list.ru

Вилков А. А. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: vil57@yandex.ru

Гусев В. В. – кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративной экономики, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов. E-mail: vladgus2006@yandex.ru

Дубровская С. В. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: dubrik80@mail.ru

Жемчураева С. Ш. – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, политологии и социологии, Чеченский государственный педагогический университет, Грозный. E-mail: sedazz@mail.ru

Забнева Э. И. – зав. отделением очного факультета, доцент кафедры управления и сервиса, Филиал Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева в г. Новокузнецке. E-mail: zabnevailvira@mail.ru

Ибрагимова Э. М. – старший преподаватель кафедры философии, политологии и социологии, Чеченский государственный педагогический университет, Грозный. E-mail: Elai-555@mail.ru

Калинин В. А. – аспирант кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: slaffka.kalinin@yandex.ru

Карелин М. А. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: karelin15@rambler.ru

Кравченко Н. Ю. – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

Краснов М. М. – магистрант, Университет Гумбольдта, Берлин, ФРГ. E-mail: krasnovm@hu-berlin.de

Кузьмин П. В. – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений, Тавриче-

ская академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь. E-mail: cf_university@mail.ru

Малый В. И. – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой корпоративной экономики, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов. E-mail: sreda@email.ru

Мирзаханов Д. Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Дагестанский государственный технический университет, Махачкала. E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

Нечаева И. В. – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН, Саратов. E-mail: irnech89@mail.ru

Павлова С. М. – аспирант кафедры государственного управления и социологии региона, Пензенский государственный университет. E-mail: smpavlova2013@gmail.com

Пашинина Е. И. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы, социолог Социологического центра, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: pashininaei@mail.ru

Перминова М. С. – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии науки и социологии, Оренбургский государственный университет. E-mail: ms-perminova@rambler.ru

Поплавский М. А. – аспирант кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Poplavskymax@rambler.ru

Сабанов З. М. – доцент кафедры технологий и инноваций, Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, Владикавказ. E-mail: mse@osetia.ru

Стукалова А. В. – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода, Российский государственный социальный университет, Москва. E-mail: abcd271@yandex.ru

Трофимова О. А. – аспирант кафедры социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: trofimova2006@mail.ru

Шарапов Р. И. – аспирант кафедры политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет. E-mail: robertsharapov@mail.ru

Шестакова А. Г. – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ashestakova@mail.ru

Шестов Н. И. – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: nikshestov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andronova Yu. E. – graduate student of the Department of sociology of social work, Saratov State University. E-mail: Andronova.91@inbox.ru

Babayan I. V. – candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of tourism business management, Director of the Sociological center, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: innabv@list.ru

Dubrovskaya S. V. – candidate of political sciences, associate professor of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: dubrik80@mail.ru

Gusev V. V. – candidate of economic sciences, associate professor of the Department of crisis management, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov. E-mail: vladgus2006@yandex.ru

Ibragimova E. M. – senior lecturer of the Department of philosophy, political science and sociology, Chechen State Pedagogical University, Grozny. E-mail: Elai-555@mail.ru

Kalinin V. A. – graduate student, Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: slaffka.kalinin@yandex.ru

Karelin M. A. – graduate student of the Department of sociology regions, Saratov State University. E-mail: karelin15@rambler.ru

Kravchenko N. Yu. – candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of applied sociology, Saratov State University. E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

Krasnov M. M. – student of master of education, Humboldt University, Berlin, Germany. E-mail: krasnovm@hu-berlin.de

Kuzmin P. V. – doctor of political sciences, professor of the Department of political science and international relations, Taurida Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: cf_university@mail.ru

Maliy V. I. – doctor of sociological sciences, professor, Head of the Department of corporate economy, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov. E-mail: sreda@email.ru

Mirzakhanov D. G. – candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of philosophy, Dagestan State Technical University, Makhachkala. E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

Nechaeva I. V. – candidate of sociological sciences, senior researcher, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences. E-mail: irnech89@mail.ru

Pavlova S. M. – graduate student of the Department of government and public administration, Penza State University. E-mail: sm-pavlova2013@gmail.com

Pashinina E. I. – candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of sociology, social anthropology and social work, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: pashininaei@mail.ru

Perminova M. S. – candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of philosophy of science and sociology, Orenburg State University. E-mail: ms-perminova@rambler.ru

Poplavskiy M. A. – graduate student of the Department of sociology of youth, Saratov State University. E-mail Poplavskymax@rambler.ru

Sabanov Z. M. – associate professor of the Department of technology and innovation, North Ossetian State University named after K. L. Khetagurova, Vladikavkaz. E-mail: mse@osetia.ru

Sharapov R. I. – graduate student of the Department of political science, Kazan (Volga region) Federal University. E-mail: robertsharapov@mail.ru

Shestakova A. G. – graduate student of the Department of history of modern and contemporary, Saratov State University. E-mail: ashestakova@mail.ru

Shestov N. I. – doctor of political sciences, professor of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: nikshestov@mail.ru

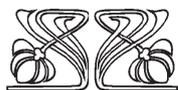
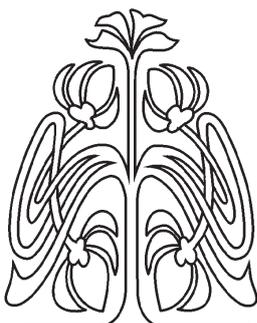
Stukalova A. V. – candidate of political sciences, senior lecturer of the Department of linguistics of translation, Russian State Social University, Moscow. E-mail: abcd271@yandex.ru

Trofimova O. A. – graduate student of the Department of social work, Saratov State University. E-mail: trofimova2006@mail.ru

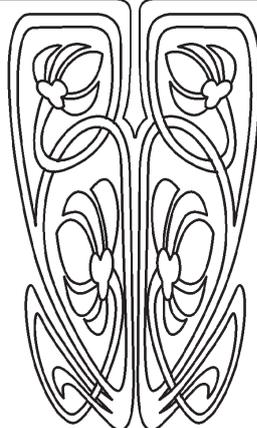
Vilkov A. A. – doctor of political sciences, professor, Head of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: vil57@yandex.ru

Zabneva E. I. – Head of the Department of full-time faculty, associate professor of the Department of management and service, Branch of the Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev in Novokuznetsk. E-mail: zabnevailvira@mail.ru

Zhemchuraeva S. Sh. – candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of philosophy, political science and sociology, Chechen State Pedagogical University, Grozny. E-mail: sedazz@mail.ru

ПОДПИСКА

Подписка на II полугодие 2016 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016.
Журнал выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru).

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала:
410012, Саратов, Астраханская, 83;
тел. (845-2) 51-45-49, 52-26-89; факс (845-2) 27-85-29;
e-mail: izvestiya@sgu.ru